ПИОНЕР 4

АПРЕЛЬ • 1971 г. • ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Алеко ШЕНГЕЛИА

ЛЕНИН

Он родился весною.
Он умер зимой.
И навеки оставил в наследство
весну нам.
Мы идем по весенней дороге
прямой
Вслед за партией, в мире
просторном и юном.

Он весну человечества
в сердце носил,
О себе забывая,
трудился упорно.
Не жалел для потомков
ни жизни, ни сил
И растил терпеливо
грядущего зерна.

И когда в январе
на просторе седом
Дни и ночи бушуют
ветра и метели,
Люди думают светлую думу
о том,
Кто родился весною,
в далеком апреле

Мчится время,
раскатами лет грохоча,
Снова полнится соком весенним,
как чаша,
Освещенная лампочками
Ильича
И кремлевскими звездами
Родина наша!

Магомет СУЛАЕВ

Служить народу

Быстрее время движется, быстрее,
Но так же тих и светел этот снег,
И так же хочет счастья человек,
Как и всегда,
Но счастья Прометея.
И этим дорог мне двадцатый век!

Все больше в нас добра и чистоты,
Душевности, сердечного горенья,
И Ленина глубокие черты
Все резче, резче в каждом поколенье.

И, не сбиваясь на трескучесть фраз,
Я говорю: служить народу — счастье,
И в каждом деле партии для нас
Нужнее стало личное участье!

Ходжи-Бекир МУТАЛИЕВ

Коммунист

Кто такой коммунист?
Я скажу: человек,
У которого сердца
Хватает на всех.

Коммунист — это тот,
Кто во имя людей
Не жалеет ни сердца,
Ни жизни своей,

Кто, за правду
сражаясь,
Готов умереть,
Чтоб спокойно в глаза
Поколеньям смотреть.

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
АПРЕЛЬ 4
Издательство «Правда»
Москва 1971 г.

Созиданием победим!

Щурясь от весеннего солнца, в выгоревшем плаще нараспашку колхозный председатель Василий Захарович Тур смотрит, как густым теплым ливнем льется из серебристых трубок, падает на землю дунайская вода...

— Пошел, пошел! — кричит в темноту озябший от студеного ветра Дима Никифоров и дает фонариком отмашку крановщику Фариту. Бетонная плита взмывает вверх и исчезает в метельной мгле.

«Минет день, и дом готов! Как в сказке»,— размышляет Дима, подсчитывая в уме, сколько уже домов построил он со своей бригадой на Кольском полуострове и сколько еще построит...

А тем временем на Днепре в утреннем тумане на разные голоса поют пароходные гудки. На воде они слышны издалека. Началась навигация на Днепре, и старый речник Поливанов с двумя своими молодыми помощниками вышел на самоходке в первый рейс...

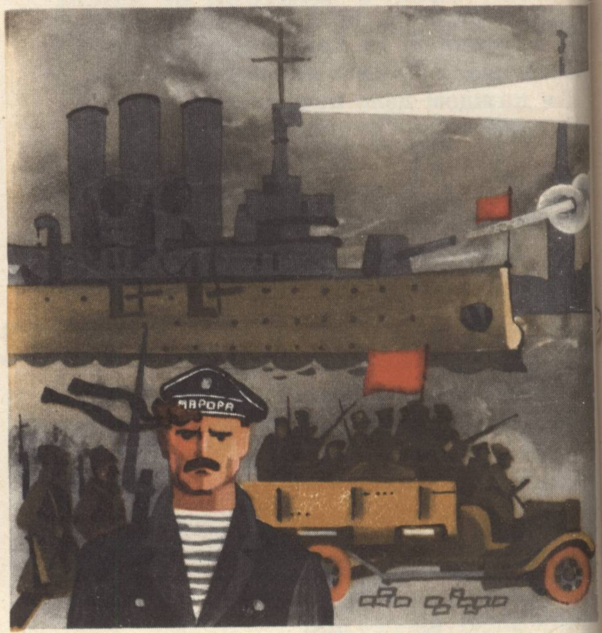
Но вот расстояния словно исчезли. И полярный строитель Дима Никифоров, днепровский шкипер Поливанов, председатель Тур из колхоза на Одесщине и все их товарищи и тысячи других людей с разных концов нашей земли словно сошлись воедино, встали рядом, слышат дыхание друг друга.

Вместе со всей страной они незримо присутствуют сейчас в Москве, в большом зале, где в эти первые дни апреля идет съезд коммунистов.

Двадцать четвертый съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Здесь, в этом зале, идет необычайно важная и серьезная работа. Здесь проектируется наше завтра.

План развития страны на пять лет. Он будет самой прямой, верной дорогой в будущее, и это будущее мы уже сегодня, сейчас можем увидеть.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Планы, разрабатываемые партией, никогда не оставались просто мечтой, никогда не были лишь предсказанием. Наши планы на завтра всегда становились завтра действительностью.

Почему?

Потому что у партии огромный авторитет, поддержка всего нашего народа, более чем полувековой опыт хозяйствования и теория научного планирования, основы которой уже в первые годы Советской власти были заложены гением Ленина.

Зябкими апрельскими вечерами 1918 года в необжитой, скудно обставленной комнатке кремлевских «кавалерских покоев» Владимир Ильич после всех дневных встреч, сове-

щаний, телефонных переговоров, после двух-трех выступлений на заводах присаживался к столу и писал.

В один из таких вечеров, закончив совсем коротенькую фразу, он на мгновение остановился и подчеркнул три слова.

«Мы, партия большевиков,— написал он,— Россию **убедили.** Мы Россию **отвоевали** — у богатых для бедных, у эксплуататоров для трудящихся. Мы должны теперь Россией **управлять».**

На первый взгляд могло показаться, что это не такая уж сложная задача. Завоевать власть, повыгонять помещиков и капиталистов — вот это да, это победа, а управлять страной, когда власть стала своей, народной,— дело попроще.

Ленин призывал понять, что это **самая трудная задача.**

Впервые Коммунистической партии предстояло управлять экономикой страны. И управлять так, чтобы создать мощную промышленность и сельское хозяйство — экономическую базу нового общества.

А начинать эту работу предстояло в стране невероятно отсталой, мелкокрестьянской, истощенной войной.

Как-то к Владимиру Ильичу пришли рабочие. Вид у всех был обескураженный. Оказалось, некоторое время назад партия поручила им руководить важной отраслью народного хозяйства.

— Плохо дело идет, Владимир Ильич,— признались посетители,— нельзя ли нам обратно на завод?

Ленин внимательно выслушал рабочих. Потом сказал:

— А знаете, я тоже никогда раньше не управлял государством. Но партия и народ поручили мне эту работу, и я должен оправдать их доверие.

В другой раз кто-то из коммунистов стал отказываться от сложной хозяйственной работы, говоря, что у него совсем нет опыта. Владимир Ильич расхохотался.

— А вы думаете, у кого-то из нас есть такой опыт?

Разумеется, легче отправляться в путь, имея проверенный экипаж и заранее изученную дорогу. Но в том-то и дело, что у коммунистов в начале пути, который вел к социализму, ни того, ни другого не было.

— Ни экипажа, ни дороги, вообще ничего, ровно ничего испытанного ранее,— говорил Владимир Ильич.

...Статья, над которой работал Ленин в апреле 1918 года, называлась «Очередные задачи Советской власти». Она стала для партии верным компасом на многие годы, потому что давала ответы на самые важные, самые неотложные вопросы:

как организовать социалистическое хозяйство,

как повысить производительность труда,

как по-новому организовать труд, трудовую дисциплину,

как вести социалистическое соревнование?

Могучий ум Ленина, его гениальная прозорливость помогли партии правильно определить задачи новой, Советской власти.

Ленин был твердо уверен: Советское государство может и должно планировать развитие хозяйства. Это позволит государству использовать все ресурсы страны для строительства социализма и коммунизма.

Ты можешь и не знать, что в 1918 году питерские большевики собрались для того, чтобы составить общую, единую программу для шестидесяти заводов города. План был рассчитан пока на четыре месяца. Но это была уже попытка управлять хозяйством! Зато слово «ГОЭЛРО» знает каждый.

ГОЭЛРО — первенец нашего советского планирования. Это старейшина наших хозяйственных планов.

Владимир Ильич знал, что электрификация — самое главное, самое важное звено во всей цепочке хозяйственных забот Советской власти. Электричество даст силу заводам, и фабрикам, и сельскому хозяйству — силу богатырскую по сравнению с прежней — конной и паровой. Электричество потребует новой техники. Электрическая сила и новая техника дадут мощный толчок развитию хозяйства. А могучая, постоянно развивающаяся экономика — это путь к коммунизму.

Вот почему Ленин с полным основанием говорил:

— Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны.

Владимир Ильич очень хотел, чтобы идея электрификации поскорее стала известна повсюду.

В Москве собирался VIII съезд Советов. Он должен был утвердить план ГОЭЛРО. Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич вспоминает, как за пять дней до съезда, поздней ночью, распрощавшись с Владимиром Ильичем, вернулся домой и вдруг услышал телефонный звонок. «Взявши трубку, я услышал вопрос Ильича, могу ли я сейчас же прийти к нему. Конечно, я бросился сломя голову и когда пришел в Совнарком, то застал необыкновенную обстановку. Два часа ночи, никого нет, свет везде потушен. Владимир Ильич ходит по своему кабинету, кабинет заложен книгами и рукописями...»

— Что можно сделать, чтобы немедленно, завтра же с утра, зажечь интерес к электрификации? — спросил Владимир Ильич.

Бонч-Бруевич предложил тогда к открытию съезда напечатать брошюру об электрификации и карту. Это было трудно. Типографии стояли. Не было ни топлива, ни продовольствия.

«Владимир Ильич немножко усомнился в успехе этого начинания и добавил, что, если только возможно, это будет прекрасно... Но все-таки в кустарной мастерской, ручным способом отпечатали эту карту. И когда утром, придя на съезд, я стал раскладывать 585 экземпляров — по одному экземпляру на каждый стул, Владимир Ильич, пришедший рано, заглядывал с трибуны и наблюдал, как там: берут ли эту карту и разложена ли она везде».

На съезде Владимир Ильич Ленин говорил о будущем электрифицированной страны, и делегаты, сидевшие в шинелях, полушубках, телогрейках в едва освещенном зале Большого театра, видели, что это не мечта, а реальная программа, к выполнению которой надо приступать завтра же.

В перерывах иностранные корреспонденты удивленно пожимали плечами.

— Здесь какой-то съезд сумасшедших,— говорили они.— В Москве ничего нет, часто дают овес вместо хлеба, а они вдруг об электрификации толкуют...

Буржуазные прорицатели всех мастей не только этот, но и все последующие планы нашей партии объявили бредом, беспочвенными мечтаниями, большевистскими выдумками, но что получилось из всех пророчеств, мы хорошо знаем!

Так, впервые в истории был принят первый единый народнохозяйственный план, который определил развитие всей экономики нашей страны на большой срок.

Принципы планирования, разработанные Лениным при подготовке плана ГОЭЛРО, и теперь на вооружении нашей партии.

Все наши пятилетки — это, по существу, прямое продолжение и развитие первого ленинского плана.

Не прошло и двух месяцев с той поры, как в декабре 1920 года VIII съезд Советов утвердил ленинский план ГОЭЛРО.

Страна переживает труднейшие дни. «Правда» печатает статьи, звучащие как набат: «Тревога», «Громадная опасность».

Стоят заводы: нет топлива, нет хлеба. В огне кулацкого восстания Тамбовщина. Зреет мятеж в Кронштадте.

Но и в это напряженное, тревожное время Ленин продолжает думать о будущем, о завтрашнем дне страны.

17 февраля 1921 года в 12 часов 30 минут Владимир Ильич уезжает из Кремля в Архангельское. Какое дело ведет его туда? У Ленина важный замысел. В Архангельском отдыхает Кржижановский, он едет к нему, чтобы обсудить создание нового органа Советской власти, который будет под руководством партии разрабатывать все дальнейшие государственные планы.

Владимир Ильич возвращается в Кремль в 7 часов вечера и сразу же поручает секретарю разослать членам правительства проект постановления о Госплане. 22 февраля постановление уже принято. Госплан существует.

В тот же день «Правда» печатает статью Владимира Ильича «Об едином хозяйственном плане».

Всего девять страниц печатного текста. Но ленинские мысли, изложенные в них, переносят нас из прошлого в настоящее. В сегодняшний день.

В годы, когда в стране производят всего три процента того чугуна, что производили в 1913 году, а стали — пять процентов, когда доля России в мировом производстве электричества равна нулю, а сельское хозяйство вконец разорено, Ленин видит нашу страну электрической, оснащенной наилучшими машинами.

Ленин верит, что все это будет, потому что власть в руках пролетариата и впервые в истории народ сам ведет свое хозяйство по единому государственному плану.

В Кремлевском Дворце съездов идет сейчас важная и серьезная работа.

Здесь проектируется наше завтра. И мы знаем, наш план на завтра обязательно станет действительностью.

Мы уверенно идем вперед. Наша цель — коммунизм. Созидая, мы победим!

И снова в плавание!

Эдуард КОРПАЧЕВ

РАССКАЗ

Рисунки П. БАГИНА.

1

Всему свой черед, вслед за палевой осенью приходит белая зима, и мотористу Толе Воркушину странно было видеть в декабре печаль зимнего бесснежья: снег падал, падал, робея утвердиться на земле, завариваясь в днепровской воде, и лишь нарастал на крыше дебаркадера, на палубах тосковавших буксиров, на палубе самоходной баржи «СБ-0201».

Ах, ну и пусть ни осень на пристани, ни зима, ну и пусть напрасно стоят у берега суда, ну и пусть сидят у окошка шкиперской каюты Поливанов, шкипер баржи, и Павел Крупочка, матрос, а ему, Толе, нипочем декабрьская купель. Он выбежал к фальшбор-

ту почти голышом — в плавках на ремешке, в резиновом голубом шлеме, в плотных тапочках-калошах на босу ногу, гибкий, поджарый, с загаром стойким, как у восточных людей. И еще не отведя руки назад, не полусогнув пружинисто ноги, он успел подумать, что следом выскочит Павел Крупочка и скажет: «Перестань, Толя, мне даже холодно из-за тебя! Круглый год тебе навигация, что ли?»

И Павел выскочил и крикнул что-то знакомое, вчерашнее, а Толя с коротким ответным возгласом оттолкнулся от палубы и тихо, без всплеска вошел в темную воду.

Речники, наблюдавшие за ним с берега, посмеивались и кричали ему: «Давай, давай, днепровский морж!» А он купался, он жаждал не выходить из потеплевшей воды на промозглый берег, но все же пришлось вскоре выбраться. И, еще более легкий, он скованно побежал к трапу, поднялся на палубу и в каюте принялся растирать себя махровым полотенцем, расцвечивая тело багровыми пятнами.

Как хорошо жить в восемнадцать лет и знать, что закончена навигация и на следующий год уже не плавать тебе, уже поступать учиться или в армию идти, и жить этим новым теперь, теперь, в восемнадцать лет! А Павлу Крупочке тоже, наверное, в армию, и останется Поливанов один, будет стареть, углубятся морщины на его коричневом лице, — как отчетливо понял Толя сейчас угрюмого рослого шкипера, глянув на него и подумав, что напрасно твердил ему о своем и что радость его никакая не радость для Поливанова. Он еще словно бы уловил в серых, как мокрый снег, глазах Поливанова просьбу и, похаживая по тесной каюте в речной своей форме, которая так невесома была после купания, боялся выглядеть счастливым и чужим, а это не удавалось. Поливанов поспешно спросил глуховатым голосом:

— Что там на берегу? Выстроился весь днепровский флот, а к чему? Груза никакого нет.

И не успел Толя из окошка бегло окинуть взглядом побережье, как с трапа донеслось:

— Поливанов, к диспетчеру!

И тотчас шкипер метнулся к окошку, надевая на голову фуражку с затерханным, несгибаемым козырьком:

— Ну вот, готовьтесь. Рейс!

Энергичное, и неспокойное, и всегда манящее слово «рейс»!

Толя и Павел быстро переглянулись, и в глазах матроса, отзывчиво блеснувших за стеклами очков, было торжество, что вот не окончилась навигация, вот поплывет баржа сквозь декабрь. Да и Толя сам привязался к реке и к плаваниям, не томили его рейсы на тихо блуждающей по Днепру самоходке, но ведь не вечно оставаться речником, если хочешь испробовать другого дела, и ведь не повторять судьбу Поливанова.

Поглядывая из окошка на тяжелую воду, на трап, на берег, Толя одновременно посматривал и на матроса, и видел его нетерпение, и понимал тщедушного парня, с которым они учились вплоть до восьмого класса, пока он, Толя, не поступил в речной техникум, понимал, что дружку легче дышится в плавании и что крепнет, крепнет он за работой на палубе. А еще, наверное, оказалась для Павла недолгою навигация, хотя и долга была она, долга и памятна рейсами, и причалами, и ночными кострами, но если надо снова в плавание, то и он, Толя, готов занять свое место у дизеля. Все равно пуст и неприютен город на круче, и не удастся повстречать Таню Скошальскую из музыкального, сколько ни ходи по набережной. Она ведь тоже теперь в Кленовице, да как он забыл, что она в Кленовице, в школе работает!

2

Едва Поливанов произнес зовущее слово «рейс», как появилась надежда, что в позднем плавании, когда сойдутся ребята в рулевой рубке, он им поведает то, что не успел поведать летней ночью у костра. Сгорел тот костер в своем огне, но остался пепел, и Поливанов расскажет ребятам о том, о чем думал нередко, глядя на них, мальчишек, — о своей юности расскажет, и Воркушин Толя, быть может, помедлит уходить с баржи.

Шагая к дебаркадеру, Поливанов посматривал на кручу, на голые, проволочные ветви деревьев. Дом его был и на барже и на дебаркадере — всюду, и Поливанов, оказавшись в диспетчерской каюте, ощутил себя хорошо и в этой речной семье, среди механиков, капитанов, мастеров сплавного дела, которым так уютно было сидеть в сухом покое и глядеть на реку.

И когда плотный, облысевший, с белесыми бровями диспетчер Шумигай быстро сказал ему:

— Еще рейс, Поливанов. А? — он присел за стол и, глядя на маршрутную карту, буднично спросил:

— Какой маршрут?

Шумигай пустил карандаш по голубой ленте на маршрутной карте:

— Вода прибывает. Осенний паводок, так? Затопило Межерский луг под Кленовицей. Колхозники просят помощи. Ну, надо спасать сено.

— Так мы готовы, — поднялся Поливанов. — Баржа заправлена, лодки наготове...

— А ты посиди, — улыбнулся ему диспетчер, — посиди перед дорогой.

И Поливанов, сутулясь над столом, над маршрутными картами, опять окинул всех живым взглядом.

Вот и снова рейс, и скоро самоходка уже будет в пути, и, если удастся, Поливанов расскажет своим ребятам о том, как в сорок

втором году он был в их летах и на партизанском катере они вчетвером подошли к этой пристани, взяли на прицеп баржу, груженную винтовками, и потащили вверх по течению, а немцы открыли пальбу, а с катера ударили из пулеметов. И когда все же ушли от немецких пуль, когда пристали у партизанского берега, Поливанов не узнал своей одежды, выкрашенной кровью, и не знал поначалу, в горячке, то ли своя кровь цвела на рубашке, то ли ровесника Мити Ступакова, который так податливо лежал у него на руках, когда он относил Митю от пулемета, хотя Митя уже не боялся пуль.

Разбуженный памятью, Поливанов поднялся и уточнил для самого себя:

— Значит, до Кленовицы.

Шумигай дал ему на прощание сразу две руки:

— Это важный рейс, Поливанов. Понимаешь? Счастливого плавания!

3

Как вспарывает баржа густые, идущие гряда за грядой волны, как минует лозы, и вербы, и тополя с покинутыми гнездами аистов, как из низких туч летит станиолевый снег и спешит стать водой — ничего этого не видел Толя Воркушин, а лишь слушал в теплом машинном отделении сытый, утробный рокот дизеля.

Ему не терпелось наверх, и он определял, что самоходка уже покинула позади Белое болото, захотел кликнуть Павла Крупочку, чтобы тот подежурил у приборов, но матрос шустро соскочил сам по металлической лесенке.

Толя оставил Павла у дизеля, поднялся в шкиперскую каюту. Над фарватером все ниже нависали тучи, уже изнемогшие, бесснежные, и не хватало простора, и серая близкая мгла лежала впереди, и, словно тенью, были омрачены пустынные берега течением располневших туч.

Хотя Толя стоял рядом, Поливанов отдал приказ в рупор:

— Приготовиться, скоро луг.

Кленовица встретила их отдаленными голосами на воде. По всему лугу, залитому паводком и уходящему вдаль, к темному Кленовицкому бору, кучно стояли стога, подле стогов сновали лодки.

Как только бросили якорь поблизости полосатого перевального столба, Толя выскочил на палубу и разглядел, что к барже стала приближаться оттуда, с затопленного луга, моторная лодка.

Когда моторка подошла к барже, первым на борт поднялся парень в армейской шапке, в армейской шинели без погон. Толя смотрел на него приветливо, словно загадывая свое армейское будущее, и не сразу приметил еще двоих, поднявшихся следом за парнем, а когда приметил мальчика — видно, школьника — и девушку в брючках и стеганой куртке, ему померещилась в этой девушке Таня Скошальская — как странно!

Парень, привыкший к армейскому порядку, уже чеканил Поливанову:

— Костя. Бригадир десантной бригады. Не ждали мы теперь, к зиме, паводка. Обычно по весне заливало. По снегу мы и перевозили сено. А в этом году — видите! Ну, ладно, бедовать не время. Отдохнете или сразу к делу?

А Толя смущенно посматривал на Таню Скошальскую, хотя и мечтал встретиться с ней в Кленовице.

Поливанов уже договаривался с бригадиром Костей о перевозке сена, уточняя:

— Значит, двое ваших здесь останутся.

Костя направился к фальшборту, в лодку спустился быстро, а Толя без приказа рванулся в машинное отделение, завел дизель.

К ближнему стогу, возле которого в моторке возвышался Костя, баржа подошла на самых малых оборотах, и Поливанов крикнул Косте:

— Промеряй глубину!

Стог оказался совсем рядом, роскошно пахнувший сухим разнотравьем, и, когда Костя, невидимый, прикрытый бортом, принялся перекидывать с лодки вилами сено на баржу, а здесь принялись подхватывать огромные охапки и бросать вниз, в отсек, еще сильнее повеяли восхитительные, стойкие запахи лета.

Они без роздыха носили шуршащее сено, Павел и Поливанов, Таня и мальчик-школяр, и вскоре все разогрелись по-летнему, и Поливанов довольно потер подбородок, когда ребята словно бы слизали первый стог.

Что ж, убыл первый стог, но толпа стогов не поредела, сутулые курганы сухой травы росли повсюду — неподалеку и вдали, и осторожная баржа снова двинулась в путь.

Потом баржа остановилась, и Толя Воркушин, заслышав на палубе веселые возгласы, шумную, хлопотливую работу, выбрался наверх, подступился к Тане Скошальской, берясь за нагретый черенок вил:

— Дай-ка я.

— Ну что же, — отступила в сторону Таня. — Кому дизель, кому вилы...

— А мы универсалы, — засмеялся Толя и принялся помогать: подхватывал на вилы душистую тяжесть и, колеблемый ею, нес к отсеку, затем бежал к фальшборту, словно спешил принять всю тяжесть на себя, и хотел, чтобы Тане меньше досталось мужской работы, чтобы видела Таня его силу и ловкость. Его забавляло, что растрепанная ноша способна пошатнуть его, и он напрягался, поигрывал мускулами под рубашкой, косил веселые карие глаза на Таню и чувствовал, как роднит его и Таню общая работа.

Снимая со лба налипшую сухую траву, Толя пожалел, что быстро справились со вто-

рым стогом, и метнулся в машинное отделение, обещая себе каждый раз подниматься на палубу, и был верен этому: едва притягивалась, как на магните, баржа к стогу, он успевал перехватить из Таниных рук легкие вилы, чтобы ощутить тяжелыми эти вилы, и не уставая мотался по палубе, словно не работал, а боролся.

Уже смеркалось вокруг, будто накидывали на лицо, на глаза темную сетку. И никто не зажигал бакены и перевальные огни на Днепре, и лодки с кленовицкими людьми уже отплывали от стогов и тянулись к своему, кленовицкому берегу, в одной из лодок сидели школьницы в белых платочках, и эти платочки напоминали плывущую чередку гусей.

— Отчаливай, Костя! — крикнул Поливанов и бригадиру.

И Костя отозвался звучным голосом шкиперу, а Толя тотчас увлек в машинное отделение Таню и, поведя рукою на дизель, сказал ей:

— Вот это и есть железное сердце нашей баржи.

— Славная теплушка! — обвела Таня веселым взглядом машинное отделение.

Толя опять дал малый ход, потом баржа быстрее поспешила к берегу, и Толя подумал, что сейчас придется дружно, всей командой, сбрасывать сено и что снова, едва подвалит баржа к берегу, он ринется в работу.

Но как только закачалась баржа у берега,

как только достигли суши перегруженные лодки, бригадир Костя крикнул с обрыва, спохватившись:

— Знаете, Поливанов, не будем выгружать. Доставим утром это сено в дальнюю бригаду. Не против?

— Можно и так, — согласно кивнул головой Поливанов.— Только подняться надо пораньше. Далеко отсюда живете, помощники?

Он спрашивал уже не у Кости, а у мальчика-школяра и у Тани, потому и надеялся Толя, что сейчас отпросится у шкипера и пойдет с ними стылым берегом по Кленовице.

— А то и в каюте можно ночевать. Места хватит, — продолжал Поливанов, глядя при этом на мальчика, подрастающего от радости, и на Таню, вдруг подросшую тоже. И еще не успела ничего произнести Таня, а Толя уже знал ее слова, и был счастлив, и был готов стеречь ее ночлег на большой, широкой, заваленной сеном барже.

Но все же тесна, мала была каюта для всех, и вечером, когда засветили рыбацкие избы свои бакены, когда отчетливее стал слышен ропот волн, Поливанов распорядился:

— На барже груз — значит, дежурить надо. Воркушин будет на вахте.

И Толя охотно поднялся на палубу, меркло освещенную фонарем, привалился к фальшборту, слушая плеск, хлюпанье, вздохи воды, ощущая студеную свежесть ее.

4

Назавтра груженая баржа следовала вверх по течению, в отдаленную бригаду кленовицкого колхоза, и Таня Скошальская была в машинном отделении.

Он говорил, говорил, Толя, и мысленно благодарил Поливанова, что вот снова идут вверх по течению, хотя могли бы замешкаться у кленовицкого берега, потому что утром бригадир Костя сказал Поливанову: «Можно было углубиться к самому лесу, взять на баржу еще сена. Видите, дальше стога стоят гуськом по обе стороны лога...» «Глубокий лог?» — оживился Поливанов. «Летом не пересыхает. Но рисковать не стоит, наверное». «Раз надо — так надо». «Правильно, пойдем!» — загорелся и Крупочка, но он, Толя, с сомнением покачал головой: «Большой риск, Поливанов. Лучше, может, с нашим грузом отправиться в дальнюю бригаду?»

Обращая взгляд на приборы, Толя мгновенно оценил, верны ли все стрелки и цифры и все ли безупречно, и тут же услышал, как Таня, спохватившись, заторопилась по железным ступенькам, говоря, что Поливанову надо показать, где причалить, что ей знакомы эти берега.

Но вот и остановилась баржа у безвестного берега. Когда Толя выбрался на палубу, команда уже спешно освобождала трюм от груза, и речники с ношами сена, как с поднятыми над собою тучками, сходили по трапу, к повозкам, снова возвращались на баржу, и школьники помогали им.

5

Все грознее наступали на баржу волны, все студенее становился воздух, все неутешнее стонала река. Наутро Поливанов, уже разуверясь в том, что моторист, которого он отпустил на берег за провизией, вернется на судно теперь или позже, рванулся к матросу и крепко стиснул его за плечи:

— Беда, Павел. Воды нанесло. Там, на лугу, вода об сено хлещет! И река вот-вот станет.

Не отпуская рук, он ждал, что скажет матрос, он готовил его к важной вести.

— Воркушин не вернулся, — сказал Крупочка. — И колхозники еще не подоспели.

— Запомнил, где лог, Павел? Костя замерял его днем: два метра. Два метра, Павел... Сена там, правда, немного осталось. Один стог у лога, тот, про который Костя говорил. Потом будет поздно! — громко, на всю баржу произнес шкипер.

— Моторист не вернулся, — с новой тревогой подсказал Крупочка.

И тогда шкипер со смелым отчаянием заговорил:

— Павел, послушай, Павел. Ты сможешь у дизеля?

— Воркушин показывал. Обучал...

— Ты сможешь один, без него?

— Михаил Кириллович, я же подменял Воркушина на полтора часа. Летом. Помните, Михаил Кириллович?

Поливанов твердо глянул в поблескивающие глаза матроса.

— Тогда становись, Павел. Глубина два метра. — И тут же бросился к штурвалу.

А Павел стремглав кинулся вниз, словно опасался, что уже через минуту шкипер подумает о себе, как об отчаянном человеке, и вернет его назад. Хотелось Павлу почувствовать себя хозяином машинного отделения, и он, поправляя очки, внимал мерному, ровному голосу дизеля, наблюдая за приборами, и думал, как на следующий год он изучит механику речных судов и станет мотористом вместо Толи, если Толя Воркушин пустится искать себе иного хлеба на свете. Будь он таким же расторопным, находчивым, удалым, как Толя Воркушин, он бы никогда не покинул Днепр.

Миновав перевальный столб, вошла баржа в лог, и Павел услышал голос Поливанова:

— Малый, самый малый, Павел!

Слева стоял одинокий, подмытый водою стожок сена, к нему и подвигалась баржа вкрадчиво по логу.

— Стоп! — скомандовал Поливанов в сигнальную трубку.

Павел заглушил дизель, выбрался наверх, вдвоем с Поливановым они столкнули на воду лодку, Павел бросил в нее вилы, перебрался в лодку, осторожно оттолкнулся рукой от борта.

Летом вершили стог на самом краю лога, и Павел смог прямо с лодки нанизывать сено, перебрасывать на баржу, Поливанову. Руки, шея, лицо мгновенно разогрелись, в теле запели мускулы, а он работал, работал, без устали перебрасывал охапки сена, и каждая кладь напоминала тучку, и с нее, как с тучки, сеялась дождем сухая, жесткая травка. Павел непрестанно кидал, кидал на палубу, ощущая, как начинают саднить ладони от черенка этих вил. А когда закончил спорую свою работу и вытер скользкую шею, не поверил себе, что так легко управился один.

— Еще поплывем, Михаил Кириллович? — спросил он снизу.

— Жалко, больше нет стогов с краю. А дальше не сможем, сам знаешь. Давай в каюту!

И когда в каюте при свете фонаря Павел глянул на свои маленькие, занывшие вдруг ладони и удивился пухлым волдырям, вскочившим на коже, Поливанов с треском разорвал надвое вафельное полотенце, принялся бинтовать его руки. Павла смешило это и смущало, и он бормотал:

— Ничего, ничего, Михаил Кириллович.

Накрепко бинтовал шкипер ему руки, а Павел, невольно улыбаясь, думал о необычайной работе, которая все еще словно бы гудела в жилах.

— Болят? — спросил Поливанов.

— Пустяки, Михаил Кириллович, и не стоило пеленать мои руки.

Сутулясь, Поливанов похаживал по каюте, раздумывал, раздумывал о чем-то, потом присел рядом с Крупочкой, глядя вниз на свои сапоги:

— Молодец, Павел! Я даже не думал...

— А что тут сложного? Я на будущий год мотористом хочу.

— Гляди, как оно... Ходишь, ходишь по реке и не знаешь, чего хочется хлопцам. Ходишь, а поговорить некогда. А это хорошо, что тебе нравится, Павел! Хорошо! Поверишь, я тоже с детства дал себе слово на реке жить. — И он торопливо стал говорить о далеком — о войне, о Мите Ступакове, о том, что после той перестрелки, в которой погиб Митя, он дал себе слово, если жив останется, то уж на Днепре будет жить, на пароходе или на каком буксире.

Он бы еще говорил о далеком, о войне, о Мите, если бы не послышался ему чей-то голос. А это кричал Толя Воркушин, махал рукою, что-то кричал.

— Может, вернемся? — спросил Поливанов.— Толя на берегу.

— Потом вернемся. Вот нагрузим и вернемся. И Толя займет свою теплушку, — спокойно ответил Павел.

— И я так думаю.

6

Толя кричал с кручи, но как будто не слышали его на близкой барже, и было так нелепо, что уходит, уходит по воде близкая баржа. Толя, деревенея лицом, сознавал, что у дизеля стоит Павел Крупочка, что они обошлись без него и теперь наверняка не подойдут к берегу, пока не наполнят сеном бездонные трюмы. И когда он, обидчиво сощуренными глазами окидывая незастывающий простор с бегущей баржей и лодками у дальнего, нового берега, подумал, как ему будет больно стоять на берегу, принимая грудью ветер, и метаться у воды, и снова звать баржу, то бросился тут же вниз. Окаменевшие комья глины градом застучали по борту перевернутой и цепочкою привязанной к ветле лодки, которую Толя уже освобождал и сталкивал на воду, чтобы плыть туда, к дальнему, новому, плоскому берегу, и помогать остальным лодочникам, если он стал не нужен на барже. Весла были настылыми после ночлега на земле и в робком кружеве инея, который тут же стал влагою.

Не к барже правил свою лодку Толя, потому что не услышали его на барже, а мимо, мимо и вскоре пристроился к череде лодок, в которых колхозники по мелководью перевозили сено от дальних стогов к барже, и направился в сторону лога.

Когда Толина лодка наползла на заиндевевший берег, Толя выскочил и бросился работать с таким жарким нетерпением, что быстро нагрузил свою лодку и первым погнал ее, неуклюжую, осевшую, по волне.

А баржа подошла к самому устью лога, так что путь до нее сократился, и вскоре Толя подогнал свою лодку к борту самоходки, и, перебрасывая сено вверх, на баржу, поглядывая на Танино озабоченное или тронутое скованной улыбкой лицо, он старался что-нибудь веселое говорить, чтоб голос его не выдавал обиду.

И снова стала легкой его лодка и как будто всплыла из воды. Толя сильно и красиво погнал ее по логу, улыбаясь по пути всем встречным лодочникам и никого из них не различая. Веселее, насмешливее пытался он выглядеть, что-то находчивое говорил Тане, и она посмеивалась, хоть и по-прежнему пристально, участливо следила за ним. Он же с показной беспечностью расставался с нею, зная, что снова причалит к железному борту, и опять греб, выпрыгивал на сушу, опять бороздил Межерский луг, не сбивался с плещущей дороги.

Вскоре три или четыре лодки, кружившие подле последнего исчезнувшего стога, с теплыми шапками сена взяли курс прямо к кленовицкому берегу, и вот опустел огромный Межерский луг, его покидали люди, баржа оставалась без службы, ей только доставить наполненные свои трюмы на берег — и нет никакой больше службы. Теперь Толя мог вернуться на палубу и, щуря глаза от ветра, нагнал бригадира Костю, они оба с вызовом переглянулись, их лодки разом рванулись к барже, как на состязании, и вместе достигли ее. Толя попросил Костю, чтобы он взял на прицеп разгруженную лодку, а сам поднялся на палубу.

Уже работал дизель, уже подрагивала палуба, и Толя хмурился, думая, что и на этот раз Павел Крупочка не подождал его и сам завел дизель. С палубы Толя окинул беглым взглядом голый, бедный луг и весь этот зыбкий, вздыхающий, залитый паводком простор, который оледенеет, замрет с приходом настоящих морозов, а потом посмотрел в сторону узкого лога.

Никто не винил его, Павел Крупочка выглядел живее, чем всегда, потому что удалось ему поработать у дизеля, а Поливанов, не изменяя себе, оставался молчаливым.

А подле баржи сошлись полукругом лодки, люди нетерпеливо посматривали вверх, на палубу, на бригадира Костю, словно понуждая бригадира поговорить, и Костя начал:

— Правление и мы, комсомольцы, благодарим вас за помощь, товарищи. Горячо бла-

годарим! Корма спасены, и это — самое главное. Спасибо вам, речники!

— Правильно, бригадир! — поддержали Костю с лодки. — Это большая помощь...

И Толя, наблюдая за парнями и девчатами в лодках, заметил, что теперь обратили они свое внимание на Поливанова, ожидая ответного слова от него. Шкипер не умел говорить на людях, шкипер стеснялся сейчас большого своего роста, стоял под низким, крытым тучами небом, большерукий, старый какой-то, угрюмый от своей неловкости и немоты. Но внимание кленовицких людей, их взгляды словно бы заставили Поливанова ступить к фальшборту и внятно произнести:

— Помогли мы вам, как могли. Так надо. Мы речники, вы колхозники. Все вместе. Так надо.

И смолк Поливанов, а больше ничего и не скажешь, и Костя приветливо потряс обеими руками руку шкипера:

— Спасибо вам, Поливанов!

Потом переступил на шаг к Павлу Крупочке:

— И тебе, Павел!

А Толя, пожимая торопливо Костину руку, уже глядел на Таню. И вот обменялась она рукопожатием с Поливановым, ступила к Павлу Крупочке:

— До свидания, Павел! Я приеду скоро в город. На зимние каникулы.

— До свидания, Таня!

И:

— До свидания, Толя!

— Ты приезжай на каникулы. Приезжай, Таня!

— Приеду, Толя.

Толя следил, как расплываются от баржи лодки, как взмахивает веслами и удаляется самая родная в его жизни лодка.

— По местам! — прозвучала команда Поливанова, и Толя соскочил вниз по железным ступенькам, завел дизель.

Баржа спешила к пристани, мотор будил закоченевшие берега.

7

Баржа давно оставила позади Межерский луг, но Поливанов оборачивался изредка назад, видел темную, с холодным шитьем пены воду, видел кручи с пустыми норами стрижей.

И вот полукружье огней словно бы вышло на кручу встречать баржу, в рубке сильно, резко запахло мокрой щепой, железом, смолою — всем обжитым духом родной пристани. Пока надвигался берег, Поливанов удивлялся безлюдью на берегу, а когда упал на дно якорь и Поливанов вышел из рубки, то совсем не узнал он причала: ни катеров, ни дебаркадера — все будто вымерло, лишь огни, огни цепочкой на круче. И, понимая, что все суда ушли в затон и лишь самоходная баржа «СБ-0201» работала под самым носом зимы, не страшась ледостава, Поливанов зашел в каюту, посмотрел на Воркушина и на Крупочку и сказал:

— Посидим на дорогу, а, ребята?

На одной узкой койке сидели они и уже никуда не плыли, а может быть, и плыли, потому что о плаваниях думали — о всех прежних и о последнем, позднем плавании. И Поливанов все распрямлялся спиною, чтобы не сутулиться, хотя ребятам могло показаться, что он порывается подняться или что-то сказать им.

— Да, — сказал он, глянув на Павла. — Я с той поры, когда погиб Митя, поклялся жить на реке. И вот уже сколько лет...

— Я заночую на барже, — вдруг произнес Толя Воркушин. — Неохота идти на край города, так я переночую здесь.

И Поливанов с ним согласился, потому что должен оставаться на барже человек, если только завтра уходить барже в затон, — должен оставаться человек и быть здесь как дома.

8

Толя просыпался то и дело и, не разжмуривая глаз, натягивал одеяло на голову. А когда открыл глаза утром, то долго сидел в тельняшке и глядел в окно, потрясенный ломким, блистательным светом, заполнившим каюту, и реку, и все побережье.

Берега были белыми, были мраморными берега!

И, осознавая, что это настоящий снег и что ночью произошла на земле перемена, Толя вскочил и, пританцовывая, принялся надевать резиновые тапочки на босу ногу.

Плыть было не так легко, точно в студне каком, и Толя медленно подгребал к берегу, различая, что снег всюду нехожен, лежит слоем ваты и лишь на откосе кручи не задержался, и круча осталась темной, на ней качались стебли каких-то высохших растений.

Вырвавшись из воды, он побежал вдоль берега, покидая влажные следы на снегу, в лицо ему ударил свежий запах колотых поленьев, а это был запах молодого снега.

Горячий, в невесомой одежде, с упругой силой во всем складном юношеском теле, он сидел у окошка, жадно вбирал взглядом воду и берег, испытывая в это мгновение любовь ко всему, что было близко ему: к реке, к Тане, к барже, к своему речному делу. И, вспоминая свое желание уехать куда-то, он впервые чувствовал сожаление, что может потерять все, связанное с Днепром, с работой на Днепре: и мглистые рассветы, и дальние рейсы к незнакомым причалам, и густые вечерние костры, и поздние плавания, когда на воде качаются листья осенних деревьев и когда внезапно падает снег, а навигация не заканчивается...

Он дожидался прихода Поливанова и Крупочки и, думая о них, представлял себе будущую жизнь Крупочки полностью отданной Днепру и что многое будет роднить его со шкипером, что возмужает и состарится Крупочка на реке. И Толя уже не находил однотонной и будничной жизнь речника. Жизнь прекрасна, если влюблен в свое дело, и надо преданно работать, беречь баржу, водить ее и в хмарь и в ведро — в любой день.

На берегу по-прежнему безлюдно было, лишь ходил бакенщик без пальто, без шапки, с шарфом на шее и с наслаждением покрикивал: «Хо! Хо!» — словно созывал людей порадоваться снегу. И вот, послушные его зову, показались на круче Поливанов и Крупочка, спускаться стали по заснеженной лестнице с такой бережливостью, с какой малыша ведут за ручку, и Толя представлял, как ропщет снег под их ногами. По забывчивости они побрели к тому месту, где стоял раньше дебаркадер, где была диспетчерская, и остановились у пустой воды, смущенно посмеиваясь над самими собою, переглядываясь, потом развели руками и опять по следам своим направились к лестнице, ведущей наверх, в управление пристани, и снег опять роптал у них под каблуками.

Толя вышел из каюты и по трапу, слегка поталкивающему в ноги, сбежал на берег, с волнением глядя на следы, какие они чистые, впалые. Сейчас очень хотелось Толе, чтобы собрались они втроем, всей командой, да и поплыли в затон меж белых берегов, меж белых берегов!

Но когда увереннен, привычней спустились по лестнице шкипер и матрос, такие выбритые, свежие в этот день белого снега, и шкипер, обводя прощальным взглядом берег, сказал ему с сожалением:

— Только к вечеру отвалим в затон. Паршиво, а? — Толя вдруг воодушевился, заулыбался, стал заглядывать шкиперу в его выбритое лицо.

— Хорошо! — повторял Толя, увлекаясь новой, внезапной мыслью. — Хорошо! Очень хорошо!

Но все не решался Толя высказать ее Поливанову и попросить его, словно стесняясь Крупочки. Вот Крупочка побежал по трапу на баржу, а Толя все еще помалкивал, потому что уже следил за Крупочкой, как он бродит по палубе с ведерцем и канатом, как закрепляет канат за кнехт, обвязывается канатом и с ведерцем в руке спускается почти к самой воде. И, понимая, что решил матрос обновить быстросохнущей краской номер баржи «СБ-0201», что будет он макать в ведерце кисточку и белым выводить литеры и цифры, Толя сказал:

— Чудят люди. К зиме подготовка, что ли? Баржа не станет ледоколом.

— Пускай покрасит, пускай! — густо, с папиросным дымом во рту произнес Поливанов. — Следующая навигация скоро. Январь, февраль, март... И весна!

— А ведь верно, — с удивлением подхватил Толя, — скоро весна...

И он так ярко представил другой паводок, уже весенний, и синюю бескрайнюю воду, и не установившиеся до поры до времени фарватеры, и свежие, сочные гудки идущих по водополице буксиров, что захотелось ему нестерпимо походить по Днепру еще хоть одну навигацию.

— А вы знаете, Михаил Кириллович, меня в армию возьмут, может, и не летом, а к зиме! — радостно сказал он шкиперу. — И тогда я с вами все лето!

Как комсомолец Василий Иванов объясняет слово «А-НО-МА-ЛИЯ»

Ю. ГРИГОРЬЕВ

Попробуем на миг представить себе, что на земле вдруг исчезли сталь и железо. Что получится?

Вместе с железом и сталью исчезнут почти все окружающие нас вещи, сделанные из металла. Ни автомобилей, ни самолетов, ни кораблей, ни станков, ни заводов, на которых их строят. Совершенно справедливо железную руду называют «хлебом» промышленности.

А можно ли жить без хлеба?

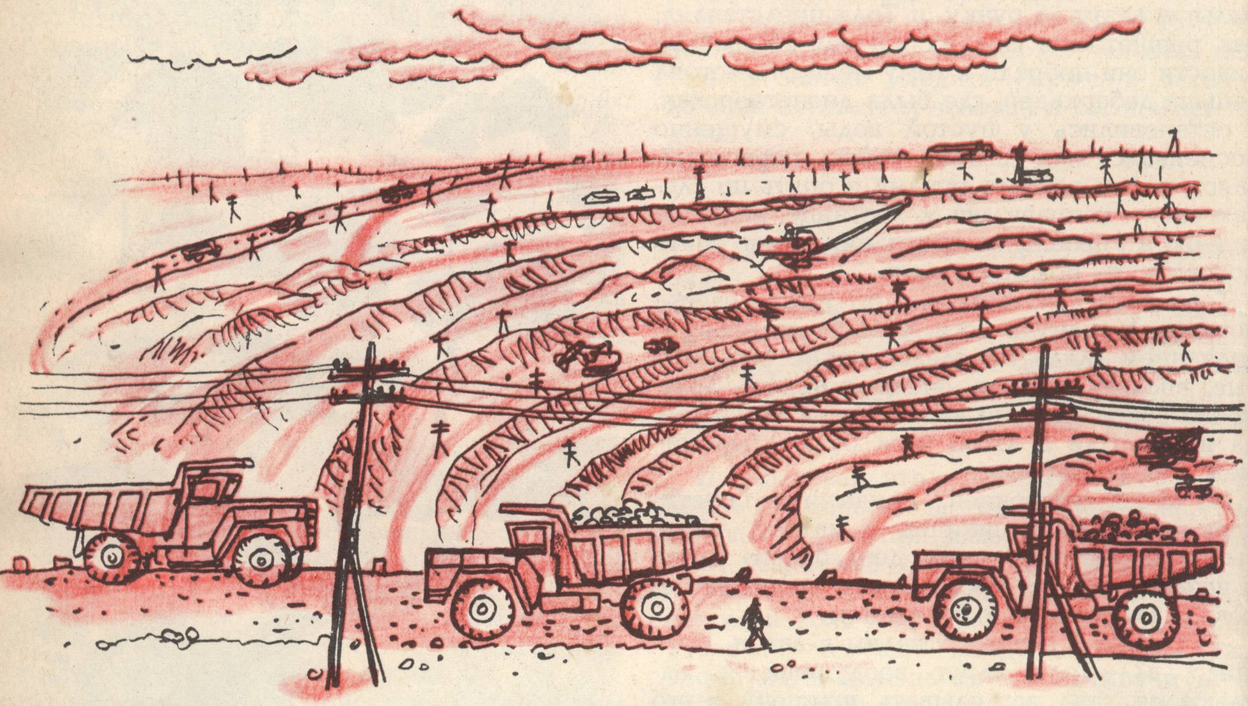
В 20-х годах наше молодое государство было обескровлено гражданской войной и интервенцией. Оно не имело тогда ни сил, ни средств поставить на широкую ногу добычу железной руды. А между тем в самом центре России были обнаружены несметные рудные сокровища — Курская магнитная аномалия. Она могла обеспечить тогда всю страну «промышленным хлебом».

Владимир Ильич Ленин, мечтая, видел, ясно видел то время, когда металл КМА, тысячелетиями без дела лежавший под курскими черноземами, будет служить нам.

Известно, с каким интересом и вниманием следил он за научными работами под Курском и Белгородом.

Николай Александрович Семашко вспоминает, как вскоре после ранения, еще находясь под наблюдением врачей, Владимир Ильич часами мог говорить с П. П. Лазаревым, руководившим изысканиями на КМА.

— Я его не раз дергал за край пиджака,— рассказывал Семашко,— и говорил: «Устал Владимир Ильич, он даже побледнел, ему нездоровится, его надо отпустить», но Владимир Ильич так увлекся, что на каждое объяснение Петра Петровича задавал десятки вопросов...

Но как взять курский металл? Встал вопрос: может, отдать КМА на какое-то время в концессию западным капиталистам? У них-де есть техника, пусть они разрабатывают, а нам отдадут часть добытой руды. По этому поводу Совет Труда и Обороны послал запрос В. И. Ленину. И Ленин ответил: «Я продолжаю настаивать на сохранении конспирации и непривлечении иностранцев».

При тех скудных возможностях страны КМА была все же объявлена ударной стройкой, и Советское правительство отдавало ей последние средства...

Прошли годы, и Курская магнитная аномалия превратилась в могучую, серьезную базу.

К концу восьмой пятилетки, в 1970 году, почти десятую часть всей добытой руды дала КМА. В этой пятилетке она будет давать еще больше. Можем ли мы с тобой знать, сколько руды даст КМА через пять лет, в 1975 году? Да, можем. В проекте Директив XXIV съезда партии записано: 40 миллионов тонн.

По заданию редакции мы с художником Борисом Павловичем Кыштымовым побывали недавно на КМА.

Нас поразил титанический размах работ, которые здесь ведутся.

Посмотри на обложку. Там художник Б. Кыштымов нарисовал неоглядные, буквально до горизонта идущие карьеры. Здесь открытым способом, прямо с поверхности огромные ковши черпают руду. Десятки, сотни тысяч тонн.

— Не очень-то удивляйтесь,— сказали нам.— Поезжайте-ка в город Губкин. Вы увидите, что здесь, на КМА, удивительное становится привычным.

И вот мы в Губкине, на стройплощадке будущего обогатительного комбината. Корпуса различных цехов уходят в бесконечную даль. Могучие мостовые краны кажутся фантастическими сооружениями какой-то внеземной цивилизации. Проплывают над головой строительные блоки, равные по величине пятиэтажному дому, вгрызаются в землю мощные машины, прокладывая туннели для подачи руды в специальные цеха, где эта руда будет превращаться в концентрат с высоким содержанием железа.

Мы познакомились здесь с людьми разных профессий. Все они молодые, потому что над строительством Лебединского горно-обогатительного комбината шефствует комсомол. Это Всесоюзная ударная комсомольская стройка.

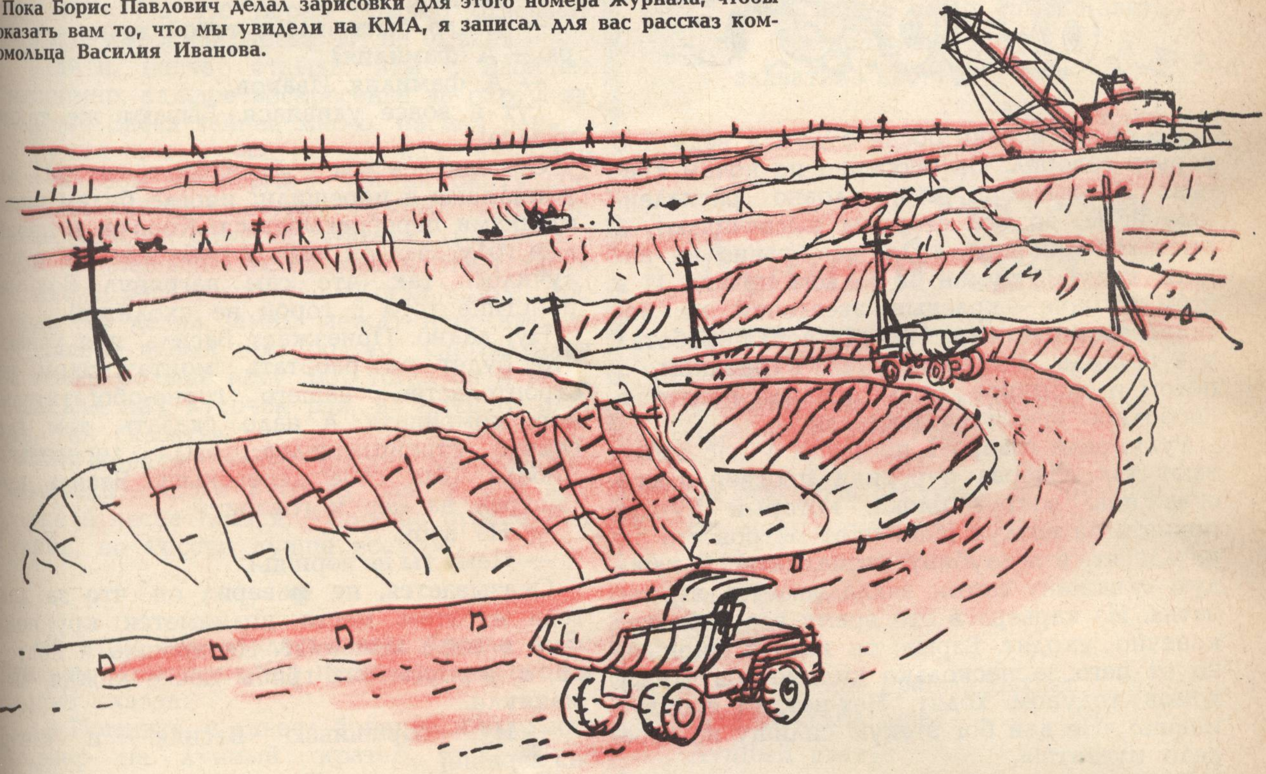
Год назад приехали сюда молодые болгарские строители. С ними у нас давняя дружба. В свое время советские проектировщики и энергетики помогали братской Болгарии строить металлургические заводы и многие теплоцентрали.

Сейчас болгарская молодежь работает бок о бок с нашими комсомольцами.

Когда нас познакомили с взрывником Василием Ивановым, светловолосым кряжистым парнем, он сказал, взглянув на часы:

— До взрыва еще целый час. Могу вам кое-что рассказать, если хотите.

Пока Борис Павлович делал зарисовки для этого номера журнала, чтобы показать вам то, что мы увидели на КМА, я записал для вас рассказ комсомольца Василия Иванова.

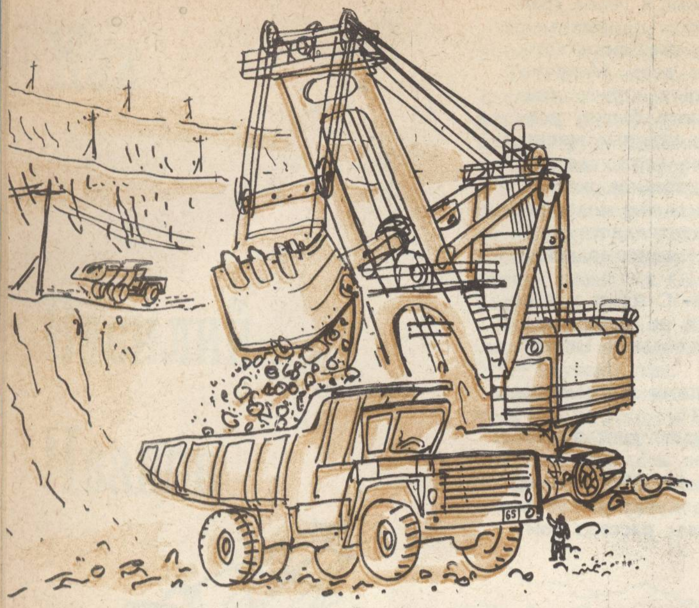
Рисунки Б. КЫШТЫМОВА.

На Курскую магнитную аномалию я попал прямо из армии, два года назад. Мы с друзьями решили: вместе служили, вместе поедем работать. Собрались было в Сибирь, а потом узнали про КМА, какие там дела делаются. И вот с комсомольскими путевками все вместе сюда и двинули.

Раньше слово «аномалия» я объяснял себе как все: магнитная стрелка компаса не показывает в этих местах севера — отклоняется. А аномалия и есть, как известно, отклонение.

Но теперь слово это иностранное я объясняю еще и по-своему. Почему, спрашивается, здесь у нас отклонение? Потому что размах во всем богатырский.

Добыча руды здесь, на КМА, ведется открытым способом, карьер — космических размеров. Иной раз смотришь на него сверху, и кажется, будто стоишь у края лунного кратера. Внизу, как жуки, ползают «Белазы», а это, я вам скажу, машины! Головой еле до верхней кромки ската достанешь. Я сначала-то как раз водителем «Белаза» работал, благо, специальность смежная, в армии танкистом служил.

Но об этом речь после будет, я ведь про карьер говорил. Он особенно по ночам красив. Прожектора его, словно раскаленные иглы, во все стороны высвечивают, а противоположного края все равно не видать. Голубой туман, и больше ничего. И в этом тумане — красные звездочки на экскаваторах светятся. Ну, так вот. Поработал я с полгода шофером, стал буровиком, а потом и взрывное дело осилил. Ребята в свободное время натаскивали.

Руду, если говорить попроще, у нас добывают так. Сперва буровики просверливают скважины вокруг блока, который нужно поднять на воздух (блок этот метров сто на пятьдесят, а в глубину пятнадцать). В каждую скважину потом закладывается взрывчатка. Из карьера в это время все рабочие, конечно, уходят. Взрыв, он хоть и мирный, но от него за несколько километров стены домов ходуном ходят. Нет-нет, да и подумаешь: «Не дай бог этакую силищу на злое дело пустить!».

После нас, взрывников, подходит очередь экскаваторщиков, шоферов и машинистов электровозов. В прошлом году отправили семь с половиной миллионов тонн руды, а через пять лет будем отгружать сорок миллионов. Мы тут как-то с ребятами на бумаге прикинули, так сказать, в человеческом плане. И вот что вышло: сорок миллионов тонн—это железнодорожный состав длиной от Москвы до Красноярска. Был бы Владимир Ильич жив, вот порадовался бы. В двадцатом году подняли на-гора́ всего несколько бадей курской руды. Слово-то какое: бадья! Бадья — и поезд длиною в четыре тысячи километров. Мы просто удивляться разучились, честное слово. Самое небывалое кажется теперь обычным. Люди на Луне, станции на Венере — ну и что? Вообще-то говоря, плохого я тут ничего не вижу. Это значит, человек поверил в себя и у него веры уже не отнимешь. Может быть, это слишком громко сказано, но я приведу простой пример.

Год назад приехали к нам в Губкин первые болгары, в основном по путевкам Союза молодежи. Приехал с этой партией и мой старый знакомый. Знакомство у нас в свое время вышло занятное. Проводились однажды совместные учения войск Варшавского договора. И вот на привале отправились наши танкисты в гости к соседям. Соседями оказались болгары. Ну, славянам договориться друг с другом нетрудно. Стали знакомиться. Я одного парня спрашиваю:

— Тебя как зовут?

Он говорит:

— Василь.

— Стало быть, мы с тобой тезки,— говорю.— А фамилия?

— А фамилия Иванов.

Тут я вовсе удивился. Бывают же такие чудеса!

Обменялись мы с Василем в тот раз зажигалками и порешили: иногда будем письмишками перебрасываться. Короче, в прошлом году звал он меня к себе в гости, а получилось так, что сам нагрянул. Вот уж поистине гора с горой не сходится!

Ну, ладно. Приезжает Василь, и я узнаю, что будет он работать монтажником на строительстве нашего горно-обогатительного комбината. А надо сказать, там, где сейчас стройплощадка, была деревенька Лебеди. Так себе деревенька. Василь посмотрел на нее и говорит:

— Нэ вэру.

— Чему ты не веришь?

Оказывается, не поверил он, что за два года на этом месте поднимется крупнейший в мире комбинат. Не прошло и полгода, а корпуса, как грибы после дождя, вымахнули.

— Ну,— спрашиваю Василя,— и тэпэр нэ вэришь?

Смеется в ответ, чертяка.

Между прочим, родом он из Пловдива, где стоит памятник советским воинам, погибшим за освобождение Болгарии. Памятник этот строила бригада каменотесов под началом Ильи Годорова. Илья сейчас тоже на нашей стройке, прорабом участка. А всего болгарских ребят уже полторы тысячи набралось, целый строительный полк. Так что мы Лебединский комбинат не зря «монументом дружбы» называем.

Ну, а от самих Лебедей осталось только название. Поселок на том месте отгрохали — загляденье, со стадионом, танцплощадкой и прочими штуками. Дома многоэтажные, на улицах асфальт.

Если кому учиться надо — пожалуйста, рядом, в Губкине, заочный политехнический институт. У нас сейчас редко кого с одной профессией встретишь. У иного из

ребят пальцев на руках не хватает все свои специальности перечислить. В последнее время многие кинулись еще и огневое бурение осваивать.

Я, грешным делом, тоже не удержался: к новым станкам всегда тянет. А тут совершенно особый принцип бурения—огненной струей от кислородной установки. Любой монолит прорезает, как масло. Красивый агрегат! Да и, по правде говоря, лишних профессий не бывает. Взять, к примеру, нашу бригаду. Взрывы мы производим только раз в неделю, по четвергам. А в остальное время ребята могут и электросварщиками работать, и машинистами, и буровиками. Взрывников почему-то всегда спрашивают об одном и том же: «А бывают у вас ЧП?» На это парни обычно отвечают, что при хорошей работе ЧП не бывает.

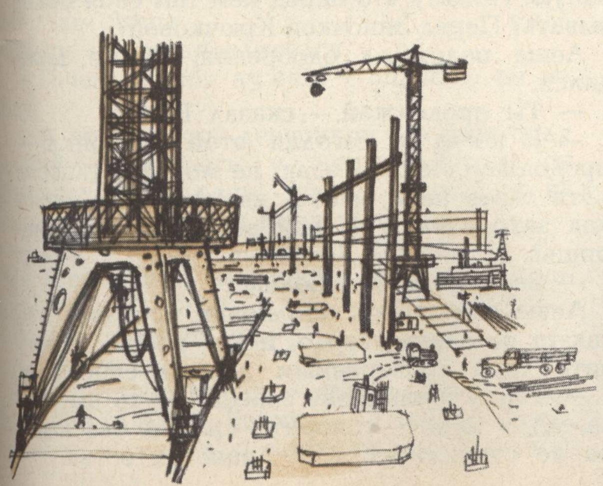
Кстати, насчет отдыха. Мы с Василем, например, каждое воскресенье на охоту заладили. Здесь зайцев много. Василь раньше и ружья-то в руках не держал, а теперь его хлебом не корми — дай на охоту сбегать. Я как-то в шутку говорю: «Ты, дескать, совсем обрусел. Может, навсегда у нас останешься?» А он мне в ответ такую притчу рассказывает: «Когда, мол, господь бог делил землю между народами, то в спешке забыл про болгар. Спохватился, а земли больше нету. Вот тогда он и выделил для них кусочек рая, из личного фонда, так сказать».

Это, конечно, верно: родина для каждого человека — вроде кусочка рая. У нас ведь тоже в песне поется: «Хороша страна Болгария, но Россия лучше всех...»

●

На этом закончилась наша беседа с Василием Ивановым. На прощание он неожиданно сказал:

— Помните, я давеча брякнул, будто наш карьер на лунный кратер похож? А сейчас вот подумал: «Чем черт не шутит — может, скоро и на Луне мирные взрывы загремят». Очень было бы здорово, правда?

Константин ЛОМИА

* * *

На темный гребень
яркая звезда
взобралась воровато,
как лазутчик,
на мир взглянула,
и мгновенный лучик
блеснул, как знак
того, что без труда
возможна будет полная победа,
что, мол, беспечен этот враг и прост...
И высыпала вдруг армада звезд
и без сраженья
захватила небо!

Перевел с абхазского
С. КУНЯЕВ.

Юрий КОРИНЕЦ

Лунный свет

Лунный свет—простое отраженье,
В нем горенья нет.
Холодно, без капли напряженья
Льется лунный свет.

Он всю ночь струится по бумаге
На моем столе
И пугливо прячется в овраге —
За окном,
Во мгле.

Где-то солнце ярко полыхает
Бесконечным днем —
Лунный свет
в моем окне мерцает,
Как напоминание о нем.

И когда рука моя включает
Лампу в сорок ватт,
Лунный свет
Покорно отступает
В потемневший сад.

ВНИМАНИЕ, знатоки военной истории!

Заканчивает свою работу жюри нашего военно-исторического конкурса. Работ было очень много, сейчас рассматриваются последние. Мы рады сообщить вам, что в следующем, майском номере будут опубликованы имена победителей конкурса и подведены его итоги.

ПРЫЖОК

КИНОПОВЕСТЬ

До вечера было еще далеко, когда Леша в парадной куртке и брюках для особо торжественных случаев, что-то дожевывая на ходу, захлопнул дверь своей квартиры и стал звонить в соседнюю на той же лестничной площадке. Ему открыл Волик. Он был в трусах и майке.

— Одевайся, — сказал Леша.

Через несколько минут они уже шагали по бульвару.

— Ты не оправдывайся, — говорил Волик, — я же тебя ни в чем не обвиняю.

— Я хочу, чтобы ты понял, — возбужденно объяснял Леша, — эта девчонка не такая, как все. Класс у меня, сам знаешь, не сахар. Хоть они мне все в рот смотрят, но я их не балую. Потому что перед кем там себя показывать? Перед Зиночкой Крючковой?

Леша подождал одобрения, но не дождался.

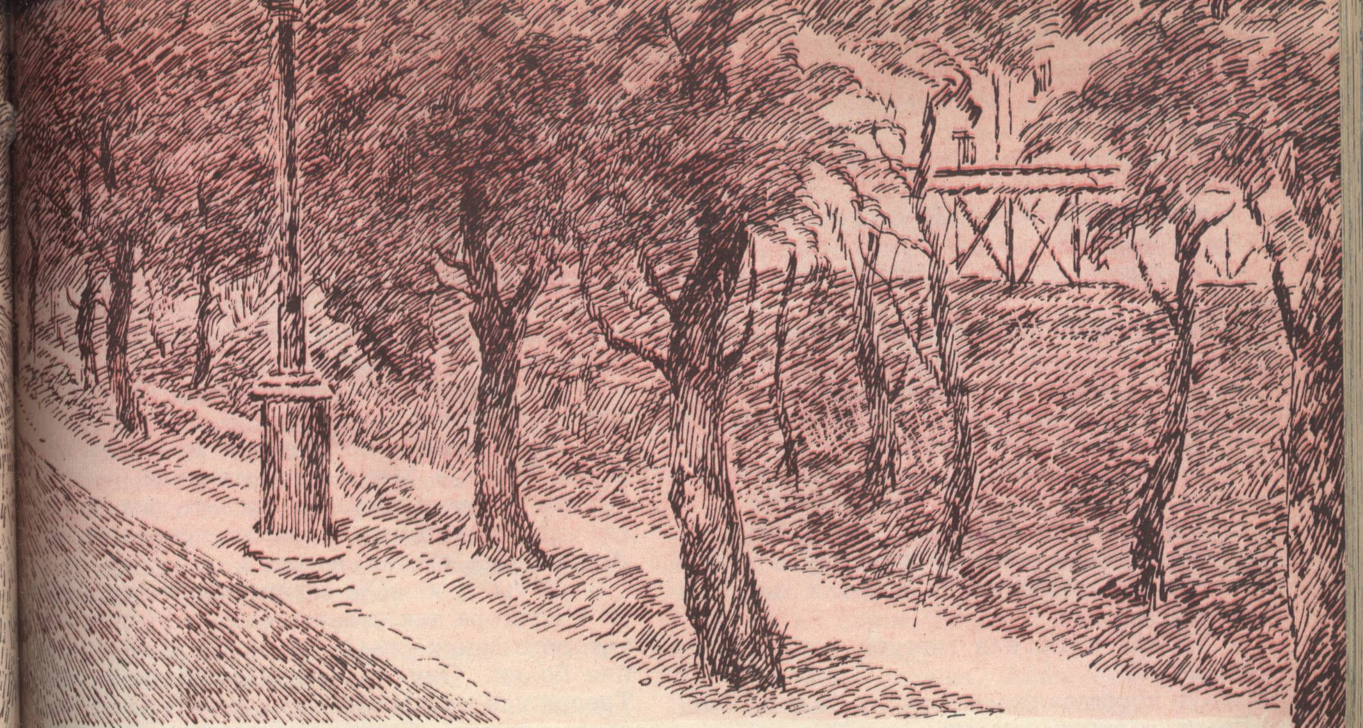
— Ты продолжай, — сказал Волик.

— И когда я сегодня этой девчонке, — продолжал Леша,— эдак, не моргнув глазом: «Эти слова надо высечь на мраморе», — она как захохочет, а за ней весь класс. Не веришь?

— Верю, — сказал Волик.

Леше показалось, что Волик произнес это как-то не очень твердо, и он решил исправить дело проверенным веками способом:

— Галку Вишнякову знаешь? Чуть не упала. «Для меня, — говорит, — людей без юмора не существует, а у Леши он есть».

В ВЫСОТУ

М. ЛЬВОВСКИЙ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Продолжение

— А что тебе физик поставил? — спросил Волик.

Леша сник.

— Ты же знаешь, я его тоже не особенно балую. Зачем мне перед ним себя показывать? — сказал он.

Такой ответ пояснений не требовал. Все было ясно.

— А куда мы идем? — спросил Волик.

— Мы с Женей сегодня весь день вместе,— начал Леша,— она сейчас сюда придет... Вон к той скамейке...

Волик остановился. Печально посмотрев на Лешу, он круто повернулся и пошел в обратном направлении.

— Стой... Подожди... Волик!..— бежал рядом с ним Леша.

Волик не останавливался.

— Зачем я тебе нужен? — спросил он на ходу.

— А что я с этой девчонкой без тебя буду делать? — вырвалось у Леши. — Потом он объяснил: — Ты один знаешь, какой я на самом деле, один ты меня понимаешь.

— Да? — горько удивился Волик.

— Я ей сказал, что, кроме тебя, у меня никого нет.

Волик остановился.

— А она что?

— Заинтересовалась,— сказал Леша и добавил, не глядя на Волика: — У меня, знаешь, какой класс... Могут запросто перед девчонкой унизить.

Волик пошел к скамейке. Леша оживился.

— Она сказала, что у меня есть знаменитый тезка. Какой-то Алексис... Кажется, Клеро.

— Ничего себе «какой-то»! Исследовал движение кометы Галея и определил время ее возвращения. — Волик вгляделся в глубину бульвара. — Идет...

И Леша увидел Женю не в школьной форме, не в спортивном костюме, а в летнем нарядном платье. Кроме того, она была без очков. Впервые в жизни ощутив, что такие перемены могут происходить из-за него, Леша ошалел от счастья.

— Добрый вечер, — сказала Женя.

— Это Волик, — представил Леша своего друга. — Я тебе рассказывал.

— Я думала, он... чуть постарше...

— А я младше, — отрезал Волик.

— Я его всегда за собой таскаю, — непринужденно болтал Леша.—Волик был маленький, так его мама, как куда идет, всегда просила за ним присмотреть. Вот мы и привыкли друг к другу.

— Она тебя и сегодня об этом попросила? — поинтересовалась Женя.

— И сегодня, — ответил за Лешу Волик.— Чтобы я спички не зажигал и случайно из окна не вывалился. Мы на седьмом этаже живем.

— Сядем? — предложила Женя.

Они сели и довольно долго молчали, глядя по сторонам. Хуже всех было Леше. Жени-

но лицо выражало веселое любопытство, а Волик явно считал, что так Леше и надо. Наконец Волик сжалился:

— У меня рубль есть. Хотите мороженого?

— Леша, ты хочешь? — спросила Женя.

Леша сразу вскочил:

— Я сейчас сбегаю, у меня тоже деньги есть!

— Зачем же ты, когда я... — начал было Волик.

— Я! — умоляюще сказал Леша.

— Да, но... — еще пытался улизнуть Волик, но момент был упущен.

— Сиди, сиди, я быстро! — сказал Леша и убежал.

Оставшись одни, Волик и Женя помолчали. Потом Женя открыла сумочку и надела очки. Волик оживился (как-никак все-таки оптика!).

— У тебя плюс или минус? — спросил он солидно.

— От косоглазия, — ответила Женя.

Волик глотнул воздух.

— Но если не буду снимать, пройдет, — продолжила Женя виновато.

— Так ты не снимай. Вообще-то незаметно. Я бы даже не догадался, — как-то слишком быстро заговорил Волик. И добавил неожиданно: — Платье... красивое...

— Тут все дело в воротничке, — охотно объяснила Женя.

— Красивый воротничок, — подтвердил Волик.

А потом сказал:

— Я, пожалуй, пойду домой, а? Уроков много.

И встал.

А Женя, которая все время держалась независимо, взмолилась:

— Посиди, Волик! Я тебя очень, очень прошу.

Волик сел. Что он мог сделать?

Мороженое способно развеселить любое общество, а Леша принес еще и конфеты «Мишка».

— Кому что? — спросил Леша.

На садовой скамейке расположились три стаканчика с мороженым и развалившийся кулек с конфетами.

— Мне и то и другое, — протянулась к лакомствам Женина рука.

— И мне! — начал действовать Волик.

— И мне! — Лешина рука на мгновение скрестилась с рукой Волика.

— Пересечение множеств, — сказала Женя.

— Что? — спросил Леша.

— А, ерунда! — сказал Волик уже на ходу. — Нас трое, значит, мы ограниченное множество из трех элементов. Три стаканчика — другое множество. Конфеты — третье. А пересечение состоит из тех, кто ест и конфеты и мороженое.

Леша помрачнел.

Они шли по бульвару, кабинет физики был далеко, но какие-то странные звуки, напоминающие космос, электронную музыку и фантастические романы, как сигналы из других миров, стали пробиваться сюда. И если там, в кабинете физики, эти сигналы звучали весело, здесь в них было что-то тревожное.

— Неужели ты Колмогорова читал? — спросила Женя Волика.

— Куда нам, — поглядывая на Лешу, ответил Волик. — Мы пока Виленкина.

Хоть Волик и пытался сделать вид, что и его друг некоторым образом причастен, но Леша даже отстал немного.

— А ты пробовала сформулировать теорему Пифагора как утверждение о пустоте некоторого множества? — перешел в наступление Волик. Они с Женей прибавили шаг. Тревожная музыка из иных миров зазвучала совсем громко. Сквозь нее едва пробивались когда-то знакомые голоса:

— Множество пасущихся на Луне лошадей пусто. Равно нулю.

— У Виленкина что хорошо? Наглядно.

И еще что-то произносили эти голоса и все в том же роде:

— А множество тигров, живущих на свободе в Австралии, а?

— Ха-ха-ха-ха!

Отстав от своих друзей, Леша шел с широко открытыми, невидящими глазами. Волик и Женя остановились. Вид у них был слегка виноватый.

Когда Леша подошел к ним, Волик сказал:

— Что ты отстаешь?

Леша молчал.

— Жень... — сказал Волик, — а ты знаешь, как Лешка в тире стреляет? Двадцать два из двадцати пяти возможных.

— Он мне рассказывал, — горячо поддержала Женя такой поворот разговора. И вдруг заявила: — Мальчики, спойте!

— Зачем? — удивился Волик.

— Мне очень нравится «Степь да степь кругом...»

— Ну и что? — еще больше удивился Волик.

— А Леша рассказывал, что вы ее дуэтом поете. Спойте. Он говорил, у вас здорово получается.

Все трое молчали довольно долго.

— Мы с ним? — переспросил Волик, глядя на Лешу.

— Да, — сказал Леша.

— Понятно, — сказал Волик.

— Бросьте ломаться, — сказала Женя. — Я ненавижу, когда мальчишки ломаются. — Она уже начинала сердиться.

— Мы не ломаемся, — сказал Волик. —

Только «Степь» мне сейчас не вытянуть.

— Ну, спойте, что хотите.

Испепеляющим взглядом глядя на Лешу, Волик запел тихо, но довольно музыкально:

Дорогой длинною,
И ночкой лунною,
И с песней той, что вдаль летит, звеня...

— Что же ты не подпеваешь? — спросил он Лешу.

— Сейчас вступлю.

— Вступай. Три-четыре...

И они запели вместе:

И с той старинною,
С той семиструнною,
Что по ночам так мучила меня.

Леша как-то забавно фальшивил. Это стало окончательно ясно, когда, подражая современным исполнителям старинной песни, мальчики повторили припев:

Ля-ля-ля-ля-ля-ля...

Женя так слушала этот странный дуэт, что мальчики постепенно смолкли.

Сначала Волик. А потом и Леша, «пролялялякав» несколько раз в одиночестве.

И тогда Женя сказала тихо:

— А я-то думала, что ты очень искренний, Леша...

Вечером Женя кормила своего отца. Он был крупным военным инженером, чем и объяснялся кочевой образ жизни этой маленькой семьи, состоявшей из отца и дочери. Женя привыкла к временным жилищам, быстро находила новых друзей и гордилась отцом, потому что его повсюду ждали, а их переездами ведал министр обороны.

— Почему у нас такое грустное настроение? — спросил военный инженер, не отрываясь от газеты.

— Так... из-за одного мальчика,— хмуро сказала Женя, подавая отцу тарелку. И добавила, чтобы не было недоразумений: — Очень хорошего.

— Бывает,— отозвался отец.

— Понимаешь... он иногда неправду говорит...— хотела что-то объяснить Женя.

— Врет? — оживился военный инженер.— Это большое достоинство.

Оба засмеялись. Женя поняла, что ничего объяснять не надо.

— И потом у него, кажется, музыкального слуха нет,— сказала она уже не всерьез.

— Прекрасно! — обрадовался Женин папа.

— Не смейся, он правда очень хороший. Сегодня, когда схватил двойку по физике...

— Женя,—перебил ее отец,—у этого мальчика есть хоть какой-нибудь недостаток?

Женя опять засмеялась, а потом спросила:

— Мы из Москвы не скоро уедем?

— Понимаю,— ответил Женин папа,— недостатков у этого типа нет никаких.

А Леша и Волик в этот вечер валялись на тахте в Лешиной комнате. Лежа на спине, Леша тихонько запел:

Степь да степь кругом...

Голос его на этот раз звучал очень музыкально.

Волик лежал на животе, подперев рукой подбородок.

— Даже жаль, что мы никогда дуэтом не пели,— сказал он,— могло бы здорово получиться. А при Жене ты неизвестно куда заехал.

— У меня всегда так. Получается только, когда я один,— думая о чем-то другом, сказал Леша и продолжил песню.

Волик тоже повернулся на спину и подтянул.

— Хор мальчиков,— сказал он.

— Композитор Брамс,— оборвал песню Леша,— любил чистить ботинки, потому что в этот момент у него сочинялись лучшие мелодии.

Лежа на спине, Волик с готовностью протянул Леше ногу.

— Смейся,— сказал Леша,— но вот нет среди наших соседей какого-нибудь великого маэстро.— Оживившись, он сел, поджав ноги.— Представляешь, распахивается дверь: «Это вы сейчас пели?» «Мы». «Вас ждет блестящее будущее. Я должен поговорить с вашими родителями». «А у нас нет родителей».

— Обалдел? — забеспокоился Волик и тоже сел.

— Тихо. «Мы бедные сироты». «Тогда я буду учить вас бесплатно». «Но, маэстро...». «Отдадите, когда станете великими певцами. Вот вам сто тысяч лир. Купите себе приличное платье и поешьте досыта. Аривидерчи». Все! И мы в полном порядке!

— Ох, Лешка!

И тут затаенная Лешина мысль вырвалась наконец из его обиженной души:

— Ну, не может же быть, чтобы во мне ничего не было! Мне это сейчас вот так необходимо!

Мальчики замолчали.

Высказав главное, Леша стал подбрасывать в огонь мелкие щепочки.

— Тебе хорошо, ты в одиннадцать лет уже математик. Вы с Женей разговаривали, я ни слова не понял, как будто вы из другого мира.

— Пробивайся к нам,— сказал Волик серьезно.

Леша задумался. Ему очень хотелось сказать: «Я пробьюсь»,— но привычка давать себе поблажки победила.

— А что, если мой талант совсем в другом? Что, если я Мессинг, но об этом не догадываюсь? Или вдруг я могу запечатанные письма сквозь конверты читать? Знаешь, так... кончиками пальцев... Давай попробуем!

За стеной Лешины родители, сидя над книгами и тетрадями сына, тоже обсуждали его положение.

— А может быть, у Леши просто слабая воля? — спросила Лешина мама Лешиного

папу.— Он за все хватается и ничего не доводит до конца. Загорается и быстро гаснет.

Лешин папа отрицательно покачал головой. Он был интеллигентный мужчина, но из школьного курса алгебры помнил только, что минус на минус дает плюс. Он сказал:

— Ученик восьмого класса это решить не может.— Папа ткнул пальцем в учебник.— Пусть он со своей силой воли в лепешку расшибется и все равно не решит. Я с высшим образованием, а не возьмусь. Мы этого не проходили.

— А вот они проходят,— возразила мама.— Леша ведь не один в классе.

— Собрали, значит, каких-нибудь вундеркиндов вроде Вольки,— стоял на своем папа.— А наш Леша — нормальный ребенок. Этот Волька, может, еще свихнется от нервного напряжения.

— Тьфу, тьфу, тьфу,— три раза сплюнула Лешина мама.

— От переизбытка информации.— У папы в голосе появились угрожающие нотки.— Я на днях же схожу к нему в школу и поговорю насчет всего этого.

— Не сходишь,— сказала мама.— Ты тоже быстро загораешься и гаснешь.

— Схожу! — горячился папа.— Вот у меня на будущей неделе отгул...

Кончики Лешиных пальцев медленно двигались по поверхности конверта.

— «Леша, ты дурак»,— «прочел» Леша.

— Правильно! Как ты догадался? — изумился Волик.

Леша молчал. Весь его вид выражал крайнее «нервное напряжение».

— Дальше не могу. Распечатывай!

— Но ведь первую фразу ты отгадал правильно,— возразил Волик.

— «Лешка, ты дурак»? Да я, не дотрагиваясь до конверта, догадался, что ты это напишешь. Распечатывай.

— Пожалуйста.— Волик распечатал конверт.

— «Лешка, ты дурак. Не там ищешь. Волик»,— прочел Леша вслух.— Хорошо! Поищем в другом месте! — заявил он решительно.

Необъятная широта, ослепительное солнце, сверкающая гладь Московского моря. Наша история вырвалась наконец на простор из городских квартир, переулков и маленьких двориков.

Перед нами «многоэтажная» белая с голубым вышка для прыжков, широкая, раскаленная добела полоса песчаного пляжа с разноцветными зонтами, ларьки, спортивные снаряды, аттракционы. По временам судейские свистки и голоса транзисторов заглушает мощный репродуктор, призывающий не заплывать дальше красных бакенов.

Старший пионервожатый Саша приехал сюда со своими пионерами.

Стараясь спрятать головы в тени разноцветных зонтов, пионеры невольно образовали нечто вроде звездочек на горячем пляжном песке. Саша расхаживал от звездочки к звездочке, и каждый такой переход сопровождался трудным расставанием («Саша, подожди», «Куда ты, Саша?») и оживленной встречей («Наконец-то и к нам Саша пришел, ура!»).

У старшеклассников на пляже были совсем иные радости и заботы. Каждый зонтик собирал вокруг себя живописную группу. Гремели транзисторы, загорелые тела твистовали на солнцепеке.

Самый главный зонтик был тот, под которым расположилась Галя Вишнякова и ее окружение — Зиночка Крючкова, Вахтанг Турманидзе и Вадим Костров. Здесь доверительно ворковал, а не надсадно хрипел самый лучший транзистор с двумя антеннами. Плавки, купальники и резиновые шапочки выделялись расцветкой и фасоном, как бы заявляя: вот какими вы должны быть, если хотите, чтобы с вами считались в восьмом «Б».

Между главным зонтиком и остальными установились феодальные отношения. Вассалы смотрели на своих властелинов с феодальной завистью. Но властелины были милостивы.

Галя Вишнякова наливала кому-то из мальчиков манговый сок из банки.

— Кому еще? — спросила Галя.— А ты не хочешь, Жень? — обернулась она к «новенькой», сидевшей в одиночестве.

— Спасибо,— отказалась Женя.

— Она Лешу ждет,— сказала Зиночка.

— И напрасно,— добавил Вадим.— Леша никогда с нами купаться не ходит.

— А ты не лезь, когда тебя не спрашивают,— осадила Вадима строгая, но справедливая Галя.

— Ку-кареку,— сказал Вадим.

— Если б Леша решился, пришел бы к автобусу, в крайнем случае к пароходу, так что ты, правда, не жди,— сочувственно посоветовала Галя Жене.

— А я никого не жду,— ответила Женя.

И опять раскаленный добела пляж.

Но вот какой-то отдаленный силуэт привлек наше внимание.

Среди множества бронзовых тел, под разноголосицу транзисторов движется странная фигура подростка, не пожелавшего расстаться ни с застегнутой на все пуговицы рубашкой, ни с расклешенными брюками. Это Леша. Его черные туфли тонут в горячем песке. Пот струится по лицу ручьями.

А рядом шагает Волик. Он в одних плавках.

Вероятно, Леша и Волик представляют собой забавное зрелище, потому что из-под всех зонтов на них устремлены насмешливые глаза.

На мгновение Лешин взгляд остановился на спортивном городке, где незнакомые ребята прыгали в высоту через планку. «Это нам пригодится»,— отметил про себя Леша и показал Волику на яму для прыжков. Волик понимающе кивнул.

Но вот Волика увидели пионеры его отряда. Поднялось ликование.

— Волик! Волик приехал! Ура!

А к Леше откуда-то снизу протянулась бронзовая рука, в которой была толстенная книга. Это старший пионервожатый, лежа на песке, таким образом преградил ему путь. Книгу, обернутую в глянцевую бумагу, пришлось взять.

Волик знаком: «Спокойствие, сейчас я буду с вами» — остановил общее ликование, и тактичные пионеры смолкли, проводив своего товарища в зону старшеклассников удивленными взглядами.

Преподаватели физкультуры — дядя Костя и Наташа,— у которых был отдельный зонтик (аптечка, мячи и пр.), тоже смотрели на это шествие с удивлением.

Восьмой «Б» встретил Лешу совсем иначе, чем Волика пионеры. Увидев Лешу, Вадим издал какой-то пронзительно-протяжный боевой клич. К нему присоединились остальные. Кто смеялся, кто свистел, кто просто тянул: «А-а-а». В этом не было никакой злости: просто, как это иногда случается, каждый старался отличиться друг перед другом. Но Леше от этого не было легче. Он сделал несколько неуверенных шагов и остановился. Женя, которая сначала смотрела на него с любопытством, отвернулась к реке.

Для Волика это было страшным ударом. Он с отчаянием посмотрел на друга, а тот в поисках хотя бы одной родной души медленно обводил взглядом своих одноклассников. Гвалт усилился.

«Ну, что ты здесь еще надеешься найти,— подумал Волик,— если даже такая девчонка от тебя отвернулась?»

И вдруг все услышали:

— Иди сюда, Леша.

Это сказала Женя. Она стояла возле своего зонта и как ни в чем не бывало смотрела то на Лешу, то на Волика.

Наступила такая прекрасная, такая спокойная тишина, как будто Женин голос имел волшебную власть над всеми отвратительными звуками мира. Как будто он мог усмирить даже транзисторы.

Сразу стали слышны шелест ветра, плеск воды и отдаленные голоса на реке.

В этой прекрасной, спокойной тишине Леша подошел к Жениному зонту. Девочка опустилась на колени и, присев на пятки, сказала: «Садись». Леша сел. Волик улыбнулся Жене. Дескать, отдаю друга в надежные руки. Женя тоже улыбнулась, щелкнула сумочкой и, вытащив платок, вытерла Лешин лоб.

Волик независимо удалился.

— Тебе не жарко, Леша? — спросила Галя Вишнякова.

— Разделся бы,— как будто совсем добродушно посоветовал Вадим.

— Мне не жарко,— поспешно сказал Леша и отодвинулся от Жени.

Главный зонтик решил оставить Лешу и Женю в покое. Собственно, выручил Лешу Вахтанг. Он сделал великолепную стойку и приковал к себе внимание всего пляжа. Стойка перешла в мост, мост в шпагат. Снова стойка...

А Леша уже сидел голый по пояс. Видно, он здорово смущался. Но Женя, аккуратно складывая его рубашку, так успокаивающе приговаривала: «Вот мы ее сюда положим, тут на нее песок не попадет»,— что можно было догадаться: это смущение ненадолго.

Стойка Вахтанга привлекла фотографов. Ему кричат: «Еще секунду!» — щелкают аппараты, звучат одобрительные возгласы даже на английском языке. Когда Вахтанг сделал заднее сальто, раздались аплодисменты.

Леша уже был в плавках.

— Давай-ка мы на брюки книгу положим и мою сумку,— приговаривала Женя.— Вот так. И ничего им не сделается...

Лешу теперь ничто не смущало. На сердце было легко, и все казалось возможным.

— Ребята,— неожиданно крикнул он и подпрыгнул,— смотрите, там снаряды освободились! — и показал в сторону опустевшего спортивного городка.

Леша был очень красив. Юношеская стройность его тела могла не нравиться только ему самому. Правда, Леше не мешало бы побольше загореть, но ведь это — дело поправимое.

Все повернулись в сторону спортивного городка. Раздался боевой клич, и через секунду восьмой «Б» мчался к снарядам.

Дядя Костя, глядя вслед убегающим ребятам, озабоченно сказал Наташе: «Пошли».

Может, это было Лешино предложение, а может быть, так получилось само собой, но только весь класс столпился у ямы для прыжков.

Первое время никто не сбивал планку, и ее поднимали все выше и выше. Потом взять очередную высоту стало не так просто. Многим приходилось устанавливать планку на место после неудачного прыжка. Многим, но не Леше, и он с трудом скрывал ликование.

Наконец, планка на высоте школьного рекорда, о чем тихо, но так, что все слышали, сообщил Леша. Взять эту высоту долгое время никому не удается.

Очередь дошла до Вахтанга. Он делает несколько упругих шагов и легко перелетает через планку. Раздаются бурные аплодисменты. Опять щелкают фотоаппараты. И тогда к прыжку начинает готовиться Леша. Его разбег явно не отработан, суетлив. Да и в

воздухе Лешино тело ведет себя неорганизованно. Но, неуклюже плюхнувшись в песок, Леша оборачивается назад и... видит нешелохнувшуюся планку.

В полной тишине Леша медленно поднялся и обвел взглядом своих растерявшихся одноклассников. Кто-то фыркнул, на него зашикали.

— Вот. Рекорд... — сказал Леша, отплевываясь. (Он наелся песку и прикусил язык.)

Но все почему-то молчали.

Женя смотрела на своих одноклассников так, словно хотела сказать: «Ну, что ж вы молчите? Не ожидали? А я знала, знала!.. Эх, вы...»

Дядя Костя и Наташа не могли прийти в себя от изумления.

Пионеры во главе с Сашей, недавно появившиеся на спортплощадке, бурно зааплодировали.

— У тебя, оказывается, есть прыгучесть. Тренироваться надо,— доброжелательно сказал Вахтанг Леше и отвернулся к своим.— Пошли окунемся? Жарко.

Все, забыв про Лешу, побежали к воде. А Вахтанг задержался. Он быстро переставил планку на несколько делений выше, почти без разбега перемахнул через нее и, не останавливаясь, побежал за своими товарищами. На берегу он обернулся.

— Твою высоту я в шестом классе брал. Это старый рекорд.

— Все равно ты такой молодец, такой молодец! — сказала Женя Леше.— Ведь, кроме Вахтанга, ни один человек...

— Ты добьешься многого, если потренируешься,— серьезно сказал дядя Костя.— Но начинать надо, учти, с ОФП—с общей физической подготовки.

— Нет,— горько ответил Леша.— У меня ничего не получится. Они все личности, а я нет...

Он разбежался и прыгнул через планку. Раздался треск, и вместе с обломками планки Леша рухнул на песок. Перевернувшись по инерции, он вскочил и бросился бежать.

— Леша, Леша! — пыталась остановить его Женя.

По бело-голубым ступенькам вышки для прыжков в воду мелькали Лешины ноги. Один пролет, второй, третий...

— Вернись, Леша! — кричала Женя.

В начале последнего пролета проход загораживала табличка, висевшая на шпагате: «Хода нет». Леша нырнул под эту табличку и оказался на такой высоте, что невольно схватился за перила. Но потом подошел к пружинящей доске и после небольшой паузы ступил на нее.

— Мальчик, немедленно спустись с вышки! — загремел мощный репродуктор.

Прыжок получился не очень красивым, но отчаянным.

Женя, пытавшаяся догнать Лешу на вышке, вскрикнула. Внизу тоже переполошились, хотя толком никто не понял, что же произошло.

— Что такое? — спросил Турманидзе.

— Лешка с вышки свалился,— сказал Вадим.

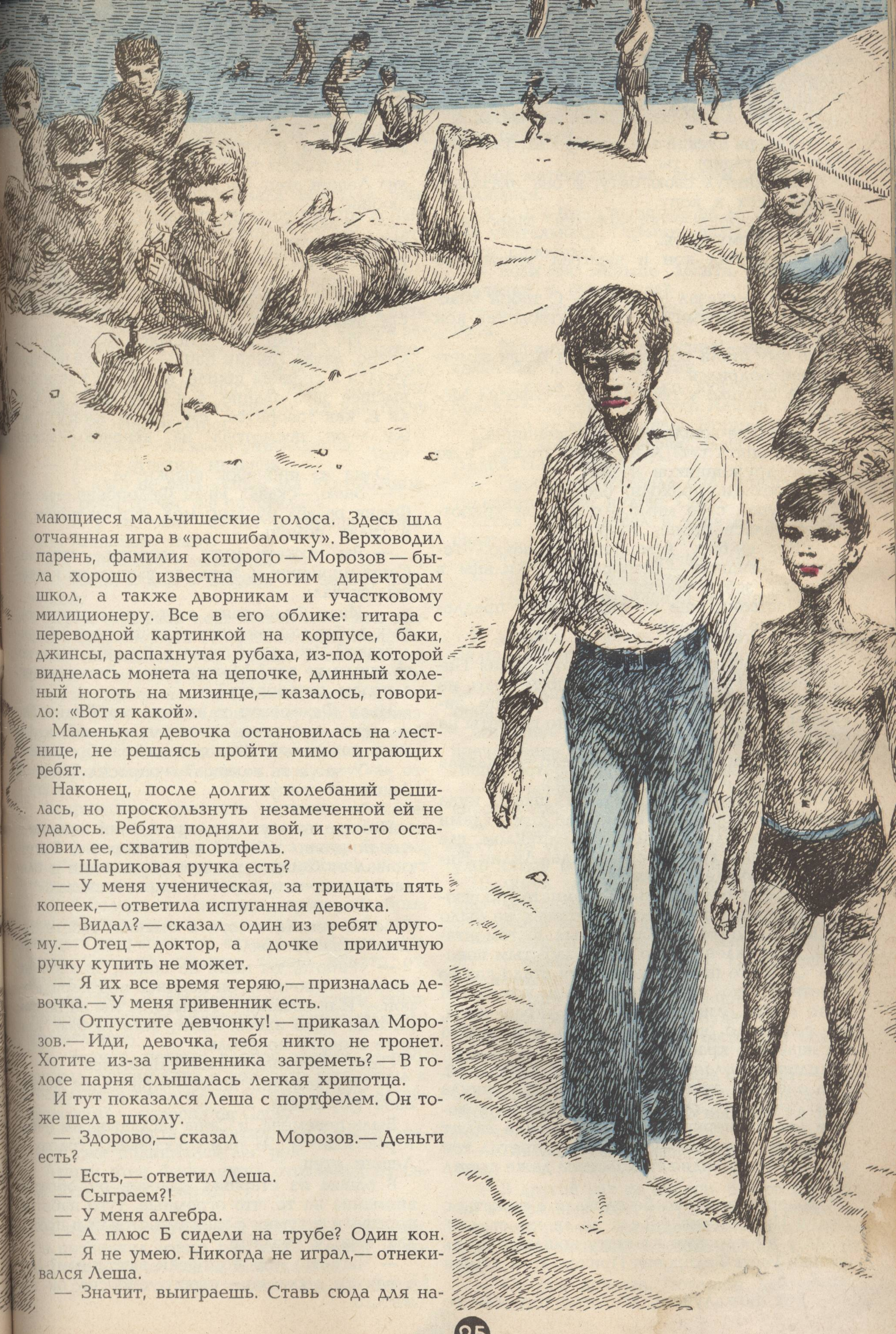
А Женя, дождавшись, когда из воды показалась Лешина голова, сказала гордо:

— Он не свалился, он прыгнул!

Поднимаясь по мокрым ступенькам бело-голубой лесенки, Леша тихо сказал Жене:

— Все равно... Во мне нет чего-то такого... Я не умею кукарекать!

В одном из парадных большого Лешиного дома звякала гитара и о чем-то спорили ло-

мающиеся мальчишеские голоса. Здесь шла отчаянная игра в «расшибалочку». Верховодил парень, фамилия которого — Морозов — была хорошо известна многим директорам школ, а также дворникам и участковому милиционеру. Все в его облике: гитара с переводной картинкой на корпусе, баки, джинсы, распахнутая рубаха, из-под которой виднелась монета на цепочке, длинный холеный ноготь на мизинце,— казалось, говорило: «Вот я какой».

Маленькая девочка остановилась на лестнице, не решаясь пройти мимо играющих ребят.

Наконец, после долгих колебаний решилась, но проскользнуть незамеченной ей не удалось. Ребята подняли вой, и кто-то остановил ее, схватив портфель.

— Шариковая ручка есть?

— У меня ученическая, за тридцать пять копеек,— ответила испуганная девочка.

— Видал? — сказал один из ребят другому.— Отец — доктор, а дочке приличную ручку купить не может.

— Я их все время теряю,— призналась девочка.— У меня гривенник есть.

— Отпустите девчонку! — приказал Морозов.— Иди, девочка, тебя никто не тронет. Хотите из-за гривенника загреметь? — В голосе парня слышалась легкая хрипотца.

И тут показался Леша с портфелем. Он тоже шел в школу.

— Здорово,— сказал Морозов.— Деньги есть?

— Есть,— ответил Леша.

— Сыграем?!

— У меня алгебра.

— А плюс Б сидели на трубе? Один кон.

— Я не умею. Никогда не играл,— отнекивался Леша.

— Значит, выиграешь. Ставь сюда для на-

чала пятьдесят. У тебя бита есть? О, юбилейный! Давай я первый брошу.

Морозов метнул свою биту от меловой черты.

— Теперь пускай все они бросят. Так. Так. Так. Ну, теперь ты.

Леша метнул свою биту, и она оказалась ближе всех к кону.

— Я говорил! — обрадовался Морозов.— Тебе первому бить.

Леша разбил кон и выиграл множество монет.

— Все! — сказал Морозов.— С тобой опасно играть. Первый раз вижу, чтобы так кон разбивали.

Все ему стали поддакивать, и Леша заметно приободрился.

— А сколько у тебя денег? — спросил Морозов.

В парадное вошла пожилая женщина.

— Вы опять тут? А ну марш отсюда, а то сейчас дружинников позову.

— Проходи, проходи, бабуся!

— Ступай себе мимо,— с модной хрипотцой в голосе пропел Морозов.

— Вот, ей-богу, в милицию позвоню,— говорила женщина.— Безобразие! Жильцы в парадное зайти боятся.

— Поставим еще по пятьдесят? — предложил Леше Морозов.

Зам по воспитательной работе Лидия Николаевна по привычке хотела посмотреть на свое отражение в застекленной грамоте, висевшей в пионерской комнате, но грамоты на месте не оказалось.

— Здесь всегда что-то висело,— сказала она Саше,— а ты зачем-то снял.

Лидия Николаевна открыла шкаф, куда обычно ставила свою сумку, но там рядами стояли вымпелы и кубки, а за стеклом, где эти реликвии хранились прежде, Лидия Николаевна увидела книги.

Тогда она огляделась. В комнате произошли заметные перемены. На стенах не было старых лозунгов и обветшалых фотомонтажей, изготовленных по давно забытым поводам. От этого пионерское знамя стало как-то заметнее. Оно главенствовало в комнате и было почти единственным ее украшением, что создавало ощущение штаба, а не плохо посещаемого красного уголка.

Лидия Николаевна была умной женщиной. Она оценила значение перемен и сунула свою сумку под стол. А когда в комнату вошли две пионерки и серьезно отдали салют старшему вожатому (он встал и ответил так же серьезно), Лидия Николаевна даже слегка оробела.

Пионерки о чем-то беседовали с вожатым, Лидия Николаевна сидела за своим столом, когда в пионерскую комнату вошли учитель физики Иван Федорович Приходько и Лешин папа.

— Вот, пожалуйста, это отец того самого Леши Жильцова,— обращаясь к старшему вожатому, после всех «здравствуйте» и «приветствую» сказал Приходько.— В который раз приходится слышать, что мы ставим перед детьми непосильные задачи.

— Не совсем так,— слабо улыбаясь, возразил Лешин отец. Он еще был настроен миролюбиво.

— А ведь есть мнение, что тем, кому не по зубам школьная программа, вовсе не обязательно иметь переходный балл,— холодно продолжал физик.— Нельзя же, жертвуя лучшими учениками ради лентяев или попросту неспособных, обеднять курс.

— Но я... вот я...— стараясь говорить спокойно, начал Лешин папа.— Я все же недурно учился в средней школе, и у меня как-никак высшее образование. А я беру ваши учебники и, как говорится, смотрю в книгу и вижу...— он посмотрел на девочек,— знаете что?

Одна из пионерок фыркнула.

— Знаю,—сказал Иван Федорович,—но...— Физик развел руками: мол, тут он ничем не в силах помочь.

— Вы можете идти, девочки,— отпустил Саша пионерок и, когда те вышли из комнаты, сказал:

— Иван Федорович, а что, если неспособных ребят неизмеримо меньше, чем обычно думают? Что, если гораздо больше тех.., кого учили не так? Можно мне с Лешиным родителем поговорить?

Иван Федорович удивился, но Лидия Николаевна энергично закивала головой, и физику показалось, что она даже обрадована.

— У вас есть полчаса? — спросил вожатый Лешиного папу.

По школьному коридору Лешин папа шел как по давно забытой улице детства. Он отставал от Саши у всяких объявлений и плакатов, а проходя мимо столовой, сказал:

— Вкусно пахнет.

Возле уголка юмора в стенной газете Лешин папа застрял.

— «Работа, ты меня не бойся, я тебя не трону»,— прочитал он надпись под карикатурой.— И похвалил: — Ничего. А мы на партах писали: «Кто здесь сидит, того люблю, кладите в парту по рублю».

Саша снисходительно улыбнулся.

— Это, конечно, ниже,— признался Лешин папа смущенно.

Была перемена, и Саша заглядывал в некоторые классы. За ним просовывал голову и Лешин отец.

В одном из старших классов он обратил внимание на то, что огромные, туго набитые портфели и сумки с книгами стояли в проходах между столами.

— Чего это они портфели выставили? Мы в партах держали,— строго спросил он вожатого.

— Не умещаются они теперь в партах. Объем информации,— объяснил Саша.

— Вот видишь,—сказал Лешин папа.—Мы Лешин класс ищем?

— Нет, нет,— ответил Саша и прибавил шаг, потому что зазвенел звонок.

— Одна девочка,—сказала пожилая учительница,—купила на двадцать четыре копейки открыток по три копейки за штуку. Пять открыток она подарила брату. Сколько открыток у нее осталось?

Снисходительное выражение лица, с которым Лешин папа, сидя на последней парте второго класса, выслушал условия устной задачи, сменилось отсутствующим: он попытался углубиться в счет. Но не успел. Лес рук вырос впереди него. Восьмилетние мальчики и девочки нетерпеливо тянули их навстречу пожилой учительнице.

— Сережа!—вызвала учительница.

— Три,—ответил мальчик.

— У кого не так?—спросила учительница.

Все руки тотчас же опустились.

— А у вас так?—шепотом спросил вожатый Лешиного папу.

Тот виновато улыбнулся.

— Ляля, к доске. Вырази эту задачу формулой.

Перед огромной коричневой классной доской с подвижными створками Ляля казалась такой маленькой, что Лешин папа смотрел на нее с некоторой тревогой. И, конечно, Ляля не справилась бы со своей задачей, если б не специально для таких случаев предназначенная узкая скамейка перед доской. Смело расхаживая по ней, Ляля рассуждала:

— Одна девочка купила на сумму «а» открыток...

Сопровождая решение четкими объяснениями, Ляля выразила задачу алгебраической формулой. Она сделала это так быстро, что Лешин папа не успел опомниться. А тут учительница предложила новую задачу:

— У Володи шестнадцать страниц альбома занято открытками, и он еще наклеил двенадцать открыток, по четыре штуки на страницу. Сколько страниц теперь занято открытками?

Урок шел в стремительном, почти спортивном темпе и производил захватывающее впечатление.

— Значит, первый вопрос задачи... — прошептал Лешин папа и воровато придвинул к себе листок бумаги.—А можно сразу алгебраически? — спросил он Сашу.

— Пожалуйста,—ответил вожатый, а впереди уже поднимался лес рук.

Лешин отец безнадежно отодвинул от себя бумажный листок.

В пустой учительской зазвонил телефон. Он прозвонил много раз, пока к нему наконец подбежала Лидия Николаевна.

— Да. Этого еще недоставало... Опять? Есть у нас такой. А что, он убил кого-нибудь, ограбил? Я не волнуюсь, я ко всему привыкла. Заведующая по воспитательной работе. А зачем мне записывать? Что я, Лешу Жильцова не знаю?..

Урок математики во втором классе продолжался.

«A < 10» было написано на доске, и пожилая учительница, трогая пальцем каждый знак, спросила:

— Если «а» меньше десяти, то сколько значений у буквы «а»?

— То есть? — спросил вожатого Лешин папа.

— Выпишите все значения!—сказала учительница, и класс притих.

— Откуда вы столько вундеркиндов набрали? — спросил вожатого Лешин папа.

— Это не вундеркинды. Нормальные дети.

В это время в дверях класса появилась Лидия Николаевна.

— Простите,— сказала она пожилой учительнице.—Мне нужен Саша.

Когда Саша вышел в коридор, она спросила:

— Ты знаешь, где сейчас Леша Жильцов?

— На уроке, наверное...

— Нет. Он в отделении милиции.

В детской комнате районного отделения милиции томилась компания Морозова.

— Гитару, серебряные струны, отобрали,—прохрипел Морозов, поглядывая по сторонам.

Его очень заботило, какое он производит впечатление на окружающих, особенно на Лешу, который попал сюда впервые.

— А зачем им портфель с учебниками?— спросил Леша, но ответа не дождался.

— Отдайте гитару! — негромко, так, чтоб никто не услышал, буйствовал Морозов.— Я уже пятый раз тут,—объяснил он Леше.

Щелкнул замок, и в детскую комнату вошел лейтенант.

Морозов вскочил и сразу стал канючить:

— Товарищ лейтенант, я вас очень прошу... у мамы сердце больное. Не сообщайте, пожалуйста...

— Я отцу на работу позвонил.

— Так ему же выговор будет.

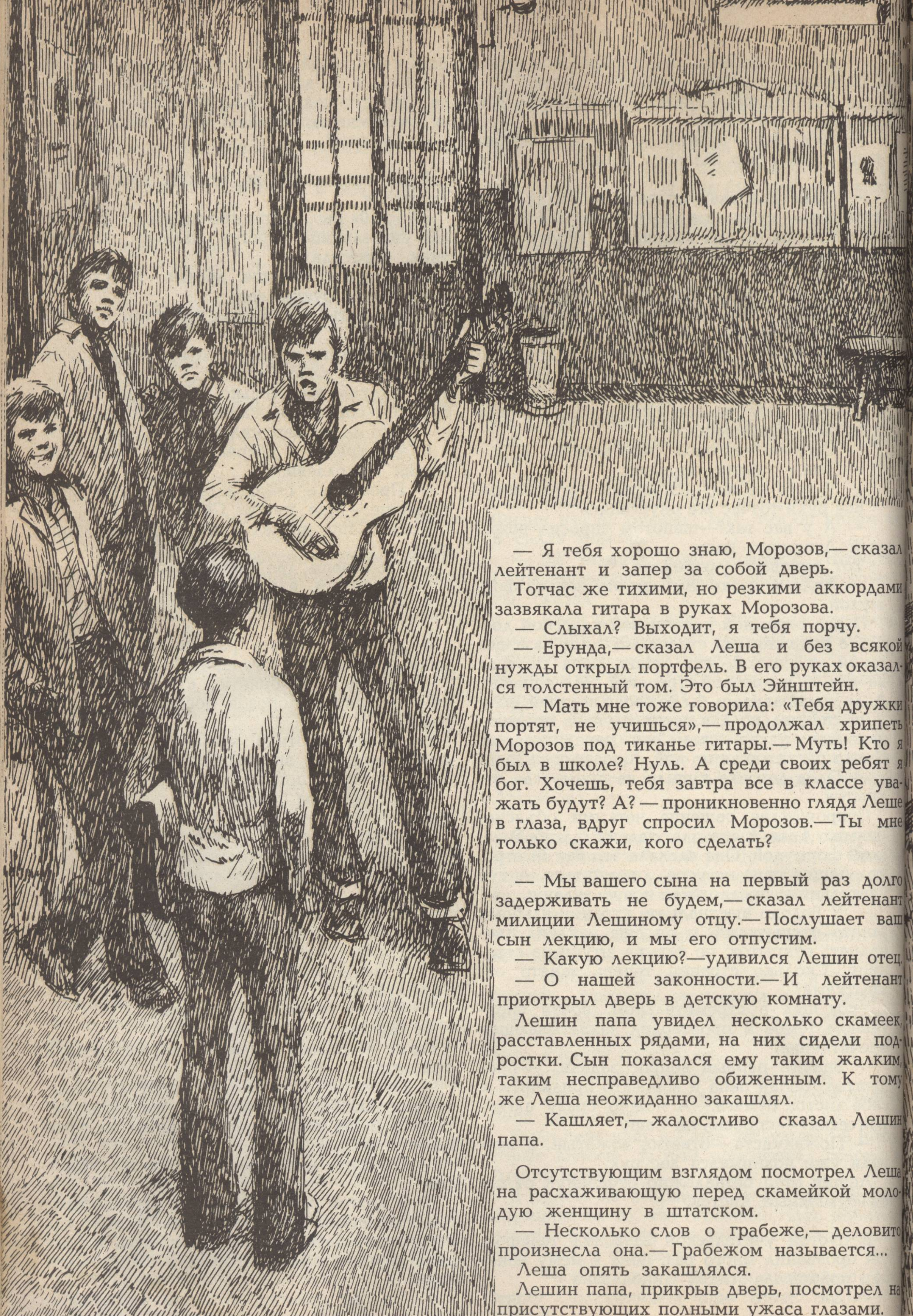
Голос Морозова звучал чисто, без всякой хрипотцы.

— Пусть за тобой получше смотрит,— сказал миролюбиво лейтенант, вручая парню гитару, а Леше портфель. Остальным он тоже кое-что роздал.

— Товарищ лейтенант... — канючил Морозов.

— В другой раз не будешь с утра пораньше в парадных КВН устраивать и жильцов терроризировать. Да еще втягиваешь в свои дела неустойчивых, которым в школу идти надо!

— Он сам пристал, товарищ лейтенант...

— Я тебя хорошо знаю, Морозов,— сказал лейтенант и запер за собой дверь.

Тотчас же тихими, но резкими аккордами зазвякала гитара в руках Морозова.

— Слыхал? Выходит, я тебя порчу.

— Ерунда,— сказал Леша и без всякой нужды открыл портфель. В его руках оказался толстенный том. Это был Эйнштейн.

— Мать мне тоже говорила: «Тебя дружки портят, не учишься»,— продолжал хрипеть Морозов под тиканье гитары.— Муть! Кто я был в школе? Нуль. А среди своих ребят я бог. Хочешь, тебя завтра все в классе уважать будут? А? — проникновенно глядя Леше в глаза, вдруг спросил Морозов.— Ты мне только скажи, кого сделать?

— Мы вашего сына на первый раз долго задерживать не будем,— сказал лейтенант милиции Лешиному отцу.— Послушает ваш сын лекцию, и мы его отпустим.

— Какую лекцию?—удивился Лешин отец.

— О нашей законности.— И лейтенант приоткрыл дверь в детскую комнату.

Лешин папа увидел несколько скамеек, расставленных рядами, на них сидели подростки. Сын показался ему таким жалким, таким несправедливо обиженным. К тому же Леша неожиданно закашлял.

— Кашляет,— жалостливо сказал Лешин папа.

Отсутствующим взглядом посмотрел Леша на расхаживающую перед скамейкой молодую женщину в штатском.

— Несколько слов о грабеже,— деловито произнесла она.— Грабежом называется...

Леша опять закашлялся.

Лешин папа, прикрыв дверь, посмотрел на присутствующих полными ужаса глазами.

Леша продолжал кашлять и дома. И когда приглашенная из поликлиники девушка-врач посмотрела на градусник, оказалось, что у Леши...

— Тридцать восемь и два,— сказала девушка,— это ангина дает, а не легкие. В легких у него ничего нет.

Лешины родители стояли возле его тахты этакой тихой, послушной парой.

— Какой беленький! — провела рукой по Лешиной спине девушка-врач,— закаляться надо. Небось, перекупался, а? Пока температура держится — лежать!

Леша, закашлявшись за ее спиной, потянулся к книге. Девушка обернулась.

— Читать только что-нибудь легкое...— Она посмотрела на титульный лист толстенного тома.— Ого! — И перелистала несколько страниц.

— Эта работа,— сказал Леша,— в первом издании называлась «Физика, как приключение познания». Приключение!

Есть немало легенд, рассказывающих о том, как великие научные открытия были сделаны случайно, в минуты счастливых озарений. Легенд о том, как что-то непонятное и поэтому нудное, о чем говорил на уроке учитель, стало вдруг ясным, простым и очень увлекательным, история не сохранила. Но минуты счастливых озарений безусловно знакомы и ученикам средней школы.

Сперва Леша читал «Приключение», чинно лежа под простыней. Потом — за столом. Потом, сидя на подоконнике. Так читают только по-настоящему увлекательные книги.

Электронно-фантастическая музыка, которую он услышал, вчитываясь в первые страницы, перешла в галоп. С модели атома, возникшей в Лешином воображении, ветер, рожденный разностью потенциалов, сорвал несколько электронов, и они, подобно рою мошкары, понеслись куда-то. Электроны сталкивались друг с другом, проникали из одной металлической пластинки в другую, и Леша с таким увлечением следил за ними, что мама, помня указания врача, несколько раз пыталась отобрать у сына этот толстенный том.

В комнате Волика зазвенел телефон.

— Волик? — послышался голос Леши.

— Я...

— Оказывается, все это условно?

— Что?

— Все. Физика, химия, а особенно математика. Мы моделируем действительность в нашем сознании.

— Я же тебе это сто раз говорил. Да и в школе, небось, объясняли...

— Объясняли, да не так. И еще... Слушай: «Все существенные идеи в науке родились в драматическом конфликте между реальностью и нашим стремлением ее понять».

— Здорово!

— Вот то-то! Будь.

Через минуту телефон зазвенел снова.

— Волик!

— Я,— ответил Волик.

— Я до Эйнштейна придумал теорию относительности!

— Да он ее предложил, когда тебя на свете не было.

— Конечно, конечно... Я не то хотел сказать... Понимаешь, прежде чем я прочел Эйнштейна, я уже задумывался над тем, как в свободно падающем лифте поведет себя... Ну, скажем, свободно падающее яблоко...

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

**КОММУНИСТ —
ПИОНЕРУ**

Ты зовешь себя юным ленинцем

**Г. Т. БЕРЕГОВОЙ,
генерал-майор авиации,
дважды Герой Советского Союза,
летчик-космонавт СССР,
делегат XXIV съезда КПСС.**

Спрашивают, все время спрашивают от ребята:

— А каким ты был, когда тебе двенадц лет было? А когда четырнадцать?

В свои двенадцать лет, помню, все жд той минуты, когда мой отец присядет чу передохнуть и я с ним. А вдруг начнет вс минать? Что-нибудь припомнит из жиз

Отцу я всегда завидовал и крепко, мальчишки умеют, им гордился. Старый п тиец с 1918 года, он прожил свою жизнь в но, сурово и прямо.

А недавно письмо получил я, и в нем знакомый вопрос от незнакомой девочки: «О чем вы мечтали лет так в тринадцать-четырнадцать?»

О чем думается, о чем мечтается в отрочестве?

Среди самых разнообразных раздумий и самых невообразимых мечтаний всегда есть главные, любимые, постоянно возвращающиеся: «Что я могу, кем стану?»

Эти вопросы объединяли всех нас, ребят далекой поры — начала тридцатых годов.

Эти же вопросы, оказывается, волнуют и вас, сегодняшних ребят, в не меньшей мере.

Об этом говорят письма читателей «Пионера».

Что ж, они вовремя, эти вопросы.

●

Когда пришла пора мне делать выбор дороги в будущее, долгих поисков не потребовалось: мой выбор был сделан — авиация. Старший брат Виктор уже летал, а я страстно мечтал летать, как мне кажется, всегда!

Мальчишки тридцатых годов бредили небом. Мы знали тогда, кто и сколько совершил полетов на льдину лагеря Шмидта, кто и сколько вывез людей.

Для ребят нынешнего поколения все это история. А для нас начало взросления.

Отважная семерка первых Героев Советского Союза была тогда кумиром всех мальчишек.

В детстве мы все, как один, были убеждены, что авиации принадлежит будущее, что подвиг можно совершить только в авиации и что формы лучше, чем форма военного летчика, нет во всем мире.

●

Один мой приятель мальчишеских лет сочинил клятву. В ней очень красиво говорилось, что он во что бы то ни стало покорит стихию великого и безбрежного пятого океана.

— Покори для начала стихию сна, встань в пять часов,— говорили ему. (В шесть начинались занятия в аэроклубе.) — Что ты все время просыпаешь?

Парень обещал клятвенно:

— Во! Голову на отсечение, клянусь!

Он был славным малым, этот парень, но летчиком он так и не стал.

Я тогда смутно догадывался, что клятвы себе и клятвы товарищам были нужны ему, чтобы взнуздать свою довольно хилую волю.

В школе он слыл «героем» — ему все было нипочем: прыгнуть из окна, бросить бумажного голубя перед носом учителя. А вот встать в пять часов он не мог.

Сегодняшний мальчик Андрей Новиков из Костромской области пишет в своем письме: «Учусь я неплохо, без троек. В отряде меня в общем-то уважают. Все помнят, как

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

осенью отряд, которым я командовал, в трудной обстановке сумел добыть знамя и победить в «Зарнице». А сейчас командиром, видно, мне не быть. Мне говорят: «Дисциплинка у тебя, Новиков, хромает». Да я и сам знаю, что хромает, но ничего поделать с собой не могу...»

Вот какие дела.

●

— Что такое дисциплина? — спросил я одного знакомого мальчика.

Сначала он не знал, что ответить. Видно, не думал никогда об этом. Но походил-походил и сказал:

— Это когда делаешь не то, что хочешь, а то, что надо.

Вся хитрость, весь смысл, вся глубина понятия «дисциплина» заключены в одном этом словечке «надо».

В школе учиться — надо. Работать в отряде — надо. Эти главные «надо» состоят из сотен других каждодневных «надо».

Например, по заданию отряда надо написать статью в стенгазету. На уроке — понять объяснения учителя. Сидеть на уроке и сосредоточенно слушать — дело трудное, утомительное, серьезное.

Выдержки не хватает, упорства, **не хватает воли.**

Но разве можно в этом признаться? Даже себе. Ни за что на свете!

Буду скрипеть партой, буду мяукать, буду пускать бумажных голубей. Накажут? Не страшно! Зато я смелый! Зато отважный, зато бесстрашный, смотрите какой!

Всех обмануть, и себя в первую очередь, утешить себя, оправдаться перед собой — вот для чего эта демонстрация смелости, независимости, отваги. Надо скрыть, забыть, вытеснить из головы неприятные, зловещие догадки: «Значит, я слаб, ничего не могу?»

Бить стекла и кошек—какая тут смелость? Прикрытие слабости. А часто и трусости. Готовы ли «храбрецы» открыто заявить: «Это сделал я»? Смелость в надежде на безнаказанность — подлый обман.

Не верь такой смелости. У настоящих людей она вызывает презрение.

●

Но вот человек понял, что слаб, понял, в чем слаб, и начинает действовать.

Достав страшно непонятную книжку, с невероятным трудом продирается через одну страницу, другую. Сидит часами в неудобной, скрюченной позе.

— Зачем?

Удивляется:

— Как зачем? Вот развиваю в себе выдержку.

— Получается?

— Не очень...

И не получится.

На вспышке энтузиазма можно осилить и больше, чем себе назначил. Но первый пыл угас, и тут-то дело пошло хуже.

Воспитывать характер, как самоцель, делая то-то и то-то, чтобы только воспитать волю, мужество, выдержку, так не получится.

Надо увидеть цель, настоящую, серьезную, большую цель, очень захотеть ее достигнуть, и это стремление, устойчивое, постоянное стремление во что бы то ни стало добиться поставленной цели, притянет все заложенные в тебе силы, организует их и приведет в действие.

●

Помнишь Камо? Легендарного революционера-подпольщика Камо, которому в обстановке любой опасности — и, главное, постоянной опасности — ни разу не изменило самообладание. В самые критические минуты, идя на страшный риск, он в одном был уверен всегда — он в себе был уверен до конца.

Что питало мужество Камо? Цель, ради которой он сражался.

Помнишь большевистского комиссара продовольствия Цюрупу?

Каждый мешок хлеба для голодающего Петрограда приходилось добывать и защищать в бою. Комиссар продовольствия доставлял в Петроград эшелоны с хлебом и падал в обморок от голода.

Что стояло за ежедневным героизмом большевика Цюрупы? Сознание цели, во имя которой боролся Ленин и партия, во имя которой жил и боролся он сам.

Таких примеров можно привести сотни, тысячи, если обратиться к делам и дням нашей партии, к судьбам ее верных борцов.

Сознание цели, ради достижения которой была создана Лениным наша партия, ради достижения которой она боролась и борется, рождает у ее борцов самоотверженность, и мужество, и самодисциплину.

Это дисциплина особого рода. Добровольная, сознательная. Суть ее в том, что здесь «надо» сливается с «хочу». Они действуют вместе, подкрепляя и усиливая друг друга.

●

Не знаю, кем собирается стать Андрей Новиков и ты, мой читатель. Но знаю: кем бы вы ни стали, ваша работа будет нужна народу. И все ваши победы, подвиги, достижения будут тем значительнее, чем теснее ваша цель связана с сегодняшними делами в вашем пионерском отряде.

Организация юных пионеров — замечательная организация. В ней требуют, должны требовать друг от друга самого главного — воли, мужества, стойкости, выдержки, упорства. Но важно, чтобы ее требования к тебе стали твоими требованиями к себе. Добровольными, сознательными. Чтобы требование отряда — «надо» стало для тебя — «хочу».

«Пионерский отряд,— говорила Надежда Константиновна Крупская,— детская организация, которая хочет довести дело Ильича до конца. Вот почему пионерам надо воспитывать в своих рядах не принудительную, а добровольную дисциплину».

НОВЫЕ СТИХИ

Арамаис САAКЯН

Посетите меня!

Мое сердце открыто для вашего горя и счастья!
Вас прошу, дорогие, меня посещайте почаще!

Память детства с собой принесите,
В дом войдите, меня разбудите,
Настроенье мое измените —
Посетите меня, посетите!

Вы очистили ль мутную воду?
Обогрели ль кого в непогоду?
Ради ближнего горе ль терпели?..
Посетите меня — в самом деле!

Для людей мое сердце открыто — для боли и счастья...
Вас прошу, дорогие, меня посещайте почаще.

Перевела с армянского
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ.

Арамаис САAКЯН

*

Случается — за малый промах
Всю жизнь потом не расплатиться...
Случается — костер огромный
От малой стружки загорится.

И даже город неприступный
Дотла сжечь малой искрой можно...
В словах своих, в своих поступках,
Прошу вас — будьте осторожны!..

Рисунки В. ЛОПТЕВА.

Шио МГВИМЕЛИ

Весна

Март ушел. И облака легки,
И земля теплее с каждым днем,
И фиалок первых фитильки
Вспыхнули сиреневым огнем.
Горлица вернулась. И скворец.
И удод с веселым хохолком...
Шелестят поляны. Шепчет лес.
Перепелка квохчет под кустом.
Вперевалку выступает грач,
Ласточка кричит: — Весна пришла!
Зайцы по полям пустились вскачь,
Ошалев от солнца и тепла.
Вон зайчонок уши навострил,
Греется и слушает — ему
Слышно, как росток, набравшись сил,
К свету пробивается сквозь тьму.
Слышен вздох фиалки, птичий зов,
Слышно, как забился ключ в горах,
И от этих новых голосов
Радость в сердце заячьем — не страх!
Оживает все. Пора и нам!
Сбросим, отряхнем остатки сна,
Лень да сон оставим зимним дням,
А сейчас, друзья мои, — весна!
Зеленеет ширь, синеет свод,
Нас зовут набухшие поля,
Труд отцов и дедов нас зовет,
Жаждет наших сильных рук земля!

Перевела с грузинского
Ирина СНЕГОВА.

Т. САЛАХОВ «Ремонтники»

М. ЛИХАЧЕВ. «Студенты».

Живут люди, работают, учатся...

Ф. ГАДЖИЕВ «Гудят провода».

Нынешняя весна особенная: коммунисты держат большой совет о жизни страны. Мечты превращаются в планы, планы — в дела.

Живут люди, работают, учатся, разведывают богатства своей земли. Все это вместе — жизнь большой нашей страны. У нас каждый нужен каждому. Одни добывают нефть среди моря, другие протянули провода на синие недоступные вершины. Кто-то учит детей, кто-то учится, кто-то шьет платья, делает бумагу, лечит больных. У всякого свои обязанности, все работают друг на друга. Хозяйство у нас великое. Оно растет и по общим нашим пла-

Б. НЕМЕНСКИЙ «Общая песнь».

нам будет расти и расти дальше. Дела, куда ни посмотришь, разворачиваются захватывающие. Работа повсюду идет дружная, спорая, жаркая.

И ты, когда вырастешь, займешь свое место в огромном хозяйстве, ты тоже будешь честно смотреть в глаза встречным: я делаю для вас для всех полезное, нужное дело.

А пока ты учишься — старайся учиться получше. Старайся вырасти честным и смелым, хорошим другом, отличным работником.

Сейчас весна. Небо стало просторней и выше. Ясней видны дальние дали. Сильнее зовут дороги. И песня звучит чисто и звонко.

Журнал в журнале печатает только тебя

Съезд коммунистов

Съезд коммунистов собрался
в Кремле.
Как развиваться советской земле,
Как год от года шагать нам
вперед,
Думает партия, с ней весь народ!

Рита **ТАХТАМЫШЕВА**, 10 лет.
г. Уфа, Башкирская АССР.

В музее В. И. Ленина

Аттестат Ильича —
в одной из витрин.
Пятерок ровные
столбики.
Сказала подруга мне:
— Посмотри,
Одна четверка —
по логике.
Четверка — оценка
чиновника рьяного.
Иная логика у Володи
Ульянова!
В борьбе рождена
и проверена временем
Бессмертная логика
товарища Ленина!

Инна **БЛЕЙХЕР**, 7-й класс
16-й школы г. Киева.

Комсомол

Наш старший брат,
Наш комсомол,
Он сквозь огонь и воду
шел,
Он погибал в лихом бою
За Родину свою.
Он строил, думал
и дерзал,
Он небо смело покорял!
Везде нам старший
брат —
Пример!
Не отставай же, пионер!

Сережа **ЧИКАНОВ**, 7-й класс
266-й школы г. Ленинграда.

В Разливе

День погожий. Сухо. Тихо.
Пионеры
И шалаш.
А когда-то здесь от шпиков
Вождь скрывался,
Ленин наш.
Здесь, в зеленом кабинете,
Письма в Питер сочинял,
Здесь при ярком лунном
свете
Он о будущем мечтал.
И, уйдя в свою работу,
Сжав рукою карандаш,
Он писал, писал
в блокнотах.
И темнел вдали шалаш.

А сейчас под красным
флагом
Мы застыли не дыша.
Нашу первую присягу
Мы даем у шалаша.

Алла **СЕМЕНОВА**, 6-й класс
28-й школы г. Ленинграда.

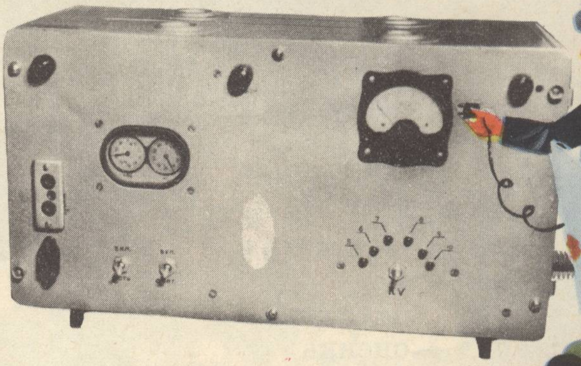

Разверни любую газету — и ты найдешь рассказы о трудовы[х] победах рабочих, инженеров, колхозников, строителей, учены[х].

Всего, что сделали, встречая съезд партии, пионеры, участник[и] марша «Всегда готов!», здесь не перечесть. Они помогали стар[]шим на полях и фермах, сажали деревья, конструировали и строи[]ли, разыскивали священные реликвии Великой Отечественно[й] войны...

Перед тобой лишь несколько коротких рассказов о делах твои[х] сверстников.

Приборы, созданные школьниками, используют на заводах

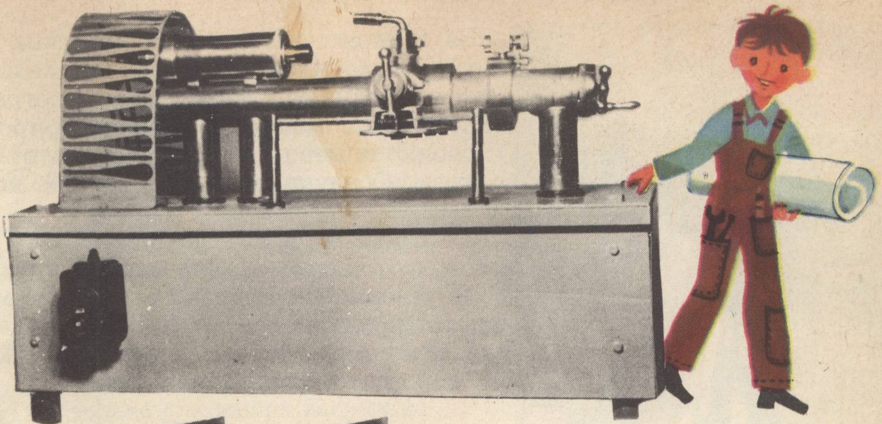
Сколько было в истории техники случаев, когда десятки специалистов бились над проблемой и не могли решить ее! А потом приходил новичок и неожиданно делал то, что не удавалось опытным людям. Удача? В какой-то мере да. Но приходит эта удача лишь к тем, кто, отбросив привычный взгляд, не идет проторенной дорогой, а предлагает свое, необычное решение научной или технической задачи.

Так что же, каждого, кто пришел на станцию юных техников или в школьный кружок, ждет открытие? Конечно, нет. И если в кружке ты не создашь ничего выдающегося, вряд ли стоит огорчаться: ты приобретешь другое — опыт, знания, вкус к работе. И, может быть, именно это станет основой твоих будущих открытий.

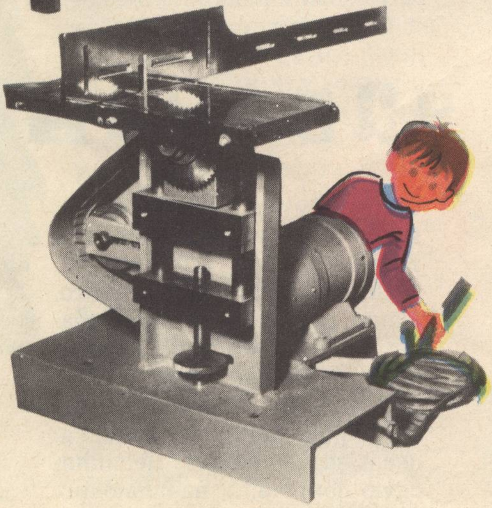
Но порой и твоим сверстникам удается создать такие вещи, которые охотно принимают придирчивые заводские инженеры.

Семиклассники Леня Плотников и Вова Елькин из пермского клуба юных техников «Омега» построили аппарат, помогающий испытывать электрические кабели. Добротность кабеля проверяют десятками разных способов. Нужно точно знать, достаточно ли надежна изоляция, не порваны ли тончайшие металлические жилы, прочен ли кабель, стоек ли к жаре и зимним холодам. На пермском заводе «Камкабель» испытывают изделия многими приборами. А с недавнего времени еще и аппаратом, сделанным семиклассниками.

Пермь — город промышленный. И, естественно, многие ребята этого города увлекаются техническим творчеством. Вот прибор с мудреным названием «гетеродинный индикатор резонанса». В каждом радиоприемнике, телевизоре, электронном устройстве — вплоть до вычислительной машины — есть электромагнитные катушки: магнитный сердечник с намотанным на него строго отмеренным проводом. Точность работы устройства в целом во многом зависит от точности изготовления катушек. Для проверки катушек и предназначен этот сложны[й] прибор. Его сделал Саш[а]

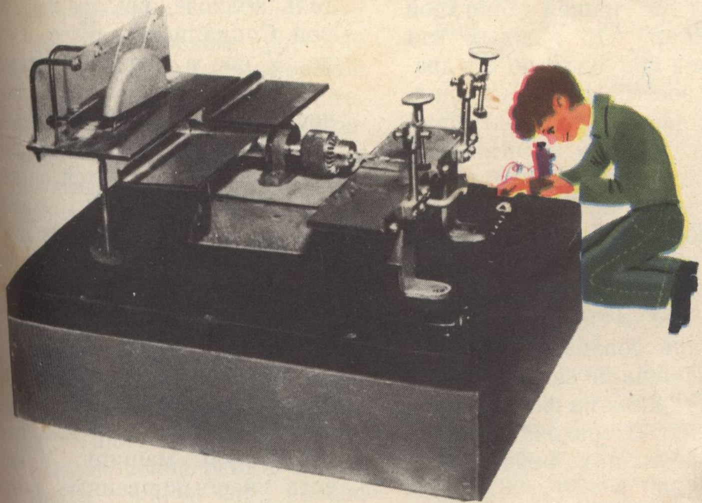
Красилов, который занимается в клубе юных техников завода имени Свердлова. Сашин прибор прост и надежен, и сделан он, что называется, из подручных материалов. А работает не хуже фабричного. Был он показан в Москве на ВДНХ, и сразу после этого в кружок пришли девять заявок разных предприятий. Заводы просили сделать для них прибор или по меньшей мере прислать его подробное описание.

Ты можешь сказать: сложные, настоящие вещи трудно делать вручную от начала до конца, для этого хорошо бы иметь станки. Что ж, ты прав. Но и станки ребята тоже умеют конструировать сами.

Школьники из литовского города Шяуляй создали несколько станков, аккуратных, ладных и достаточно точных. И каждый из них умещается на обычном школьном столе.

Ребята делают и оригинальные станки, которые есть далеко не на всяком заводе. Вот, например, комбинированный станок для обработки дерева. Он создан в

школе № 8 г. Борисова. На нем можно сверлить, фуговать и распиливать деревянные заготовки. Собственно говоря, в одном этом станке совмещены целых три станка.

В одесской школе № 119 Алеша Пушкаренко, Юра Телятников и Юра Бойко построили сортировочный аппарат. За минуту он совершает работу, на которую обычно уходят часы: сортирует болты, винты, шурупы и другие мелкие детали. Специальный вибрационный механизм выбрасывает детали в желоб. А там детали разной величины проваливаются через крупные и мелкие отверстия в коробку, предназначенную для них.

Трудно создать настоящую, работающую машину, но, как видишь, есть ребята, которым это удается.

Многое из того, что создали ребята, заинтересовало взрослых специалистов, и они решили использовать изобретения ребят в производстве.

Вот какую заявку написал на имя директора Выставки творчества юных инженер Новгородского завода имени Ленинского комсомола Г. С. Фомин:

«Я внимательно осмотрел выставку и понял, что многие ее экспонаты представляют интерес для нашего завода:

Авометр на двух транзисторах (г. Загорск).

Испытатель транзисторов (г. Загорск).

Автомат для продажи карандашей (г. Тбилиси).

Электронный тир (г. Рустави).

Электронные тахометры.

Прибор для определения неисправностей скрытой проводки.

Игра «Кто последний» (г. Киев).

Прошу вас выслать нам технические описания и схемы всех этих экспонатов для их освоения и массового выпуска».

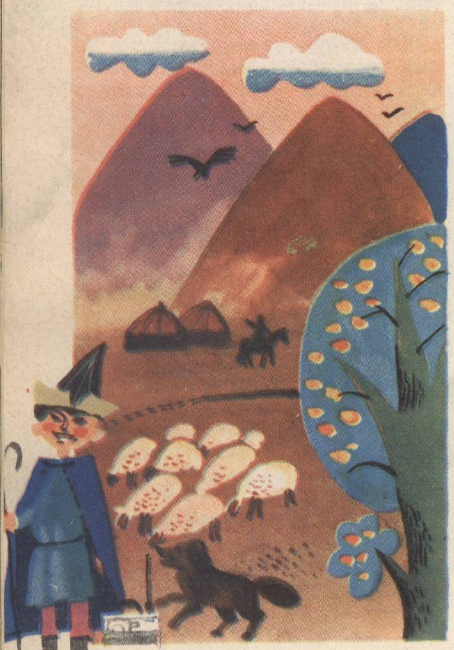

На Всесоюзном слете ученических производственных бригад и школьных лесничеств ребята рассказывали об удивительных урожаях пшеницы, чая, картофеля, винограда — всего, что они выращивают. О том, как они берегут природу, сколько посадили леса. О своих опытах, результаты которых используют их родные колхозы. О научных исследованиях, которые они вели по заданию ученых.

Слет обратился ко всем пионерам и комсомольцам страны с призывом «готовиться к творческому труду в народном хозяйстве, активно утверждать в жизни ленинские мечты и заветы, каждый день решать «практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую».

Эти слова обращены и к тебе!

Я буду чабаном

Я еще маленьким знал, что буду чабаном. Мой отец был чабан, и отец моего отца был чабан, и отец деда тоже был чабан. Мои одиннадцать братьев и сестер с детства помогают родителям. А я пасу с отцом овец пять лет. И таких ребят, как я, у нас в ауле целая производственно-ученическая бригада.

Чабан должен быть сильным. Долгое время бродит он с отарой по горным кручам. В ауле не бывает, не видит родных и близких, не смотрит новых кинофильмов. Он всегда на посту: и в зной и в стужу, в дождь и в снежный буран. Он защищает свою отару. Ему помогает собака, и еще есть у него бинокль и транзистор.

Знать чабану надо много. Наши ребята помогают чабанам на пастбищах. Заготовляют корм для овец. Учатся стричь овец, принимать у овцы родившегося ягненка, оказывать первую медицинскую помощь. У начинающих чабанов — по сорок овцематок и по столько же ягнят, а у старших — по семьдесят пять.

В прошлом году совхоз закрепил за нашей бригадой семь отар. От каждых ста овец мы получили по сто двадцать восемь ягнят — выполнили план на сто девять процентов. А наши стригали настригли тридцать две тонны шерсти, по четыре с половиной килограмма с каждой овцы.

Мы всегда рядом со взрослыми. Когда снежные заносы угрожали совхозным отарам, мы расчищали загоны, заменяли старших на ферме, в мастерских. В совхозе говорят: нам без наших ребят было бы трудно!

В Москве, на Выставке творчества юных, я видел робота. Его сделали ребята. Вот бы такого робота в помощь чабану! Его можно запрограммировать так, чтобы он был и сторожем, и стригалем, и метеорологом, и связистом.

Джениш ТЫНАЕВ, средняя школа имени Гагарина, Джеты-Огузский район, Киргизия.

Главная наша забота — чай

Сам дядя Антимоз нами гордится. Это наш председатель колхоза. Он дважды Герой Социалистического Труда. У нас в колхозе пятьдесят два Героя Социалистического Труда. И двадцать семь из них — выпускники нашей школы. Гордится он нами потому, что школьная бригада — одна из лучших в Грузии. Мы выращиваем чай. И урожай на школьной плантации был выше, чем на колхозной.

Чайный лист собирают в основном девочки. А мальчики водят трактор или чаеуборочную машину. У нас есть необыкновенные ребята! Ну, хотя бы Нугзар Ка... дария. Он и водитель и еще вручную собрал две тонны чайного листа. В его семье все чаеводы. И все Герои Социалистического Труда.

Наша опытническая группа создает новые сорта фруктов. Приезжают сотрудники Анасеульского научно-исследовательского института и дают задания.

На заработанные деньги мы оборудовали школьные кабинеты и лаборатории.

А недавно большую сумму перевели в фонд строительства Дворца пионеров на Чукотке.

Маквала **РОГАВА**, Ахали-сопелская средняя школа, Зугдидский район, Грузия.

Наверное, нет такого человека, который бы не любил кедровые орехи. Удивительно вкусное и полезное лакомство. И масло, которое получают из кедровых орехов, очень ценное.

В Красноярском крае, где живут ребята Озерновской средней школы, кедра много. Деревья стоят высокие, красивые, ветки-канделябры с шишками к солнцу тянутся. Добраться до шишек нелегко: каждый кедр ростом тридцать метров. Вот и попробуй собрать урожай! В молодости (лет до двадцати — тридцати) кедр очень медленно растет, и первые плоды появляются только через пятьдесят — шестьдесят лет.

Озерновские ребята попробовали привить кедр на сосну. Сосна — растение быстрорастущее. Привитый кедр плодоносит уже через пятнадцать — двадцать лет. Орехов на таком кедре больше, и собирать их проще.

Ребята из Озерновской школы создали свое лесничество три года назад, теперь в нем уже пятьдесят человек. Хозяйство большое — 400 гектаров леса. Есть своя прививочная плантация лиственницы. Лиственница бывает разных форм. Пионеры выбирают самые лучшие, спелые деревья, срезают у них веточки и прививают на молодые деревья. Привитая лиственница, как и кедр, начинает быстрее плодоносить. И ростом такая лиственница пониже, значит, семена с нее легче, чем с непривитых, собирать. Семена лиственниц не только для наших лесных хозяйств необходимы, но и на международном рынке ценятся высоко. Так что польза от опытов ребят и Копьевскому лесхозу, на территории которого работают ребята, и всей нашей стране.

Не только опытами заняты ребята. Они сажают деревья, ухаживают за ними. Собрали и сдали государству 400 килограммов лекарственных трав, грибов, ягод. На озере они создали искусственные гнездовья для уток. Следят за тем, чтобы у других птиц — защитников леса было удобное жилье, постоянно подкармливают их. В своем поселке заложили парк в десять гектаров, улицы озеленили, начали создавать дендрарий — коллекцию растений.

Пока не было школьного лесничества, пожары случалось тушить пять — семь раз в году. Прошлым летом только однажды на небольшом участке загорелся лес, но ребята быстро с этим справились и виновника нашли.

Зимой каждое воскресенье ребята собираются в конторе лесничества: изучают теорию лесного дела, знакомятся с основами лесоводства, дендрологии, лесомелиоративного дела. Постоянно обходят на лыжах свои лесные владения, смотрят, все ли в порядке, птицам корм подкладывают.

А с ранней весны до поздней осени они подробно отмечают все происходящие в природе изменения, ведут записи, а потом отсылают их в Красноярск, в фенологическую комиссию географического общества при Академии наук СССР.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Заведующий кафедрой лесоводства Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, профессор НЕСТЕРОВ В. Г. говорит:

«Я знаю это лесничество. Пионеры там занимаются настоящим, очень полезным делом.

Ребята знающие, трудолюбивые. У них хорошая теоретическая подготовка, наблюдательный глаз, умелые руки. Лес требует постоянного внимания. Надо и за почвой ухаживать и за деревьями. Они с этим справляются. Делают все с любовью, старательно. Ребята мечтают стать лесоводами, я уверен, что так и будет.

В начале года в Москве был слет юннатов. Серьезные люди, юные лесничие пришли к нам в академию. Пришли в своей форме, кстати, очень красивой, со знаками различия. Я слушал их доклады, наблюдал за тем, как они отвечают на вопросы нашей лесной викторины, и убедился, что они уже основательно знают лесное дело, очень любят лес».

В Приазовских плавнях

Константин **ИОСИФОВ** Рисунки Е. **МЕДВЕДЕВА.**

Операция «ЖИВОЕ СЕРЕБРО» продолжается.

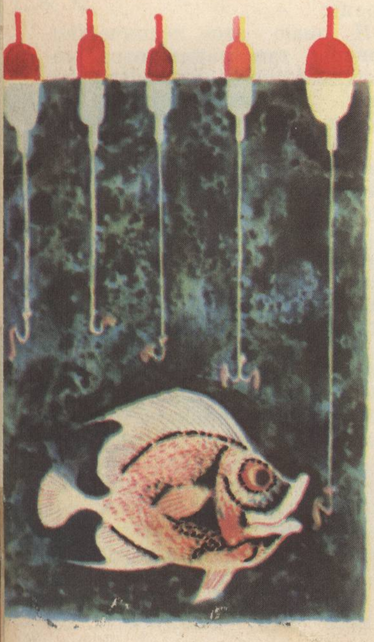
Я еду на Азовское море, чтобы посмотреть, как там идет операция «ЖИВОЕ СЕРЕБРО». Как кубанские голубые патрули защищают свое богатство — рыбу.

Сначала я попадаю в рыбацкий поселок Садки, потом в станицу Привольную. И там и там — царство плавней.

Плавни... Это огромные лиманы с зеркалом вод в десятки квадратных километров. Это лабиринт проток и каналов. Их здесь зовут «гирлами» и «ериками». Это камышовые заросли.

В плавнях тучи комаров. А комары — великолепный корм для рыбьих мальков.

После нагула в море рыба, каждая в свой черед, идет в плавни. Одна пробирается в верховья рек, чтобы на галечных и каменистых перекатах отметать икру. Другая дает жизнь потомству в плавнях. Не было бы Азовское море таким урожайным, если бы не плавни.

Недолгий разговор с ребятами — и вот мы уже мчимся в моторке по узкому коридору из густого камыша. Дикие утки предпочитают не улетать от нас, а заплывают в камыши. Заплывет — и нет ее! Кстати, утки непугливы здесь — голубые патрули защищают не только рыбу, но и птиц.

Впереди показывается белый шлюз. Никогда не думал, что шлюз можно пройти с таким шиком! Наша моторка на полном ходу проносится между двумя бетонными опорами, делает лихой поворот и вдруг оказывается в зарослях гигантских, с добрую миску, цветов ярко-красного цвета и плавучих листьев, смахивающих на лопухи.

Это лотос. Лет шесть назад его завезли сюда из дельты Волги. И эти прекрасные цветы охраняют голубые патрули.

Мы опять на полной скорости срезаем углы, проносимся узкими коридорчиками. Впереди открывается лиман, такой большой, что не виден противоположный пологий берег его. Ребята всматриваются в фигуры рыболовов, маячащих то тут, то там. Здесь рыбалкой занимаются и мальчики, и девочки, и старики со старухами. И все знают друг друга.

Время от времени ребята обмениваются деловыми соображениями:

— Дед Семен нарушать не будет. Всегда удочкой ловит.

— Смотрите, Генка-то бросил сети, перешел на удочку. Значит, взбучка на нашем совете подействовала!

И в Садках и в Привольной не так давно браконьерство считалось у ребят ухарством, подвигом. С восторгом они рассказывали, как прятались от инспекторов в камышах, как удирали на лодке.

Сейчас, если какой-нибудь любитель легкой наживы пригласит сынишку: «Едем трусить вентеря!» — сын скорее всего откажется и отца отговорит. Не захочет краснеть перед ребятами, когда совет дружины вызовет его и спросит: «А кто тебе дал право ставить вентеря? Разве мы тебе не говорили, что это запрещено законом?»

Ребята рассказали мне, что города, заводы, рисовые поля, расположенные выше по реке, забирают много воды, и вообще здесь вода сильно испаряется, и в плавнях летом падает уровень воды. Тогда рыбе угрожает гибель. Вот и соорудили шлюзы: поддерживать уровень воды.

Ребята, сами, конечно, не управляют шлюзами, но они сигнализируют инспекторам рыбоохраны о колебаниях воды.

А еще ребята смотрят: не отшнуровался ли от большой воды какой-нибудь водоемчик? Если окажется, что между ним и большой водой образовалась перемычка, то они либо прокапывают канаву для стока, либо вылавливают мальков в чаны и ведра и на колхозной машине перевозят их в другой водоем.

Ну, а если и этого недостаточно, на помощь голубым патрулям присылают экскаватор. Когда гирло Безымянное в пять километров длиною отшнуровалось, экскаватор прорыл канаву, и рыба ушла в большую воду.

Много хлопот голубым патрулям причиняют так называемые сгонно-нагонные ветры. Если долгое время дует южный ветер, а потом его сменяет западный или северо-западный, то уровень воды в море поднимается иногда даже метра на два.

Волны уносят морскую рыбу на огороды, в пресноводные ерики, в лужи. А потом возникает сгонный ветер, вода спадает — и рыба оказывается на мели. Много дела тогда у патрулей, они обследуют все уголки и спасают рыбу. А если сами не могут справиться, то зовут на помощь взрослых.

Ребята и зимой продолжают патрулировать, следить за состоянием водоема. Зачем? Лиманы зимой замерзают. В холодную зиму 1969 года на море образовался ледяной покров семидесятисантиметровой толщины, а на лиманах — метровой. И лишь тот, кто ничего не знает о жизни рыб, полагает, что рыбе подо льдом живется вольготно и спокойно.

Когда водоем покрыт сплошным льдом, рыба гибнет от недостатка кислорода, растворенного в воде или, как говорят рыбаки, — от «замора». К тому же и браконьеры не прекращают свое грязное дело зимой. Изголодавшуюся по воздуху рыбу легко ловить у прорубей и лунок!

Зимой на Азовском море часты бури и ураганные ветры. Когда на смену южному ветру приходит ураганный северный нагонный ветер, то во льду образуются широкие трещины, в них устремляется вода и выносит рыбу на поверхность льда. Если в этот момент ударит мороз — а морозы здесь бывают и в тридцать градусов! — то верхняя вода замерзнет, и образуется то, что кубанские рыбаки называют «однослойным рыбьим пирогом», — два слоя льда, а посредине начинка из воды и рыбы.

Очень опасен для рыбы такой пирог. При сгонном ветре не вся рыба уходит вместе с водой под лед, верхние слои «пирога» придавливают оставшуюся рыбу. При сильных морозах пирог этот превращается в массу льда, в которую рыбины вкраплены, как изюминки в булке.

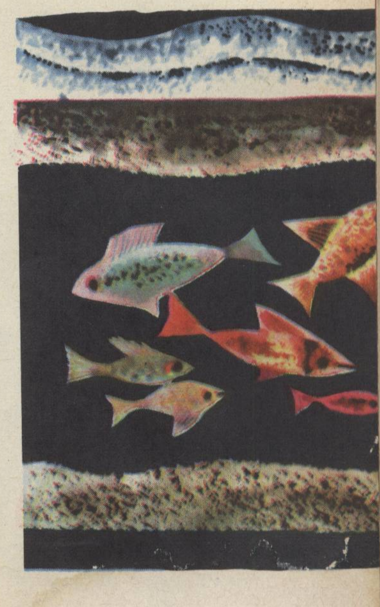
На помощь рыбе приходит и стар и млад. Во льду пробивают проруби и сгоняют рыбу под лед. Рыбу вылавливают сачками и сетями и переправляют в большую воду.

Я не называю имен лучших голубых патрулей. И в Садках и в Привольной все ребята, словно сговорившись, твердили одно: нет среди нас лучших. Мы все стараемся хорошо работать...

Знакомили меня с плавнями и с работой голубых патрулей в Садках Коля Левченко, Валера Чигин, Алеша Гариуша, а в Привольной — Сережа Герасимов, Арсен Марченко, Вячеслав Шеленко — ребята из двух пионерских дружин. А всего в Приморско-Ахтарском районе в операции «ЖИВОЕ СЕРЕБРО» участвуют 32 дружины, больше двух сотен мальчиков и девочек.

«Желаю успеха всем отрядам голубых патрулей, всем участникам операции «ЖИВОЕ СЕРЕБРО». Надеюсь, что и в этом году она даст прекрасные результаты».

Министр рыбного хозяйства СССР
А. А. ИШКОВ

Юрий СМИРНОВ

НОВЫЕ СТИХИ

Конец зимы

Вчера была держава:
Заставы и посады,
Налево и направо
Препоны и преграды.

А нынче песни птичьи,
Корнеты-а-пистоны!
Где белое величье,
Былые бастионы?

Снег съежился и грязен,
Местами даже черен.
Он жалок, безобразен
И дворникам покорен.

Не вымерзли пичуги,
Поют себе во славу,
Хоть нету их заслуги
В падении державы.

А чья заслуга в этом?
Быть может, Реомюра,
Который с Фаренгейтом
Открыл температуру?

Но смена настроенья
В природе регулярна.
Любое потепленье
Встречаю благодарно!

Михаил ФАЙНЕРМАН

Гимн картошке

Что может быть лучше,
скажите,
Чем пар от вареной картошки,
Чем вид ее — желтой и дымной,
Когда в предвкушении соли
Вы ломтями режете хлеб?

Что может быть лучше, скажите,
Чем просто картошка в мундире,
Когда под коричневой шкуркой
Горячее тело дымится
И просится жадно наружу?

Вас смею уверить: напрасно
Вы будете думать — не стоит.
А лучше отбросьте стесненье,
Садитесь — нам всем ее хватит,
Вареной картошки в кастрюле.

Юрий ЛУЦКЕВИЧ

Апрель

Вдруг все, что вечностью блистало:
Снега и синий льда гранит —
Все в черных оспинах проталин
Вниз по ручьям
К реке бежит.

И стало ветру тесно, тесно,
Идет вразкачку, как матрос.
А за плечами птичьи песни,
Как будто ленточки — врасхлест.

Вячеслав КУПРИЯНОВ

На чем держится небо

Мальчишки голубей гоняли.
Была задача непроста:
Хотелось, чтоб сдавались дали
И приручалась высота.

Так оживала синь пустая,
И в небе не было тесней.
Казалось, если сядет стая,
То рухнет небо вместе с ней.

Пробуждение

Этот день
мгновенно пробуждает.
Слышен рокот,
как на берегу.
А вчера земля была в снегу!
А теперь уже сосулька первая
утекает с теплыми ручьями.
В небе — солнце,
пень от дерева,
рухнувшего на землю ветвями...

Вечер

Котенок был чернее сажи.
И вот за эту черноту,
не накормивши на ночь даже,
его прогнали в темноту.

И в небо темное глядел он,
забавно юн и бестолков,
а там луна котенком белым
лакала сливки облаков.

Весна

Ратью зеленой весна наступает.
Снег похрабрился — и был таков.
Рыжее солнце по небу пускает
Кораблики облаков.

Снова мечтая о лиственной ноше,
Клен расправляет затекшие лапы.
В глине размякшей теряют галоши
Радостные растяпы.

* * *

День.
Удлиняется тень.
Все длиннее и резче.
Вечер.
Хлещет ветер
по спинам
растений
синим.
И уже отличить
тень от тени
невмочь.
Ночь.

Говорящее дерево

У дерева
столько зеленых ушей
и ни одного рта.
Долго зреет в его душе
лиственная мечта.
И когда-нибудь
будет иначе:
немота не останется карой,
заструится улыбкой,
зальется в плаче —
станет дерево
скрипкой, гитарой...

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

Корабельный наряд

От чего зависит скорость корабля? От мощности двигателя? От размеров винта или формы корпуса? Не только. В борьбе за скорость немалую роль играют и краски, которыми окрашено днище судна.

Всем, наверное, известно, что дно корабля во время плавания обрастает ракушками, водорослями. И от этого падает скорость движения корабля. Специалисты подсчитали, что если корабль идет из Европы на Дальний Восток и его днище в пути ни разу не очищают от наростов, то время плавания удлиняется на целые десять дней. Вот тут-то на помощь морякам и пришли химики. В Польской Народной Республике были созданы специальные краски, которыми покрывают подводную часть корабля. В состав этих красок входят ядовитые вещества. Они выделяются из краски небольшими порциями и растворяются в тонком слое воды вокруг корабля. Попав в этот слой, живые организмы гибнут, так и не успев прилепиться к обшивке корабля.

Польскими химиками созданы корабельные краски и с другими полезными свойствами. Например, краски для палубы, хорошо отражающие солнечные лучи. Это для того, чтобы палубы танкеров, которые перевозят по морю легковоспламеняющиеся нефть, бензин, сжиженный газ, сильно не нагревались. А у красок, которыми покрывают стенки кают, другое важное назначение: они призваны тушить пожар. Если в каюте неожиданно вспыхнет пламя, то под действием высокой температуры такие краски немедленно начинают выделять газообразные вещества, которые обволакивают горящую стенку каюты и изолируют ее от окружающего воздуха. А без доступа кислорода воздуха пламя, как известно, гаснет.

Виноград растет на стекле

Да, на обычном битом стекле, которое предварительно обкатали в специальном барабане, чтобы затупились острые края осколков. Стекло насыпали в огромную бочку, посадили в нее куст винограда и стали поливать питательными растворами. И куст вырос на славу: крепкие корни, толстые лозы, огромные кисти плодов. Почему было выбрано именно стекло? Потому, что оно химически инертно, а это очень важно в опытах по гидропонике — когда растения выращивают без почвы, на одних только питательных растворах. Из такого стеклянного грунта в питательную смесь не попадут никакие посторонние вещества. А значит, ничто не исказит результаты опыта. Уже десять лет длится этот эксперимент советских виноградарей. Необычная почва позволяет им точно проверить, как влияют на развитие растения различные удобрения.

Ни мороз им не страшен, ни жара

Про молекулы этого полимера говорят, что у них алмазное сердце и шкура носорога. Пожалуй, удачнее не скажешь про материал, изделия из которого могут работать при очень низких температурах (минус 269 градусов, совсем недалеко до абсолютного нуля) и при страшной жаре — до плюс 260 градусов. Месяцами они могут находиться даже в концентрированной азотной кислоте и при этом почти не теряют прочности. Трубопроводы из фторлона-4 (так называется этот материал) очень бы пригодились химикам: ведь им то и дело приходится перекачивать кислоты, щелочи, различные едкие вещества. Но вся беда в том, что сделать из этого полимера трубы большого диаметра долгое время не удавалось. Даже при высоких температурах фторлон-4 не размягчается, не переходит в текучее состояние и ему трудно придать нужную форму. И только совсем недавно советские ученые справились с этой задачей.

Они научились прессовать трубы из фторлона диаметром до полутора метров.

О пользе стекла

Чешское стекло стало знаменитым очень давно — в XVI веке. Тогда законодателями моды в стеклоделии были венецианские мастера. Их искусство достигло высокого совершенства, и трудно было представить, что кто-то может поспорить с ними. И все-таки это случилось. Их соперниками стали чешские мастера, которым удалось создать абсолютно прозрачное стекло, напоминающее блеском горный хрусталь. Своим замечательным блеском стекло было обязано добавкам извести. С тех пор это тугоплавкое, хорошо преломляющее лучи света стекло широко известно во всем мире под названием чешского хрусталя. Чешской школе стеклоделов многим обязан и «настоящий» хрусталь — свинцовое звонкое стекло, изобретенное в Англии в конце XVII века. Именно чешские резчики первыми в мире стали украшать изделия из него кружевными, сверкающими гранями.

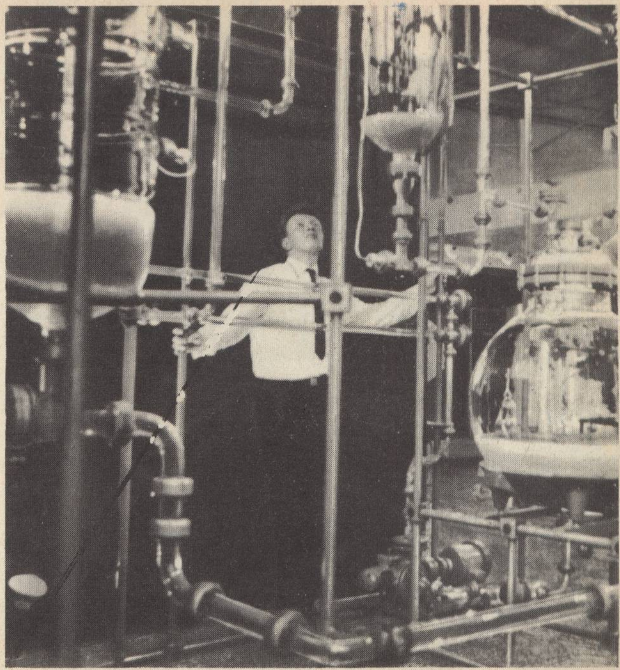
Чешские же мастера первыми в мире стали широко применять стекло в технике.

Там, где приходится иметь дело с горячими кислотами, щелочами и многими другими едкими веществами, стекло побеждает в споре с металлом. Даже несмотря на свою хрупкость. Оно известно своей высокой химической стойкостью, и поэтому трубы и реакторы, сделанные из стекла, служат значительно дольше, чем металлические. А это значит, что можно сэкономить много денег на ремонте, сберечь ценный металл. Больше того, в стеклянных трубах и реакторах легче получить особо чистые вещества, например, ту же кислоту.

Стеклянные трубопроводы можно встретить в Чехословакии повсюду. На мельницах по ним сыплется зерно, на молочных заводах течет молоко, на пробочной фабрике по ним перегоняются вместе с водой пробки для бутылок. А не так давно по трубам стали путешествовать из цеха в цех капроновые чулки и носки на трикотажных фабриках. Всем известно, как их легко порвать, а идеально гладкие стеклянные стены не могут нанести капроновой паутинке ни малейшего повреждения.

Рисунки И. УРМАНЧЕ.

Фото В. ПОСТНИКОВА.

Посмотри на наши фотографии, и ты еще раз убедишься — химия везде! И в лопастях винтов быстроходных кораблей (снимок слева), и в стеклянных трубах химических заводов (снимок справа вверху), и в сотнях пластмассовых деталей современных автомашин (снимок рядом). Химия — это передовая промышленность, передовое сельское хозяйство, передовая наука. Сегодня наш «научный телеграф» рассказывает тебе о некоторых достижениях современной химии.

Пашня под защитой

В одном из уголков советского раздела на выставке «Химия-70» стояли два ящика, наполненные землей. Время от времени землю орошал искусственный дождь. В первом ящике почва сначала пропитывалась влагой, а высыхая, покрывалась твердой корочкой. Зато второму ящику дождь был нипочем. В нем земля упорно сохраняла хорошую комковатую структуру. Все дело было в том, что ее предварительно обработали химическим раствором, который делал прочнее отдельные комочки почвы, и они уже не размывались водой.

У агрохимиков есть средства и для того, чтобы защитить пашню от ветра. Землю опрыскивают веществом, в состав которого входит синтетический каучук, и на поверхности образуется тонкая пористая пленка, которая пропускает влагу, воздух, подкормку, но не дает ветру уносить частички почвы.

Разноцветные игрушки

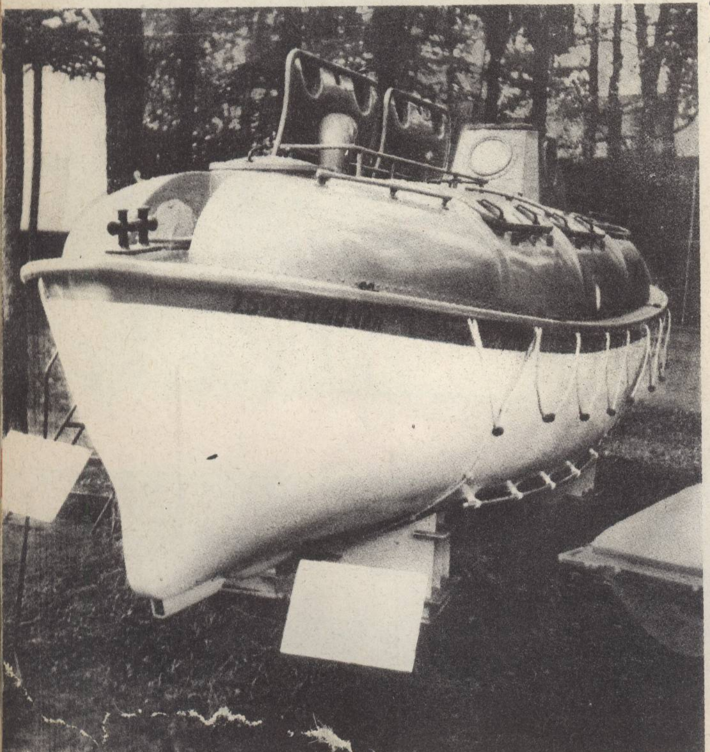
Может быть, ты замечал, что игрушки из пластмассы чаще всего бывают одного цвета. А если игрушка разноцветная, то она либо склеена, либо сварена из деталей разных цветов. Почему же так получается? Разве нельзя сразу сделать разноцветный мяч или хоккейную клюшку? До самого последнего времени это никак не удавалось. Расплавленные пластмассы разных цветов, как только попадают в прессформу литейных машин, сразу же смешиваются, и возникает пограничная полоса размытого, некрасивого цвета.

Но теперь научились делать красивые разноцветные игрушки. Сначала отливают основу из пластмассы одного цвета — например, красный стаканчик с бороздками на стенках. Потом этот стаканчик попадает во вторую форму, где бороздки заполняются пластмассой другого цвета. За время путешествия из одной формы в другую стаканчик успевает остыть, немного затвердеет, и пластмассы уже не смешиваются. Следят за температурой и работой новой машины специальные автоматы. Вот так теперь получаются красивые разноцветные игрушки чистых, ярких красок.

Воздушные замки XX века

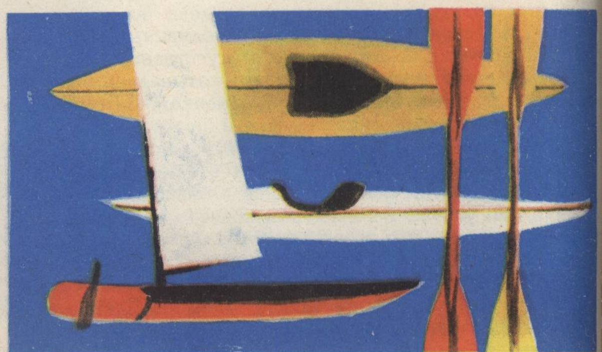
Этот павильон соорудили наши друзья из Германской Демократической Республики. Его высота — 18 метров, то есть с шестиэтажный дом, диаметр — 52 метра. А основной материал, из которого он изготовлен,— это воздух. Да, именно воздух удерживает огромный купол из тонкой синтетической ткани. Принцип возведения таких куполов прост. Легкая оболочка заполняется с помощью вентиляторов воздухом, давление которого чуть выше атмосферного. Именно повышенное давление удерживает купол, не дает оболочке опуститься на землю. Конечно, ткань должна быть непроницаемой для воздуха, чтобы не включать вентиляторы слишком часто. И максимально прочной. Ткань, созданная химиками ГДР, обладает этими свойствами. Она сделана из крепкого синтетического волокна дедерон, сплетенного особым способом и по прочности превосходящего сталь. И в то же время она удивительно легкая и тонкая: всю оболочку этого громадного павильона можно уместить в кузове одного грузовика. Но это не мешает ей, наполненной воздухом, выдерживать сильный напор ветра.

В таких воздушных замках можно разместить детскую спортивную площадку, бассейн, гараж, заводской цех, даже выставку, как это было на «Химии-70» в парке «Сокольники» в Москве.

По морям и по волнам

Лучше, конечно, не терпеть кораблекрушения, но уж если случится такая беда, хорошо, когда на корабле есть такая спасательная шлюпка. Какой бы шторм ни разыгрался на море, она надежно защитит сорок человек не только от опасности, но и от дождя, ветра, солнца — корпус шлюпки накрыт сверху герметичной крышей из стеклопластика. Чтобы сделать шлюпку непотопляемой, ее создатели — советские конструкторы заполнили пространство между двойными стенками корпуса сверхлегким пенопластом. Стеклопластик, из которого сделана шлюпка, хорошо выдерживает и жару и холод. Поэтому на нее можно смело надеяться как в плавании у тропиков, так и в полярных морях.

Этот снимок сделан ровно десять лет назад — в первые часы после возвращения Гагарина на Землю.

Вот таким — улыбающимся, спокойным — увидели его встречавшие утром 12 апреля 1961 года.

С тех пор прошло десять лет — первые десять лет космической эры, открытой подвигом Гагарина. С чем в истории науки сравнить это фантастическое десятилетие?! Перед человечеством наконец распахнулось широкое окно во Вселенную и отступили в прошлое тысячи тайн и загадок. «Близкий», околоземной космос уже прочно обживается людьми. Как на работу, отправляются теперь космонавты в многодневные орбитальные полеты... Ученые прошлого не могли и мечтать, чтобы таинственные лунные камни попали прямо на столы земных лабораторий. Но вот по Луне прошли люди, а первый автоматический разведчик — «Луноход-1», безотказно выполняя команды с Земли, послушно избороздил просторы Моря Дождей.

Миллионы километров теперь уже не предел для космической техники. Советские автоматы достигли Венеры, и Земля целых 23 минуты принимала информацию с раскаленной поверхности другой планеты Солнечной системы! Вот что значит высокая точность и надежность автоматов, вот что такое дальняя радиосвязь и телеуправление! А ведь прошло всего десять лет, как мир услышал о Гагарине...

Сегодня о встрече с первым космонавтом рассказывает доктор Виталий Георгиевич ВОЛОВИЧ. Он изучает поведение и здоровье человека в особых, чрезвычайных обстоятельствах. Вот почему доктор Волович был среди участников экспедиции СП-2 и СП-3, прыгал с парашютом на Северный полюс, дрейфовал в океане.

Утром 12 апреля 1961 года...

...Несколько дней идет дождь. Синоптики ходят как в воду опущенные, будто они во всем виноваты. Ложимся спать и встаем с одной мыслью: а вдруг прояснилось?

В ночь на двенадцатое небо наконец-то очистилось, и, несмотря на поздний час, в нашем маленьком домике на аэродроме закипела работа. По предварительным расчетам известно, где приземлится космический ко-

рабль, и, хотя он еще не поднялся с Земли, мы — врачи и группа поиска — уже готовимся к встрече.

У каждого в эти часы свои заботы. У летчиков и штурманов — одни, у меня — другие. Волнуюсь, как-никак еще никому из врачей не доводилось встречать человека, побывавшего в космосе.

В сотый раз перебираю свою медицинскую сумку. Кажется, все на месте: и лекарства, и прибор для переливания крови, и секундомер (чтобы сосчитать пульс), и самый обычный термометр, и даже белый халат.

Полтора часа в космосе... Как перенесет их человек? Как справится с перегрузками и невесомостью? Этого еще никто не знал, хотя инженеры позволили нам, медикам и биологам, на Земле проверить почти все, что ждет человека в космическом полете. И перегрузки, и вибрация, и зной, и мороз — все испытывалось в экспериментах, и только невесомость оставалась «белым пятном» для медицины: всего на несколько десятков секунд удавалось создавать на Земле это состояние. Снова шли опыты. Взлетали высотные ракеты — там состояние невесомости продолжалось дольше. На много часов отправлялись в космос — а значит, в невесомость — подопытные животные. Только после прочного успеха этих экспериментов ученые смогли разрешить полет человека... И все же тогда, в 1961 году, эти первые полтора часа в космосе казались нам огромным сроком. Они были великим испытанием для всех нас, проверялись не только расчеты ученых, проверялись возможности человеческого организма. На что же все-таки способен человеческий организм, если вырвать его из сферы притяжения Земли?

Конечно, сейчас, когда люди проводят в космосе не часы, а недели, волнения и заботы тех дней ушли в прошлое. Но именно тогда закладывались основы сегодняшних успехов...

Наконец с одной сумкой покончено: все на месте, все в порядке. Берусь за другую. Она тоже набита до отказа — здесь и маленькая радиостанция, и сигнальные ракеты, и термос с горячим чаем, и консервы — на случай аварийной посадки. Правда, все это мне так и не понадобилось.

Дело доходит до парашюта. Инструктор помогает мне растянуть купол на укладочном столе. Мы вместе переукладываем парашют. Мягко ложится полотнище, парашютные стропы уходят в специальные ячейки на ранце. Наконец уложен и парашют. Кажется, все готово к предстоящей работе.

Уже утро. Сквозь открытые окна нашего домика слышен гул самолетных двигателей. Это механики прогревают моторы. Готовят самолеты, на которых мы вместе с группой поиска вылетим в район приземления.

Я представляю себе в эти минуты, что происходит там, на далеком Байконуре. Мне кажется, я вижу огромную ракету, уходящие к горизонту плиты космодрома и маленькие фигурки людей. Среди них — человек, имя которого через несколько часов узнает вся планета... И мне вспомнилась последняя встреча с Юрием Алексеевичем.

В центре ярко освещенного зала — бассейн. В нем, как в Ледовитом океане, покачиваются льдинки. Гагарин стоит на краю бассейна в своем ярко-оранжевом космическом скафандре и белом шлеме с алыми буквами «СССР».

— Ну что, начнем? — спросил ведущий инженер. Юрий Алексеевич улыбнулся и поднял руку к шлему. Щелкнув, опустилось прозрачное забрало. Секунда — и Гагарин прыгнул в ледяную воду. Медленно взмахивая руками, он поплыл на спине, расталкивая льдинки. «Купание» повторялось много раз. Наконец испытания окончены.

— Как дела? — спросил ведущий.— Не замерз?

Гагарин рассмеялся.

— Разве в нем замерзнешь! В нем плавать — одно удовольствие. Надежная штука. Никакое приводнение не страшно.

...Чей-то громкий голос прерывает мои мысли: «Доктор, к самолету!»

Быстро убегает взлетная полоса, самолет делает круг над аэродромом. И вот под нами начинающие зеленеть приволжские поля.

Я стою в дверях пилотской кабины и жду, с нетерпением жду одного-единственного слова. Как там Гагарин? Наконец я слышу: «Пошел! Пошел!» — кричит радист. Гагарин в воздухе!

Еще немного времени, и мы получаем долгожданный приказ лететь к точке приземления.

Это было в 10 часов 25 минут утра 12 апреля 1961 года. Гагарин заканчивал свой легендарный виток вокруг Земли...

В назначенное время штурман выводит самолет прямо на «цель». Внизу на темном фоне пахоты — фигура в светлом. Это Гагарин в своем небесном костюме, а около него кажущийся сверху шариком знаменитый «Восток» с ярко-оранжевым шлейфом парашюта.

«Парашютистам приготовиться!» — командует штурман.

Мы уже давно готовы, стоим с надетыми парашютами у открытой дверцы и ждем разрешения на прыжок. Но радист, что-то отстукав ключом, складывает руки крест-накрест: скорая помощь не требуется! Можно снять парашюты. Приземление космонавта произошло совершенно точно, и недалеко от него уже сел вертолет из группы поиска. По радио получаем сообщение, что космонавт чувствует себя хорошо и в медицинской помощи не нуждается.

Вертолет с космонавтом на борту направляется к ближайшему аэродрому. Мы сопровождаем его.

...В комнате начальника аэропорта негде повернуться. Гагарин сидит у стола, улыбающийся, в полном здравии. Жужжат кинокамеры. Все шумят, волнуются, перебивают друг друга. И если есть в комнате хоть один спокойный человек, так это, наверное, сам космонавт...

Зазвенел телефон. Начальник аэропорта поднял трубку...

— Юрий Алексеевич, вас просит к телефону Леонид Ильич Брежнев!

Гагарин поднялся и доложил о своем прибытии из космоса:

— ...Приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею.

Откинувшись на спинку кресла, Гагарин отдыхал. Улучив момент, я щелкнул фотоаппаратом...

(Снимок В. Г. Воловича публикуется впервые.)

Но вот снова пора в путь. На этот раз я лечу в одном самолете с Гагариным. Держим курс на Куйбышев.

Машину слегка потряхивало на невидимых кочках. Все вокруг было привычным: освещенный солнцем салон с рядами кресел, обтянутых серым репсом, и занавески из белого парашютного шелка на иллюминаторах... Вся эта до мелочей знакомая обстановка никак не вязалась с тем, что здесь же, в соседнем кресле, сидит человек, только что совершивший фантастический полет. Человек, за 108 минут облетевший Землю!

Все, кто находился в салоне, собрались возле Гагарина.

Открытая улыбка, блеск синих глаз, и какая-то особенная простота и обаяние — он сразу же располагал к себе людей.

В салоне было тепло, и Гагарин, сняв голубой комбинезон, остался в рубашке. Там и тут из нее торчали белые хвостики проводов. Они шли от датчиков, прикрепленных к телу космонавта. Эти крохотные чуткие устройства посылали свои сигналы из космоса, и ученые могли непрерывно следить за пульсом, дыханием, температурой и кровяным давлением человека, летящего над Землей.

Я устроился в кресле рядом с Гагариным, раскрыл сумку и извлек из нее все необходимое для медицинского осмотра. Затем я снял колпачок с авторучки и выжидающе посмотрел на Гагарина.

— Ну, что ж, работа есть работа. Будем обследоваться, — сказал он, подставляя руку.

Я наложил манжетку, накачал в нее воздух и, прижав мембрану фонендоскопа, весь превратился в слух. Стрелка тонометра медленно поползла по циферблату.

— Ну, как давление?

— Отлично, 125 на 70. Как у младенца.

— То-то,— сказал Гагарин и весело подмигнул.

Осмотр продолжался. Подержав градусник под мышкой, Гагарин сначала сам внимательно посмотрел — 36,6! — и только после этого вернул его мне.

Теперь надо подсчитать пульс и дыхание. Я шепотом считаю, искоса поглядывая на секундомер: один, два, три, четыре, пять... Все нормально. Пульс — 68 ударов в минуту, грудь вздымается мерно, спокойно.

И после каждого моего «Отлично!» все начинали улыбаться:

— Вот он какой, наш космонавт!

Наконец осмотр окончен. Все зашумели, заговорили хором. У каждого на языке вертелись тысячи вопросов.

— Давайте по очереди,— шутливо скомандовал Гагарин.

— Про невесомость расскажите, Юрий Алексеевич. Вот во сне, бывает, взмахнешь руками и летишь. Похоже?

— Очень похоже. Когда корабль вышел на орбиту, я оторвался от кресла, насколько позволяли ремни, и как будто повис между потолком и полом. Руки, ноги казались чужими, тело как будто потеряло свой вес. Это было необычайное ощущение. А тут еще перед самым лицом парят планшет и карандаш. Даже вода, пролившаяся из шланга, превратилась в маленькие сверкающие шарики и тоже медленно плывет по кабине.

— А Земля? Какая она с такой высоты?

— Пожалуй, такая же, как при полете на

реактивном самолете, конечно, на большой высоте. Все отлично видно — и горы и леса. Когда пролетал над океаном, внизу различал острова. Красивая наша Земля. Вся в нежно-голубом ореоле...

Гагарин задумался, а потом добавил:

— А вот Луну так и не удалось посмотреть. Но это не беда, посмотрю в следующий раз!

Временами наша беседа прерывалась, и Гагарин, откинувшись на спинку кресла, закрывал глаза. И мне казалось, что в эти мгновения он вновь возвращается в кабину «Востока».

...В салоне было тихо. Гагарин открыл глаза:

— Ну, что это все замолчали?

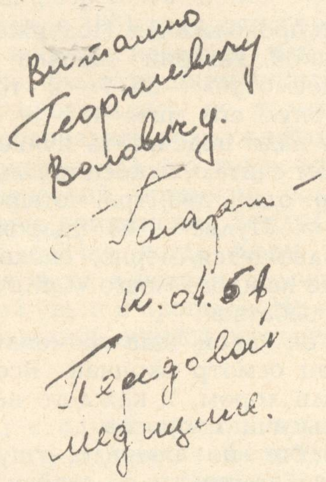
И снова посыпались вопросы.

— Юрий Алексеевич, напишите, пожалуйста, что-нибудь. На память. Очень прошу,— смущенно попросил борттехник, протягивая блокнот.

— Что я, кинозвезда? — сказал Гагарин, усмехаясь.— Ну давайте. Распишусь на память.

— И мне и мне,— протянулись со всех сторон тетради, блокноты, записные книжки.

— Тогда и мне положено,— сказал я, подавая тетрадь осмотра. Гагарин на секунду задумался и быстро написал:

...Рейс подходил к концу. Внизу показались первые высокие здания. А вот и аэропорт. Толпы народа. Первый, кто бросился обнимать Гагарина,— светловолосый летчик, капитан. Немногие тогда знали, что это и есть «таинственный» космонавт-2, завтрашний герой космоса Герман Титов.

Прошло всего несколько месяцев, и мне довелось встречать Титова, а затем Николаева, Поповича, Быковского. Не раз спускался я на парашюте к месту приземления, встречая космонавтов на Земле, и все же мне никогда не забыть этой первой встречи.

Анатолий МАРКУША

ГОРОД НА ПЕСКЕ

РАССКАЗ

Рисунок Ю. ВАЩЕНКО.

Теперь это представляется мне прежде всего странным: и белые раскаленные солнцем улочки-ущелья и кособокие вывески золотом по шершавому ультрамарину — «Кондитерская Жорж» или на рыжем рельефном калаче, вывешенном на косой, напоминающей ржавый флагшток штанге — «Булочная бр. Ставраки»; а основа городского общественного транспорта — пропыленные, скрипучие линейки с парусиновыми балдахинами, отделанными цветными, выгоревшими фестончиками, запряженные парой низкорослых, косматых и тоже пропыленных лошадок. А фантастическая, по нынешним понятиям, торговля на всех перекрестках: три слипшихся ириски на самодельном картонном лоточке, наволочка подсолнуха — предприятие; глиняный потный кувшин или обитый чайник в руках и зазывной крик: «А ну воды, воды! Холодной свежей воды кому?» — это тоже «дело»... А очереди у водоразборных колонок? А грустные потертые ослики, нагруженные великанскими корзинами с виноградом?..

Странное время — медленное и вместе с тем суматошное, горькое и радостное, голодное и обжорное, ситцевое и блистательное. Юг. Берег Черного моря. Конец нэпа.

Мы жили на самом краю города, у дороги, петлями взбиравшейся на каменистую бурую гору. Справа был виноградник, слева — рыбокоптилка, гордо именовавшаяся «Цех № 1 артели «Дары моря», впереди лежал заброшенный каменистый пляж, позади нашего дома — серая, почти отвесная скала, вся испещренная трещинами, местами непонятно как щетинившаяся зеленым живым кустарником.

Сторона наша в городе считалась не лучшей. Курортники здесь не селились, свободных комнат никто не спрашивал. Каменистый пляж пустовал. Вообще в ту пору спрос на море, солнце, загар и туристские походы был куда меньше, чем теперь.

Я уже сказал, пляж, прилепившийся к самой дороге, был каменистым. Но это вовсе не означает, что всю его небольшую территорию покрывала серая галька. Местами

сквозь невзрачные, хорошо обкатанные морем голыши проглядывали песчаные островки. Песок был тонкий, сыпучий и очень светлый. Мы, местные мальчишки и девчонки, постоянно воевали за эти островки, воевали между собой и особенно с редкими, случайными пришельцами. Надо ли доказывать, что валяться после купания на песчаных островках было в миллион раз приятней и лучше, чем давить наши тощие, ребристые бока на жесткой гальке?

Утром мы пришли к морю. Мы — рыжий Колька, длинный Витя и я. Было еще рано, и галька, только-только просохшая от росы, не успела толком нагреться. Камень приятно холодил подошвы ног. Вода не плескалась о берег, вода лежала совсем-совсем тихая, ярко-зеленая и такая прозрачная, будто была вовсе не водой, а бутылочным стеклом.

— Ха,— сказал рыжий Колька,— этого нам только не хватало! — И мотнул головой в сторону главного песчаного островка.

— Вот жлоб,— сказал длинный Витя,— больше ему места нет.

Я посмотрел в направлении островка и увидел: на самом лучшем нашем месте возится какой-то незнакомый дядька. Дядька был сухой, старый, в черных трикотажных трусиках, с головой, повязанной полотенцем. Что он там делал, мы разглядели не сразу: чего-то копал, перекладывал, заколачивал в песок.

— Обсмеем? — спросил Колька.

У нас был такой испытанный боевой прием: приблизившись на не слишком короткую дистанцию к постороннему, мы начинали выкрикивать самые несуразные и, как нам казалось, обидные слова. Что-нибудь в таком роде: «Эй, башкан, где уши брал? Сколько дал? Продай штаны, тебе не нужны! Берем с доходом, а ты катись пароходом! Штаны возьмем, не дашь — украдем!..» При этом мы все время приплясывали, хохотали неестественно визгливыми голосами и глупо кривлялись. Редко кто мог выдержать такую атаку дольше пяти минут.

— Обсмеем? — снова спросил Колька.

— Да ну! Он же старый,— сказал Витька.

— Может, сначала искупаемся? — предложил я.

— Сдрейфили, пшено! — пренебрежительно сплюнул Колька и ринулся в воду.

Купались мы в те годы подолгу. За временем не следили, купались до полного посинения, до тех пор, пока кожа на спине и плечах не становилась шершавой, как напильник, пока зубы не начинали выстукивать неуправляемую частую-частую дробь.

Первое, что мы обнаружили, выбравшись из воды,— незнакомый дядька ушел. И хотя в его отступлении не было никакой заслуги с нашей стороны, мы все-таки кинулись к островку с воинственным криком победителей-ирокезов.

Из камушков, щепочек, выброшенных морем, обрывков жести он построил такую красотищу!..

Дядька ушел, но на песчаном островке остался неожиданный след — искуснейшим образом возведенная крепость. Из камушков, щепок, выброшенных морем, обрывков жести, неизвестно где разысканных осколков стекла и коротких пластинок шифера он построил такую красотищу, что мы просто онемели от удивления. А когда шок прошел, Витька сказал:

— Вот это да! Надо же чего, гад, настроил!

— Разбомбим? — не очень уверенно предложил Колька.

— Жалко,— сказал я.

И мы разлеглись на песке и стали разглядывать удивительную крепость. Мы медленно согревались на солнце, почти не разговаривали между собой. А те редкие слова, которые все же произносились, едва ли свидетельствовали о нашем высоком интеллектуальном развитии.

— Сила! — говорил Витька.

— Или,— комментировал Колька.

— Красиво,— говорил я, чтобы не отстать от ребят.

— На генуэзку похоже,— предположительным тоном замечал Витька.

— А ты на ишака похож,— рубил Колька,— тоже ушастый.

Потом мы еще купались. Еще и еще. Потом ушли с пляжа.

А на другой день оказалось: незнакомый дядька пришел снова и пристроил к крепости базарную площадь. Все на этой площади было как всамделишное — и навесы над торговыми рядами, и фонтан, из которого на настоящем базаре поили лошадей, и высокие стрельчатые ворота, и лепившиеся друг к другу лавочки, больше всего на свете напоминавшие скворечники. И даже круглая афишная тумба...

Не могу понять, почему мы побаивались незнакомца, почему ни разу не сделали попытки заговорить с ним, приблизиться, свести знакомство. Пока он бывал на пляже, мы держались в стороне, когда уходил, сразу же бежали к песчаному островку поглядеть, что он там еще понастроил.

Кто-то, кажется, Витька, притащил на берег треснутый автомобильный поршень, крышку от круглой латунной мыльницы и еще какие-то совершенно утильные строительные материалы. Эти дары были сложены у стен крепости. Каково же было наше удивление и восторг, когда на следующий день оказалось: над базарной площадью вознеслась мечеть, сооруженная из поршня и мыльной крышки...

Теперь у нас появилась новая забота: как одержимые, рылись мы на свалках и в мусорных кучах и тащили, тащили на пляж все, что, по нашему пониманию, могло пойти в дело,— тут были кусочки кафельной плитки, блестящие полоски жести, сосок от рукомойника, осколок зеркала, консервные банки, ржавый керосиновый бидон без дна...

И город на песке рос, как говорится, не по дням, а по часам. От крепости мимо базарной площади протянулась вымощенная серым камнем дорога. Дорога упиралась в территорию могучего индустриального объекта (главный корпус был возведен из керосинового бидона). Справа от дороги за поселком одноэтажных домиков с плоскими крышами расположилась нефтебаза (опрокинутые консервные банки очень точно имитировали емкости для горючего). Дальше поднимался элеватор, его наклонные эстакады жарко сверкали жестяными полосками, спертыми нами в рыбокоптильном цехе № 1...

Забавно, мы долго не могли понять, для чего предназначалось совершенно круглое сооружение со ступенчатыми, наклонными стенками и черным кольцом (старая конфорка с плиты) посредине. И только лет через десять я сообразил: это был стадион! Тогда же в настоящем тихом приморском городке не было не то что стадиона, но даже самой элементарной спортплощадки. Впрочем, и в столице, в Москве, «Динамо» существовало только в проекте...

Город на песке приобретал известность. Поглазеть на это сооружение приходили и ребята и взрослые.

Интересно: дух разрушения, столь свойственный нашему свободолюбивому приморскому городу, не касался этого уголка. Видно, дух разрушения отступал перед красотой. Во всяком случае, я не помню, чтобы кто-нибудь из самых отъявленных наших головорезов попытался совершить покушение на крепость, мечеть, стадион или завод...

Взрослым я не раз вспоминал безымянного строителя, поднявшего город на песчаном островке нашего заброшенного пляжа и все пытался вообразить, кем же был этот пожилой человек, день за днем убивавший свой отпуск на возведение игрушечного города. Иногда мне казалось, что старик не знал детства или был человеком, пережившим тяжелое, голодное, грустное детство и решившим на склоне лет наверстать упущенное... Но дети так не строят. Дети видят мир совсем иначе. Коробка из-под ботинок может заменить в игре и пароход, и коляску, и даже танк. И для этого вовсе не обязательно пристраивать к коробке мачту или ставить ее на колеса, или приспосабливать к коробочным бортам гусеницы. Дети легко додумывают подробности. А старик брал деталями: к соску рукомойника он прикреплял ржавую головку от карманного фонарика и втыкал светильник у изгороди, аккуратно сплетенной из тонких щепочек, и каждому было ясно: это вход в единственное городское кино «Олимпия»...

Может быть, он был непризнанным архитектором? И я тут же изобретал судьбу. Мальчонкой он мечтал строить города, наверное, города его должны были быть просторными, необыкновенно человечными, а судьба загнала его в приказчики, или сделала бухгалтером, или на всю жизнь усадила за провизорский стол.

И вот он, состарившийся, опоздавший к своему празднику, тешится теперь на берегу моря, создавая макеты так и не родившихся зданий. Вариант? — спрашивал я себя. И отвечал: вполне.

А может быть, он был просто чудаком? И все у него в жизни было хорошо, нормально, обыкновенно: жил, работал, растил детей. А остался один на один с морем и стал фантазировать... Кто-то фантазирует на бумаге, кто-то по полотну, а вот он из автомобильного поршня и крышки от старой мыльницы умеет возвести мечеть. И так ведь может быть.

Обо всем этом я думал, став уже взрослым. И хотя мне было совершенно ясно, что ни один мой вопрос не получит ответа — время ответов было безнадежно упущено,— я все спрашивал и спрашивал себя: кто же ты

добрый старик,— непризнанный гений, обиженный судьбой неудачник, чудак, поэт?

Но все это было потом, спустя много лет.

А тогда мы жили у моря на каменистом пляже с песчаными островками, в сказке, росшей у нас на глазах, превратившей маленькую крепость в целый город.

Мы не сразу поняли, что старик уехал. Город стоял на месте. Но подброшенный к крепостной стене строительный материал не расходовался. Мы ждали. Но прошел день, другой, прошла неделя. И тогда мы попробовали пристроить новую улочку сами. Почему-то поставленные в длинный ряд спичечные коробки так и остались спичечными коробками, а не превратились у нас в домики нового поселка...

— Фигня! — сказал рыжий Колька.

— А если покрасить? — спросил Витька.

— Но он же ничего не красил,— сказал я.

Город на песке остался таким, каким был. Мы не сумели его продолжить и уж, конечно, не решились реконструировать.

Проснулся я среди ночи. Дом подрагивал. В буфете тихонько тренькало стекло. Где-то далеко за стенами гулко и тяжело ухало. Я не сразу сообразил, что происходит. Потом до меня дошло: штормит. Для мальчишки, выросшего на берегу моря, шторм не диво. И я тут же уснул снова.

Когда проснулся во второй раз, было тихо.

И я никак не мог понять: приснился мне шторм во сне или успел, отшумев на самом деле, успокоиться?

Оказалось, шторм мне не приснился. Шторм был. Заново спланированный волнами пляж, исчезнувшие островки светлого песка (вместо островков по всей кромке прибоя тянулась сплошная песчаная полоса) свидетельствовали: шторм кончился.

От города не осталось и следа.

Помню, я стоял на том самом месте, где еще накануне был базар, где высилась крепость, где чернел завод и четко прорисовывалась странная круглая постройка, и плакал. Никто не видел меня, мне не нужно было притворяться, сдерживаться. Я ревел, что называется, в три ручья, со сладостным упоением, с каким-то горьким восторгом.

Мне было жаль город? Возможно. Я оплакивал напрасно пропавший труд старика? Едва ли. Думать я был не способен. Помню: мне было обидно и страшно. Да, страшно.

С тех пор прошла целая жизнь.

Мне привелось увидеть много разрушенных городов: Сталинград, Харьков, Белгород, Лодейное Поле, Белосток, Штаргардт, Берлин. Но в тех городах, где угасли настоящие жизни, где вместо домов к небу тянулись только обгоревшие, черные трубы и удушливо пахло пожарами, я не плакал. Почему? Наверное, потому, что знал, города не уходят бесследно. Города, как и сама жизнь, возвращаются, изменив лицо.

ПИТЕР ТЕПЕРЬ УЧИТСЯ

Евгений КУБИЧЕВ

Журналистская судьба привела меня в Уганду. Эта африканская страна лежит на самом экваторе, одни ее города и села находятся в южном полушарии, другие — в северном. Страна небольшая по сравнению с нашей, там живет около десяти миллионов человек и, конечно, очень интересная.

Мы ехали в машине из столицы Уганды Кампалы к озеру Виктория. И вдруг впереди увидели скопление автомобилей. Мы тоже остановились.

Плавился от жары асфальт. Широкие листья бананов, припорошенные тонкой красной пылью, поникли. Многочисленные туристы — американцы, англичане, датчане — поминутно вытирали платками лица и фотографировали, фотографировали... Потому что перед нами (да что там — под нами!) лежал экватор. Он был обозначен яркой желтой краской, полосой в ладонь шириной, перерезающей ленту асфальта. Дети туристов, приехавшие с родителями, восторженно галдели вокруг нас, и глаза у них были круглыми от удивления.

В стороне, однако, стояли ребята, которые никакого восторга по поводу экватора не испытывали. Они были одеты бедно, и кожа у них была темно-шоколадного цвета. Экватор им был не в диковинку — они здесь жили. Ребята были заняты делом — продавали туристам бананы, ананасы и другие тропические плоды.

Я подошел к одному из мальчишек с корзиной фруктов на голове. «Как тебя зовут?» — спросил я. «Питер». «А лет тебе сколько?» «Девять! А это моя сестренка Джеруша, ей пять лет». Джеруша смущенно спряталась за спину Питера и выглядывала из-под локтя брата одним большим влажным глазом в мохнатых черных ресницах. «Вы откуда к нам приехали? — перешел в наступление Питер.— Из Советского Союза? Это где есть твердая белая вода и была революция? Знаю, нам учитель рассказывал...»

Я с необыкновенной ясностью вдруг ощутил, какие перемены произошли здесь, в бывшей английской колонии, когда Уганда была провозглашена независимой республикой и сотни тысяч маленьких Питеров стали — впервые в истории своего народа — гражданами свободной страны. И они никогда — понимаете, никогда! — не увидят те порядки, при которых угандийцы, маленькие и взрослые, считались людьми «второго сорта».

Раньше их уделом было невежество. Теперь в Уганде сотни школ. На пологих холмах среди буйной зелени стоят просторные светлые одноэтажные здания, насквозь продуваемые прохладным и таким приятным в тропическую жару ветерком.

В переменку на лужайках перед школами ребята окружают своих учителей, слушают их рассказы или хором поют. Они еще не избалованы доступностью этого великого чуда — школы. Учение для них — ежедневный праздник, праздник приобщения к миру удивительных вещей и явлений. Даже самые маленькие чувствуют себя гражданами своей страны и знают, как непросто было их отцам, многие из которых никогда не учились сами, сделать так, чтобы свет знания пришел в их семью.

Такая в общем-то мимолетная была встреча с Питером, а мыслей она родила много и много надежд. Когда мы прощались с ним, я протянул ему руку. Он без колебаний протянул мне свою — красивым, свободным движением.

В ГДР скоро праздник—25-летие Социалистической единой партии Германии. В канун праздничных дней немецкие друзья из издательства «Junge Welt» прислали нам эти рассказы.

Карманный фонарик

Гюнтер ФОЙСТЕЛЬ

Социализм — это миллионы людей, которые его ежедневно строят. К ним принадлежит и крановщик Вальтер Меркель. Он участвовал в строительстве крупной электростанции Люббенау, он строил в Лейпциге и в Берлине. Здесь вы прочтете рассказ о том, как Вальтер Меркель познакомился с партией рабочего класса, с коммунистами.

Это было в Берлине летним днем 1936 года. В рабочем поселке на Шмоллерплац буйно цвели георгины. Шум большого города смешивался здесь с кудахтаньем кур и хлюпаньем насосов, качающих воду для полива огородов.

В одном из крохотных двориков мужчина тщательно мыл под струей воды морковку. Неподалеку стояли кроличьи клетки. Мужчина подошел к одной из них, открыл дверцу и вытащил за уши белого кролика. Ласково погладил пушистого зверька, улыбнулся и перешагнул через низкий заборчик в соседний сад. Там перед домом сидел на корточках мальчик и лущил бобы.

— С днем рождения, Вальтер,— сказал мужчина и посадил кролика на скамейку перед мальчиком.

— Мама, смотри, какой чудесный подарок! — радостно закричал мальчик. — Кролик!

Из окна выглянула женщина в голубом переднике.

— Смотри-ка, самый настоящий заяц. Будет теперь жить в твоей клетке.

Вальтер Меркель бережно посадил кролика в корзинку и понес ее в глубину сада. Там, за кустами смородины, была клетка, сколоченная из старых ящиков. Сосед принес морковку и просунул ее в клетку.

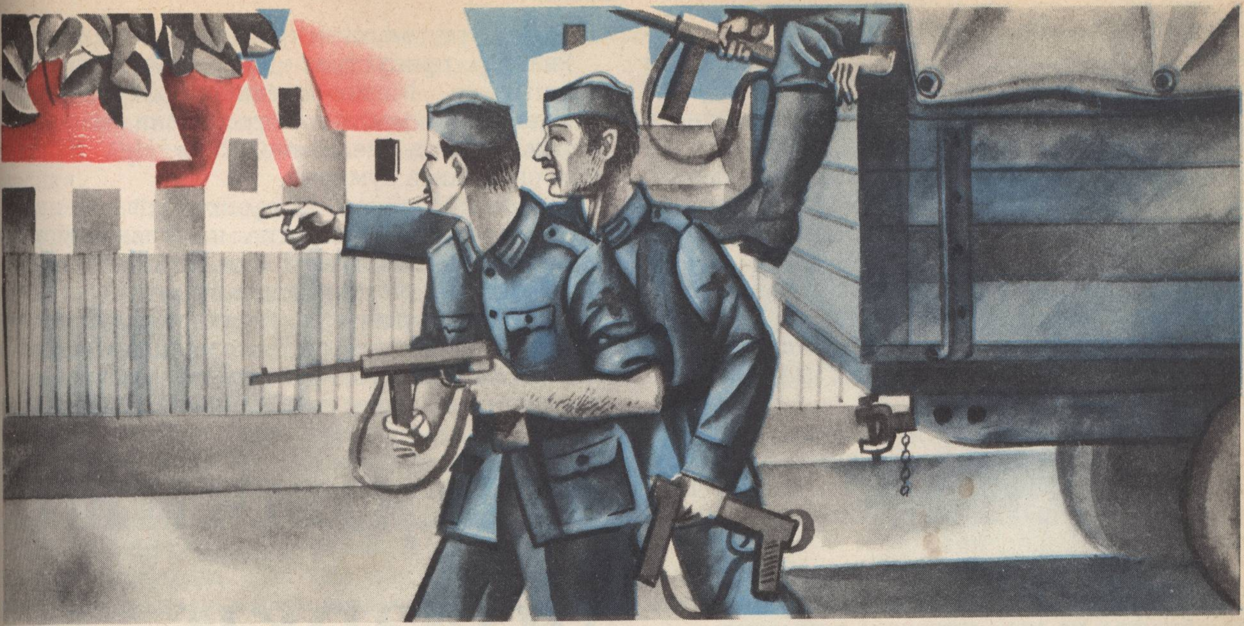
Мальчик был счастлив, он не сводил глаз с жующего кролика.

Женщина вышла из дома и, вытирая руки о передник, спросила:

— Ты зайдешь к нам на чашку кофе, Курт? Я испекла к празднику торт.

— Не могу,— сказал он.— Дела. Фонарик вот надо отнести.

На улице раздался пронзительный визг тормозов. Из подъехавших грузовиков выпрыгивали штурмовики и направлялись к домикам.

Рисунки М. БИШОФСА.

Солнечный день словно померк. Тревожно кудахтали куры, со скрипом закрывались ставни. По грядкам топали сапоги штурмовиков. Из домов слышались испуганные возгласы.

Мальчик стоял на дорожке, обсаженной кустами сирени. По ней уже шагали штурмовики. Не обратив внимания на мальчика, они устремились на участок соседа Курта Блашке. Секунду помедлив, Вальтер пошел за ними.

Сосед возился у клеток с кроликами. Штурмовик грубо оттолкнул его. Разломал клетки и обшарил их. Другие в это время сорвали с петель дверь домика, выкинули в сад одеяло и подушки и перерыли все в шкафу с посудой. Один из фашистов забрался даже в курятник и разворошил вилами подстилку.

— И здесь ничего!— крикнул он.

— Проклятая красная свинья! — закричал другой. — Мы все равно найдем листовки, даже если нам придется вырвать их из твоей глотки.

Курт Блашке стоял, прислонившись к яблоне. Лицо его было бледно. Вальтер подошел к нему.

— Отнеси его к Вильденбрухскому мосту,— шепнул он мальчику.

Вальтер, ничего не понимая, с недоумением взглянул на него.

Штурмовики схватили Блашке, повели его по сиреневой дорожке и втолкнули в грузовик.

Мальчик стоял растерянный, оглушенный. Потом бросился к своей клетке. Дверца ее была распахнута. Растоптанная морковка валялась на земле. Кролик исчез.

Вальтер поискал зверька под кустами, заглянул за дом, вернулся на участок соседа, но кролика нигде не было.

Слезы хлынули из глаз мальчика. Он медленно побрел к дому соседа. Наклонился, чтобы поднять с земли подушку, брошенную штурмовиками, и увидел под скамейкой карманный фонарик. Тот самый, который держал в руках Курт Блашке. В его памяти всплыли слова соседа: «Отнеси его к Вильденбрухскому мосту!»

Мальчик поднял фонарик и пошел к воротам. Но у ворот он увидел грузовик, а рядом с ним штурмовика. Штурмовик преградил мальчику путь.

— Никто не выйдет из этого крысиного гнезда, пока мы не ликвидируем весь красный сброд! — крикнул он.

Вальтер медленно побрел обратно. Из калитки Брухмюллера показался еще один штурмовик. Он нес что-то тяжелое, завернутое в одеяло. На мгновение мальчик остановился, но тут же решительно направился к штурмовику.

— Помочь вам? — спросил мальчик.

Штурмовик утвердительно кивнул. Когда они подошли к грузовику, дежурный штурмовик взял из рук мальчика сверток.

Вальтер прислонился к забору. Со всех сторон приводили арестованных, заталкивали их в машины. На мальчика никто не обращал внимания.

Крепко зажав в руке фонарик, Вальтер вышел на Эльзенштрассе и пошел по улице, сначала медленно, затем все быстрее и быстрее. Дойдя до угла, он перевел дыхание и оглянулся. Его никто не преследовал. Вальтер вошел в ближайшее парадное и присел на нижнюю ступеньку лестницы.

Немного успокоившись, он осторожно открыл фонарик. К батарейке был прижат маленький листок папиросной бумаги, исписанный мелким почерком. Вальтер попытался прочитать, что там было написано, но

свет, проникавший через старомодные цветные стекла входной двери, был слишком слаб.

Он бережно вложил листок обратно в фонарик и, подойдя к двери, выглянул на улицу. Там не было ничего подозрительного, девочка прыгала через веревочку, какой-то мальчик шел по мостовой, толкая перед собой тележку.

Вальтер вышел из парадного и неторопливо зашагал по набережной Шпрее, направляясь к Вильденбрухскому мосту. Никто не обращал внимания на мальчика с фонариком в руке.

На мосту Вальтер в нерешительности остановился. Пронзительно кричали чайки. Женщины и дети кормили голубей и чаек хлебными крошками. Медленно расхаживал по мосту полицейский.

«Они все глядят на меня»,— подумал мальчик. Он исподтишка осмотрелся. Нет, никто не обращал на него никакого внимания.

Мальчик стоял с фонариком в руке и ждал.

«Наверно, никто не придет»,— подумал Вальтер.

И тут к нему подошла одна из женщин, кормивших чаек.

— У тебя красивый фонарик,— сказала она.

Уши Вальтера зарделись, сердце часто заколотилось.

— Пойдем,— шепнула женщина.

Вальтер последовал за ней в парк. Дорожки парка были пустынны. Отойдя подальше от полицейского, маячившего на мосту, женщина остановилась.

— Дай мне фонарик,— сказала она.

Вальтер недоверчиво отстранился.

— Это фонарик нашего соседа...

— Курта Блашке?

Вальтер больше не сомневался и протянул женщине фонарик. Та открыла его и вытащила листок бумаги.

— Курт Блашке арестован... Сегодня...— чуть слышно произнес Вальтер. Женщина положила руку на плечо Вальтера.

— Ты нам очень помог. В этой записке важное сообщение... Оно необходимо для листовки.

Гордость переполнила сердце мальчугана.

— Могу я вам еще чем-нибудь помочь?

— Сможешь, но только когда вырастешь. До свидания, юный товарищ. Не горюй: скоро ты нам понадобишься.

И женщина торопливо зашагала по дорожке. Вальтер смотрел ей вслед, пока сумерки не поглотили ее.

Потом он побежал обратно к Вильденбрухскому мосту, обрывая на ходу листья с кустов.

Он нажал кнопку фонарика — и яркий луч прорезал сумерки. Вальтер как бы нечаянно направил луч света в лицо полицейского.

— Ну, ты, олух! — крикнул полицейский.

Вальтер припустился через мост на Эльзенштрассе. Мимо спешили женщины с сумками, по мостовой грохотали машины, перекликались велосипедисты. Над Берлином сгущались сумерки.

Вальтер Меркель запомнил слова женщины, которую он встретил на Вильденбрухском мосту: «Скоро ты нам понадобишься». Впоследствии он не раз еще встречался с членами партии рабочего класса. Они помогли «юному товарищу» стать товарищем Меркелем, который сегодня вместе с миллионами трудящихся строит социализм.

Необычные подарки в день рождения

Рассказ **Марии КУН**

Пионерская организация ГДР носит имя Эрнста ТЕЛЬМАНА.

Утро 16 апреля 1945 года выдалось очень холодным. Над концлагерем Равенсбрюк занимался серый день.

Мы сбились на нарах в дырявых бараках, согревая друг друга, но это не помогало. Мерзли мы страшно. Завыла сирена: пять ча-

сов, подъем. Бледные, истощенные лица смотрели с трехэтажных нар. Сегодня они выглядели веселее, чем обычно.

Все мы знали: сегодня, 16 апреля,— день рождения Эрнста Тельмана. Наш тайный праздник.

Среди нас была подруга жизни Эрнста — его жена Роза Тельман.

Строясь на перекличку, каждая из нас старалась незаметно пожать руку Розе. Сейчас мы были вместе с Эрнстом, с нашей партией. Кто-то в последних рядах чуть слышно, не разжимая губ, запел песню немецких интербригадовцев в Испании. Ее подхватили все.

Потом я отнесла Розе наши подарки. Конечно, тайком. Если бы увидела надзирательница, не миновать бы мне двадцати пяти ударов палкой, а то и более тяжелого наказания.

Роза Тельман сидела на нарах. Я незаметно отдала ей подарки. «Вы все так добры ко мне»,— прошептала растроганно она.

Подарки мы смастерили сами. Из красной зубной щетки мы выпилили паровоз, а из зеленой — листок клевера. Одна из нас из пуговицы сделала колечко с прикрепленным к нему крошечным красным треугольничком. Такой знак носили на своей одежде политические заключенные.

Среди подарков был даже красный шелковый платок. Роза повязала его, но тут же сняла, чтобы не увидела надзирательница.

—Скоро закончится война,— сказала я,— и этот паровоз отвезет тебя к Эрнсту. Все люди на земле будут тоже счастливы. Этот зеленый листочек мы дарим тебе на счастье. Пусть он вселяет в тебя надежду. Колечко станет памятью о тяжелых лагерных годах. Платок цвета знамени нашей партии. Она приведет нас к новой жизни.

Роза Тельман заплакала.

—Это Эрнст должен был бы получить все ваши подарки, я ничем не заслужила такой любви и заботы.

Я возразила:

—Мы любим Эрнста Тельмана, председателя нашей партии — самой героической и справедливой части немецкого народа. Но ведь и ты, Роза, член этой партии. Наши подарки — знак признательности Эрнсту и партии.

Не только мы, немецкие женщины, но и узницы других национальностей пробирались в этот день к Розе, чтобы передать ей свои подарки и сказать доброе слово. Лучше всех сказала одна советская женщина:

— Недолго все это продлится. Вот придет Советская Армия и освободит всех нас!

Ее слова вскоре сбылись. Только нашего любимого вождя Эрнста Тельмана уже не было в живых: его убили фашисты.

В музее концлагеря Равенсбрюк и сегодня можно увидеть те скромные подарки, которые узницы подарили тогда Розе Тельман.

Перевела с немецкого
И. ЧУКОВСКАЯ.

Пионерские известия

ПИОНЕРЫ ГДР ГОТОВЯТСЯ К СЛАВНОМУ ЮБИЛЕЮ СЕПГ

● Семиклассники 6-й средней школы города Эрфурта взяли шефство над участком в один гектар в семеноводческом народном имении. Все работы они сделали сами. Отработали на своем участке 280 часов. А руководство народного имения в награду организовало для всего класса экскурсию по стране.

● Девятиклассники — члены Союза свободной немецкой молодежи в поселке Киниц проработали в школе 400 часов и отремонтировали 12 классов.

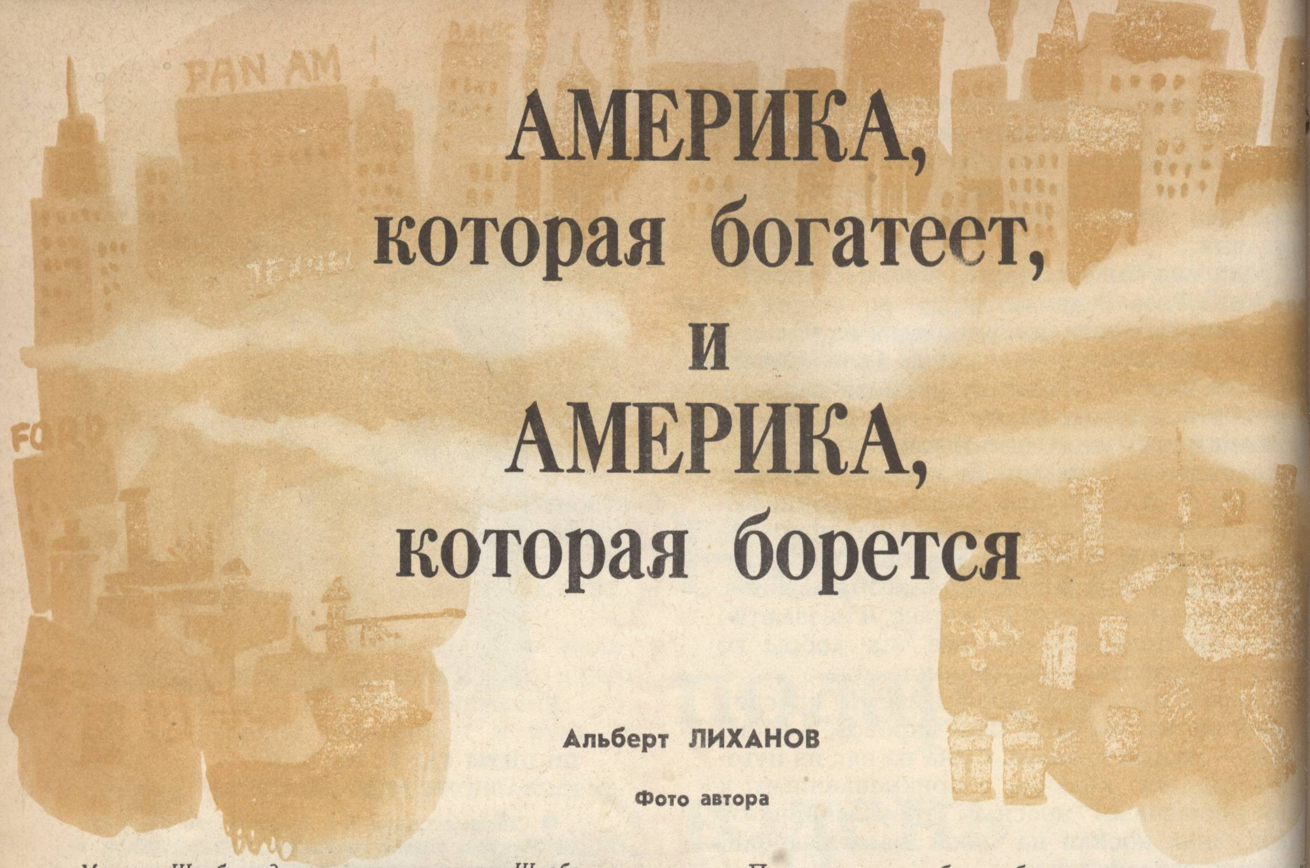
● Сельскохозяйственный кооператив подарил пионерам города Рейхенберга 500 цыплят. Ребята старательно ухаживают за ними. Когда цыплята вырастут, их сдадут кооперативу. Вырученные деньги пойдут на организацию отдыха ребят во время каникул.

● Пионерская дружина в поселке Визероде проводит конкурс на лучший фотоочерк о том, каких успехов добилась деревня под руководством СЕПГ. Шестой отряд сделает альбом, который расскажет об истории школы за 25 лет.

● Хорошей традицией стали поезда дружбы. Встречаясь, юные тельмановцы и советские пионеры больше узнают друг о друге, рассказывают о своих делах и затевают дела общие.

На снимке встреча друзей: прибыл поезд дружбы из СССР.

АМЕРИКА, которая богатеет, и АМЕРИКА, которая борется

Альберт **ЛИХАНОВ**

Фото автора

Мистер Швэб под портретом мистера Швэба.

Представьте себе, ребята, очередь, в которой стоит четыре миллиона триста тысяч человек. Не на один десяток километров протянется такая очередь. Эта очередь — за работой. В Соединенных Штатах Америки, где мне недавно пришлось побывать, четыре миллиона триста тысяч взрослых людей не могут найти работу. Многие из них — негры.

В Филадельфии, в одном из самых старых американских городов, я жил несколько дней в негритянской семье. Мой хозяин Клайд Уэст служил клерком на почте, его жена Элси работала в конторе по учету и помощи безработным. Работала и их дочь Робин. Несколько раз в неделю, выучив уроки — Робин учится в восьмом классе, — она идет в маленький ресторанчик и надевает передник официантки.

Американцы — работящий народ. Они умеют прекрасно строить дома, делают замечательные станки и машины, но вот беда — им не дают работать.

Кто? — удивитесь вы.

Капиталисты.

В городе Атланте мне пришлось познакомиться с одним из них.

В уютном кабинете под портретом в золоченой раме сидел сухонький благообразный старичок, очень походивший на другого старичка, того, что нарисован на картине.

— Это вы? — спросили мы мистера Швэба.

— Это мой отец, — ответил старичок, приятно улыбнулся и рассказал нам историю своей фирмы.

Начал он с того, что весело объявил:

— Мы выпускаем все, что имеет отношение ко сну!

Оказалось, фабричка, на которую мы приехали, выпускает матрацы. Она существует уже

Люди, стоящие у барьера,— безработные.

восемьдесят семь лет. Тут работает четыреста человек, и это предприятие приносит ежегодный доход в десять миллионов долларов. Но эта фабричка не одна. У фирмы шесть предприятий с ежегодным доходом в шестнадцать миллионов долларов.

— Впрочем,— объяснил старичок,— мы не очень богаты. Ежегодный доход акционеров — это была акционерная фирма — всего пятьсот тысяч долларов.

Итак, пятьсот тысяч долларов — каждому из акционеров. Все доходы — маленькой кучке людей, управляющих фирмой.

Что такое эти пятьсот тысяч долларов? Это деньги, украденные у рабочих. Те, что они должны были получить за свой труд, но не получили.

Мы ходили по фабричным цехам, любовались матрацами, на которых, как утверждает реклама, должен спать каждый американец, видели, как возникают эти мягкие постельные принадлежности, похожие на айсберги, и нам становилось грустно.

В цехе, где изготовлялась основа будущих великолепных сооружений, стояла густая пыль. Бусинки пота выступали у работницы, которая в другом, уже чистом, цехе сшивала матрацы на огромной машине. Мы видели, как в конце конвейера матрацы обдают духами — для аромата,— и видели, как торопятся женщины-негритянки, чтобы не отстать от конвейера. На этой фабрике механизировано почти все, но я видел, как эта механизация выжимает из рабочих силы. Я видел, как молчаливы и угрюмы люди, словно они привязаны к этим машинам. Никто из них не смог оторваться от работы даже на минутку, чтобы поговорить с нами. Мы видели: не люди командуют машинами, а машины — людьми.

На знаменитой Нью-Йоркской бирже нам показывали рекламный фильм, по которому выходило, что любой американец — рыбак, фермер или просто рабочий — может стать акционером, совладельцем любой фирмы. На фабрике, где шили прекрасные матрацы, мы не видели ни одного рабочего, который на равных правах с хозяевами делил бы прибыли фирмы.

Правда, благообразный старичок с мягкой, добродушной улыбкой, сидевший в уютном кабинете, вовсе не бездельничает. Он следит за рынком. Иногда и ему бывает трудно — это когда матрацы не очень-то покупают. Тогда он принимает решение сократить производство.

Электрические счетчики-машины выдают ему абсолютно точные расчеты, сколько на этом потеряет фирма. С грустным лицом призывает тогда хозяин к себе свою администрацию, своих помощников и велит сократить столько-то рабочих. Ему тяжело: фирма несет убытки...

А рабочие? Куда они денутся?

Это старичка не интересует. Он стоит на страже интересов своей фирмы.

Ну, а все-таки, как же рабочие? Те, кого увольняют каждый день тысячи фирм?

Рабочие становятся безработными. Поистине золотые руки миллионов американских тружеников «простаивают».

Элси Уэст, моя филадельфийская хозяйка, пригласила меня заехать к ней на работу. Она служила в бюро по безработице, и я согласился тотчас же.

Бюро оказалось не очень большим залом, перегороженным барьерами. К барьерам тянулись очереди невеселых людей. За все время, пока я был в этом бюро, где безработных регистрируют и выдают им пособие, я не увидел ни одной улыбки. До улыбок ли тем, кто не знает, что будет завтра, кто мучительно ищет хоть какую-нибудь работу, чтобы накормить семью, ребятишек, чтобы не пошло с молотка небогатое состояние, накопленное нелегким трудом?

Очередь двигалась быстро, клерки, обслуживающие безработных, знали свое дело, но очередь не убывала.

Студенческая антивоенная демонстрация в Филадельфии.

Маленькие негры из военизированного детского клуба.

В бюро я заметил одну подробность: большинство безработных — негры...

Судьба негров в Америке нелегка. Поэтому они объединяются для борьбы за свои гражданские права.

Моя хозяйка Элси — активная деятельница негритянского движения: семь раз участвовала она в походах негров за свои гражданские права, хорошо знала Мартина Лютера Кинга.

Клайд Уэст рассказал мне историю о том, как несколько лет назад в городе Атланте его зверски избили расисты только за то, что он, негр, ехал в белом автомобиле и был одет в белый костюм.

Мои хозяева рассказали мне о знаменитом негритянском певце Поле Робсоне, теперь уже глубоком старике. Он тяжело болеет. В те дни, когда я был в Филадельфии, Робсон только что выписался из больницы и уехал в Нью-Йорк. Расисты по-прежнему ненавидят его, до сих пор не могут простить ему того, что он пел в Советском Союзе, и того, что он наш друг.

В Атланте мы встретились с Мартином Лютером Кингом-старшим — отцом негритянского общественного деятеля Мартина Лютера Кинга-младшего, которого несколько лет назад убили расисты. Отец, вырастивший сына-борца, встал на его место.

Мы стояли с доктором Кингом возле могилы сына, и нам вспоминались другие могилы Америки, где похоронены те, кто «отдал свою жизнь за Америку», как лицемерно вещает американская пропаганда. Но вряд ли солдаты, погибающие во Вьетнаме, отдают жизнь за Америку.

Какие интересы, какой Америки можно «защищать» во Вьетнаме? Такой вопрос все чаще

задают себе американцы, особенно молодые. Они воевать не хотят.

В Филадельфии мне довелось побывать на антивоенном студенческом митинге. Несколько тысяч молодых американцев, собравшись на площади Независимости, требовали прекратить войну во Вьетнаме, протестовали против бесчеловечной, бессмысленной войны, которую ведет правительство.

Во время поездки по Америке я встретил маленьких негров из военизированного детского клуба. Они щеголяли в морской форме, потом построились в шеренги, пересчитались, погрузились в автобус и куда-то уехали.

Этим ребятам было лет по девять — одиннадцать, и я подумал, что ведь скоро, совсем скоро они подрастут. И тогда перед ними откроется два пути.

Первый — тот, что поведет их на войну ради блага империалистов.

Второй — с тысячами молодых американцев, которые не сидят сложа руки, а восстают против бессмысленной смерти, против войны. С теми, кто борется за свои гражданские права — за право иметь работу, еду, дом.

Эти мальчики не очень-то думают пока о будущем. Но придет день, и они задумаются.

Каждый человек хочет счастья и спокойствия, а в нынешней Америке счастья и спокойствия не может быть без борьбы...

Эти ребята пришли к могиле президента Кеннеди. О чем задумались они?..

Студенты собирают деньги, чтобы помочь семьям своих товарищей, убитых полицией.

С. ЮРСКИЙ

О цирке, театре, о стихах и о том, можно ли научиться понимать искусство

Рисунки В. ИСАЕВА.

Сергей Юрский — замечательный артист и человек необыкновенный. Он сам пишет стихи и великолепно читает их. На сцене его может увидеть не каждый, потому что живет он в Ленинграде и работает в Большом драматическом театре, но, наверное, вы запомнили его в фильмах «Время вперед!», «Золотой теленок», «Король-олень», «Республика ШКИД», «Человек ниоткуда». Этот его рассказ поможет тебе по-новому почувствовать труд актера и искусство быть зрителем.

В цирке

В детстве я жил в цирке. В самом цирке, внутри. Прямо за кулисами.

Шла война. Холодной зимой 1943 года мы приехали из эвакуации в Москву. Отца назначили художественным руководителем Московского цирка. Мы приехали из теплого Узбекистана, а здесь был мороз. Мы шли по городу в узбекских халатах, которые привезли с собой, и все равно было холодно. Меня знобило. Ноги у меня распухли. Я заболевал.

Мы добрались до Цветного бульвара, дом 13, где и сейчас находится Московский цирк. Мы вошли в тепло — приятное и едкое, пахнущее лошадьми, по́том, опилками, свежевыглаженным бельем, гримом, жарящейся на электрической плитке яичницей и не знаю еще чем.

Был вечер, и шло представление. Откуда-то снизу доносились музыка и гул зрительного зала. Еще несколько минут назад мы шли по военной Москве — затемненной, суровой. Шинели, ватники. Закутанные люди, старающиеся сжаться под своими одеждами, спрятать от холода руки, щеки, нос. А тут мелькали полуобнаженные тела в блестках, подведенные глаза. Пробежал мужчина во фраке и ослепительно белой рубашке. И все время играла музыка.

Мне это не понравилось. Стало жалко себя, такого замерзшего и закутанного, стало жалко всех тех людей на улице, и в поезде, и на станциях.

А потом я сидел в зале. На манеж вышел тот самый человек во фраке (знаменитый цирковой конферансье Александр Борисович Буше) и сказал на весь цирк: «Жонглер Николай Барзилович». Человек в блестках подбрасывал и ловил четыре шарика, потом пять, потом шесть. Потом мяч прыгал у него на голове, катался по его телу, застывал, как приклеенный, на макушке.

Потом вышел маленький человек, имени которого не знал почти никто, но прозвище знали все от мала до велика,— блистательный клоун Карандаш (Михаил Николаевич Румянцев). Он хитро уставился на женщину, сидевшую в первом ряду, долго гипнотизировал ее взглядом, а когда она окончательно смутилась, указал на нее пальцем и сказал всему залу тонким голосом: «Кукарача пришла». И цирк грохнул. Те самые мои знакомые незнакомцы в шинелях и ватниках, замерзшие люди с затемненных улиц, из набитых до отказа поездов военного времени, хохотали до слез, и хлопали, и были счастливы.

К ночи мне измерили температуру. Было за 39. В голове у меня гудел оркестр, прыгали мячи, топ-

Те самые люди в шинелях и ватниках, люди с затемненных военных улиц хохотали до слез, и хлопали, и были счастливы.

тался тяжелый слон. К отцу пришли его друзья — музыкальные эксцентрики Рошковский и Скалов. Они принесли с собой гитару и мандолину и, сидя у моей кровати, спели наивную и чудну́ю песенку того времени с припевом:

Фонарики-сударики
Горят себе, горят.
Что видели, что слышали,
О том не говорят.

Болел я долго. Потом наступила весна. Мне исполнилось восемь лет. Я поступил в московскую школу. И началась новая жизнь. Жизнь в цирке.

По ночам под полом рычали львы. Заболел леопард, и мы ходили смотреть, как ему делают операцию. Одни артисты уезжали, приезжали другие. Вместе с ними приезжали странных форм ящики с аппаратурой. Приезжали в клетках новые звери, приходили слоны и верблюды пешком с вокзала. Во дворе, где мы с ребятами играли в футбол, гуляли два пеликана, потом они уехали, и вместо них появились два дикобраза. Случались несчастья: разбилась воздушная гимнастка, медведь покалечил дрессировщика. Опасность была рядом с искусством. Риск делал искусство прекрасным. Здесь работали смелые и трудолюбивые люди.

Другие искусства меня не интересовали. Серьезное кино я воспринимал как кусок живой жизни, не сознавая, что это—художественное произведение. Кинокомедию понимал как разновидность цирковой клоунады. Музыку любил только цирковую — веселую и легкую. Другая музыка казалась скучной. Живописи не знал. К театру относился с уважением, но без любви. Любовь была отдана цирку.

Искусство я понимал как умение делать то, чего обычные люди не умеют. И понимал это очень

В театр можно ходить много раз подряд, и одни и те же актеры будут играть разное.

прямолинейно, можно сказать, физически. Искусство — это стоять на руках, летать на трапеции, крутить тройное сальто с подкидной доски, прыгать через восемь лошадей. А если артист при этом (летая, прыгая, поднимая тяжести) может еще рассмешить зрителей,— это высшее искусство. Другого для меня не было.

Надо работать, тренироваться, репетировать, и тогда ты станешь искусным жонглером, или фокусником, или акробатом и будешь делать искусство — то, чего другие не умеют.

Мои сверстники — дети цирковых актеров — жили напряженной жизнью. Родители их готовили, и сами они готовились в артисты. С утра, когда я шел в умывальник, я почти всегда заставал моего друга Леона Папазова стоящим на голове. Я садился на пол, и так мы разговаривали. (Теперь он известный цирковой артист и делает великолепный трюк: стоит на голове на свободно раскачивающейся трапеции под куполом цирка.) Потом мы шли в школу. А после школы он должен был жать стойку на руках, учиться играть на концертино и снова стоять на голове.

Эльвира Демаш часами жонглировала. Валя Лери уже выступала в программе как девочка-наездница, и мы ей завидовали.

Искусство — это умение. Не талант, не вдохновение, не порыв, а ежедневный труд и умение. Так думал я тогда. И теперь, когда я уже вполне взрослый и даже не очень юный человек, когда сумел оценить во многих видах искусства и талант и вдохновение, когда я и в цирке стал отличать плоды простой тренировки от работы артиста, наделенного подлинным призванием,— и теперь я часто вспоминаю то далекое, наивное ощущение, и оно вселяет в меня чувство ответственности. Искусство — это умение делать то, чего другие не умеют.

От цирка к театру

Я занимался всем понемногу. Немного жонглировал, немного ездил верхом, немного пробовал акробатику. Я никак не мог выбрать. Чтобы стать артистом цирка, надо было работать раз в сто больше, чем работал я, и заниматься чем-нибудь одним. У меня была свобода выбора, но я не умел ею воспользоваться. Я хотел стать всем и поэтому не стал ничем.

А между тем могучий цирковой конвейер прокатился перед моими глазами раз, потом второй, потом третий.

Повторялись из года в год одни и те же номера. Бывали исключения: сестры Кох сделали новый аттракцион — «Семафор», силовой жонглер Боргунов стал работать с черно-бурыми лисицами. Но это были исключения. Совершенствовалась техника, но цирковые номера в массе оставались неизменны. Цирк менял зрителя, оставаясь самим собой. Артисты и целые программы ехали из города в город по всей огромной стране, а потом и за рубеж, в тысячный, в пятитысячный раз повторяли свое искусство для все новых и новых зрителей. Сегодня и ежедневно. Москва, Саратов, Одесса, Иркутск, Бухарест, Мурманск. Та же программа. Сегодня и ежедневно. В субботу два представления, в воскресенье — три.

И вдруг мое внимание все чаще стала привлекать скромная, неяркая по сравнению с цирковой театральная афиша.

Сегодня — «Мертвые души» Гоголя.
Завтра — «Дядюшкин сон» Достоевского.
Послезавтра — «Русский вопрос» Симонова.
Потом — «Школа злословия» Шеридана.

Здесь нет романтического циркового кочевья. Здесь оседлая жизнь, состоящая из ежедневных превращений. В цирк можно пойти три-четыре раза, если очень нравится программа, и смотреть одно и то же. В театр можно ходить десять—двенадцать раз подряд, каждый день, и одни и те же

актеры будут играть разное. Эти чудесные превращения, которые, как я потом узнал, называются перевоплощением, захватили меня. Неизменная цирковая маска, навсегда приросшая к лицу, отошла на второй план, и пришло увлечение разнообразием, обилием масок, легко снимающихся и надевающихся.

Идет комедия. Шпаги, кружева, музыка. В антракте листаешь программу «Театральная Москва». Вот список действующих лиц сегодняшнего спектакля. А что в этом театре завтра? Как? Невероятно! Вот этот долговязый с выпуклыми глазами, которого все обманывают, этот наивный человек завтра будет на этой же сцене гауляйтером Прибалтики, жестоким наместником Гитлера?

Идет второй акт. Он поет песенку. Мучительно хочется узнать, помнит ли он сейчас, этот кружевной неудачник, что завтра в то же время у него будет вся полнота власти над людьми и не цветной колет, а эсэсовский мундир обляжет его тело.

А послезавтра?

А потом?

И тайной начинает окутываться для меня фигура театрального актера. Манящей тайной.

Пришло увлечение литературой. Появились любимые персонажи. Появилось желание увидеть их на сцене и другое желание, совсем далекое и робкое — когда-нибудь их... сыграть! Я полюбил читать пьесы, представляя, как бы их сыграли знакомые актеры. Мы, цирковые дети, начали играть в театр. Увлекались Гоголем, Мольером и «Котом в сапогах». Каждое воскресенье — в театр. МХАТ, Центральный детский, Вахтанговский. Впервые увиденные Яншин, Массальский, Лукьянов, Грибов. Завистливая влюбленность в совсем молодых актеров, играющих крохотные рольки, и безумное желание быть там, с ними.

«Город мастеров» — сказка Тамары Габбе. Спектакль Центрального детского театра. Зал набит детьми. Захватывающий сюжет. Острая борьба. Злой, умный герцог и его глупые прихлебатели и благородный метельщик со своими друзьями. Зло сильно и изворотливо. Метельщику расставляют коварные ловушки и лживыми улыбками заманивают его туда.

И вот те зрители, что помладше, не выдерживают. Зал кричит герою: «Не ходи, не ходи! Обернись, обернись!»

Но я не кричу. Меня смешат и раздражают эти всплески. Я знаю, что они ничего не изменят в ходе действия. Метельщик пойдет до конца, и попадется в ловушку, и потом, наверное, найдет какой-нибудь выход, потому что это сказка, а не трагедия и добро должно победить. Но я не хочу торопить победу добра, я хочу увидеть всю пьесу.

Театр существует для зрительного зала и все-таки независимо от него. Я уже отличаю театр от жизни. Мне не приходит в голову стрелять из рогатки в злого герцога. Я способен разглядеть за его ненавидящими глазами глаза актера, играющего и другие роли. Театр — это не только события, это — превращение актеров в персонажи и пьесы — в спектакль. Это — искусство.

Я не кричу. Я хочу прийти еще раз на «Город мастеров». Мне не помешает, что я знаю сюжет пьесы.

Я хочу еще раз увидеть превращение.

Наверное, тогда, на этом спектакле, я и ощутил, что у меня родилось новое чувство — чувство театра.

Органы чувств

Мы воспринимаем весь окружающий мир, в том числе и искусство, с помощью органов чувств: глазами видим, ушами слышим, руками и кожей осязаем, носом обоняем, языком ощущаем вкус. Театр мы смотрим и слушаем, немое кино смотрим, звуковое — смотрим и слушаем, музыку слушаем, живопись смотрим, искусство повара пробуем на вкус, искусство цветовода обоняем, скульптуру смотрим и, если нам не запрещают, пробуем на ощупь и т. д.

На этом основании возникает простое убеждение: для восприятия искусства надо иметь соответствующие органы чувств и определенный культурный уровень, который дал бы начальный интерес к данному произведению. Как говорят в математике, необходимо и достаточно. Имеешь интерес к театру (культурный уровень), имеешь глаза и уши — это необходимо и достаточно, ты можешь воспринимать спектакль. А для живописи достаточно одних глаз, а для музыки — одних ушей и т. д. Необходимо и достаточно.

Так ли это?

Рассмотрим сначала, всегда ли необходимо?

Великий Бетховен, лишившись слуха, продолжал, будучи глухим, создавать великую музыку.

Великий драматург А. Н. Островский любил воспринимать театр на слух. Он сознательно лишал себя зрительных ощущений и слушал свои пьесы из ложи, задернутой занавеской.

Крупнейший русский актер Остужев, оглохнув, продолжал творить и, несмотря на то, что совершенно не слышал партнеров, отвечал не только вовремя, но и в идеально нужной тональности.

Есть немало примеров слепых скульпторов — люди лепят, используя только осязание и не имея возможности проверить его зрительно.

Любой образованный музыкант может воспринять музыку зрительно — читая ноты. Он не только оценивает ее качество, но и получает при этом удовольствие — он «слышит» ее с помощью глаз.

У нас в Ленинграде есть клуб общества слепых. Актеры, выступающие там, знают, что слепые зрители всегда просят играть там пьесы или сцены из пьес, предпочитая их художественному чтению. Они хотят театра, требующего и слуха и зрения, и гораздо более хладнокровно относятся к рассказу, чтению, как бы специально рассчитанному только для слуха.

Что все это значит? Это значит, что даже при отсутствии одного из важнейших органов чувств, необходимого для данного вида искусства, человек может заниматься им — и создавать и воспринимать, если у него есть еще «нечто», — еще одно

чувство, орган которого скрыт в его организме — в его нервах, в его мозгу,—чувство данного искусства, чувство музыки, чувство театра, чувство скульптурной формы и т. д. Это талант.

Именно поэтому иметь глаза и уши еще недостаточно, чтобы воспринимать, скажем, театр как искусство. Быть просто человеком без физических дефектов не всегда необходимо и всегда недостаточно для ощущения одной из величайших радостей — радости восприятия искусства.

Чувство искусства — вещь не редкая, она заложена в человеке, надо только открыть ее в себе. Но этому очень многое мешает. Нередко случается, что человек проживет всю жизнь, многократно столкнется с искусством, будет даже, может быть, много о нем знать — и никогда, вы представляете, никогда не воспримет его с подлинной радостью самостоятельности.

Плодами искусства нельзя пользоваться в готовом виде. Оно требует гораздо большего проникновения в себя, внимания к себе и только тогда дает настоящую радость. В этом его особенность, специальное достоинство. Можно съесть огурец, не зная, как он вырос и кто потратил свой труд на его выращивание. Можно включить электричество и пользоваться всю жизнь лампочками, не подумав о великих талантах науки, потративших жизнь на это открытие и его осуществление. Но нельзя оторвать «Евгения Онегина» от Пушкина, даже если оборвана обложка и мы не прочли имени автора. Автор в искусстве неотделим от своего произведения. Он тут, рядом, он живой и, как всякий живой человек, требует к себе внимания.

Мы должны ценить и славить всякого человека-творца — и вырастившего огурец, и изобретшего лампочку накаливания, и написавшего симфонию. Но нигде так, как в искусстве, творец, автор не приближается вплотную к воспринимающему — зрителю, слушателю, читателю. Автор должен быть талантлив, иначе он не творец, произведение должно быть талантливо, иначе оно не найдет зрителя. Но и зритель должен быть талантлив, иначе единство разорвется.

ОКОНЧАНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Учение с увлече- нием

С. СОЛОВЕЙЧИК

ЭКСПЕРИМЕНТ СЕДЬМОЙ

Прошлые наши опыты мы ставили в основ-ном на скучных предметах и уроках. Мы старались сделать скучный урок интересным и полюбить нелюбимый предмет. Многим ре-бятам, судя по письмам, это удалось. Оказа-лось, что и вправду нет на свете скучных предметов и от нас самих зависит, садимся ли мы за уроки с радостью или с тоской. Ока-залось, что каждый может превратить уче-ние с мучением в учение с увлечением. А по-путно выяснилось вот какое любопытное об-стоятельство. Оказалось, что если человек са-дится за уроки с интересом, то он тратит на выполнение заданий гораздо меньше вре-мени!

Вот письмо из г. Лыткарино, Московской области:

Дорогая редакция «Пионера»!

Недавно в журнале нам было предложено участвовать в эксперименте: может ли человек быстро и хорошо совершать работу весь день? Я разделил, как предлагалось, свободное время на пятнадцать «уроков» и постарался изменять вид работы каждый «урок». Иногда мне приходилось долго заниматься одним делом. Но все-таки гипотеза, предложенная нам для проверки, в моем исполнении эксперимента верна. Я теперь не отрываюсь при выполнении уроков, чувствую время, а при выполнении уроков по русскому языку с одного часа до половины уменьшилось время, нужное для выполнения заданий. До свидания!

Андрей ЦХОВРЕБОВ.

О предыдущих экспериментах читайте в №№ 9, и 12 за 1970 год и в №№ 1, 2, 3 в нынешнем году.

Прекрасный результат. Лишних полчаса свободного времени — это реальное, ощутимое достижение. Опыт удался!

Но, как уже не раз бывало, каждый удачный опыт рождает новые проблемы.

Задумаемся над двумя вопросами:

1. Как бы нам добыть **побольше** свободного времени? Другими словами, как бы нам научиться делать уроки **побыстрее?**

2. Что делать с тем свободным временем, которое мы получим в результате наших усилий? У Андрея день увеличился на 30 минут. Как их израсходовать чтобы день стал еще длиннее?

Это два очень сложных вопроса. Сложность их состоит в том, что они **взаимозависимы.** Сейчас я объясню, что это значит.

Сколько времени тратите вы на домашние задания? Назовите в уме эту важную цифру: час, два, три? А может быть, четыре? Какую бы цифру вы ни назвали, в вашем классе всегда найдутся ребята, у которых на уроки уходит времени больше, чем у вас, или меньше (при тех же результатах, то есть при таких же отметках). Для того, чтобы выучить стихотворение наизусть, одному нужно полчаса, другому два. Мы привыкли к этому, и нам кажется, что ничего с этим не поделаешь: у одного память получше, у других похуже.

Что ж, у людей действительно разные способности, и поэтому глупо устанавливать одинаковые для всех правила: мол, сиди за уроками два часа, и не меньше! Каждый должен заниматься столько, сколько нужно именно **ему** для того, чтобы все хорошо сделать.

Кстати, можно заметить, что **быстрота** запоминания, **быстрота** мысли — не самое главное качество ума. Учение не спринтерский бег; выигрывает не тот, кто учится быстрее всех, а тот, кто учится основательно и серьезно.

И все же, конечно, каждому хотелось бы тратить на выполнение заданий учителя как можно меньше времени, и такое желание справедливо и разумно.

Как же сократить время обязательных занятий?

Еще несколько лет назад никто не мог бы ответить на этот вопрос.

Но недавно замечательный советский педагог Василий Александрович Сухомлинский (он был директором школы в селе Павлыш, Кировоградской области, и ученым — членом-корреспондентом Академии педагогических наук СССР) сделал важное наблюдение, можно сказать, открытие, и теперь на этот трудный вопрос можно ответить.

Василий Александрович умер в самом начале нынешнего учебного года. Но его советами будут еще очень долго пользоваться все школьники.

Если вы не слышали раньше о советах Сухомлинского, читайте все дальнейшее как можно внимательнее. Сейчас вы узнаете самые важные секреты учения с увлечением.

Вот что заметил В. А. Сухомлинский.

Время, которое тратит человек на уроки, зависит не только от способностей человека, но и от его **общего развития.** А общее развитие, в свою очередь, зависит от того, как много читает человек книг, не относящихся непосредственно к урокам.

Получается заколдованный круг: чем больше ученик сидит за уроками, тем меньше он читает «посторонних» книг, тем слабее его **общее развитие** и тем больше времени приходится ему тратить на уроки!

Чем больше сидим мы за уроками, тем больше нам приходится сидеть?

Сухомлинский стал советовать своим ученикам: постепенно старайтесь выполнять задание побыстрее (но, конечно, аккуратно и внимательно), а все то время, которое у вас освободится, отдавайте научным, популярным книгам по любимому предмету.

Если вы любите географию, освобождайте больше времени для географии, читайте книги по географии (незаданные книги!). Тогда ваш ум будет развиваться, память укрепляться, и вы сможете быстрее делать уроки по русскому языку и математике, вы освободите больше времени для любимой географии (или для любимой математики, или для любимой химии).

Кто тратит все больше и больше времени на уроки, тому этого времени и нужно все больше и больше, и никогда не почувствует он радости учения. Он будет с утра до вечера сидеть над уроками.

А кто тратит все больше и больше времени на книги и занятия любимым предметом, тот постепенно научится делать уроки быстро и легко, и все учение будет ему в радость.

Потому что, повторим, время выполнения заданий зависит не от способностей, а от **общего развития** — от того, как много книг вы читаете, как много занимаетесь **любимым** предметом.

Но Василий Александрович Сухомлинский предупреждал, что эту систему надо вводить постепенно и осторожно. Если вы завтра перестанете делать уроки, а все время проведете за книгами, то что из этого получится? Послезавтра вы увидите в дневнике первую двойку, а еще через неделю так отстанете, что для наверстывания упущенного вам придется и вовсе забыть о любимых книгах.

Итак, используйте все те приемы, которые мы нашли в наших предыдущих экспериментах, для того, чтобы медленно и **постепенно** сокращать время выполнения домашних за-

даний, а все сэкономленное вами время постарайтесь тратить на занятия любимым предметом, на общее развитие вашего ума, памяти.

Когда вы почувствуете, что добились первого успеха, вы сможете последовать и второму совету Василия Александровича.

На первый взгляд это очень рискованный совет, я даже побаиваюсь передавать его: вдруг кто-нибудь так и поступит, но неумело, и вместо того, чтобы хорошо учиться, запустит все свои школьные дела?

Но все-таки я расскажу об этом совете, а вы, пожалуйста, хорошенько подумайте, прежде чем приступить к опыту, рассчитайте свои силы.

В прошлых наших экспериментах мы просили принять участие всех-всех. Нынешний эксперимент **очень опасен,** в нем могут участвовать только ребята с сильной волей.

Вот что советовал Василий Александрович своим ученикам (в его школе все учатся в одну, в первую смену): после того, как вы вернулись из школы домой, **вообще не надо делать уроков!** Все время, всю вторую половину дня надо проводить отчасти на воздухе, отчасти за книгами, прямо не относящимися к сегодняшним урокам, отчасти в кружках, на факультативных занятиях, за работой в саду, в спортивных секциях.

Почти весь день — любимым занятиям!

А как же быть с уроками? Когда их делать?

Сухомлинский советовал: уроки надо делать **только** утром, до школы.

Вставайте в 6 часов утра, и за два утренних часа вы сделаете больше, чем за 4 вечерних! Потому что утром мозг человека работает продуктивнее, и все задачи, все упражнения—все получается быстрее, чем вечером, и все запоминается быстрее и прочнее.

Разумеется, для этого надо и спать ложиться пораньше — в 9—10 часов вечера. Кстати, Сухомлинский доказывал, что сон до 12 часов ночи гораздо полезнее и приносит больше отдыха, чем сон после 12 часов. Если человек спит с 10 часов вечера до 6 утра (8 часов), то он высыпается лучше, чем если бы он спал с 11 вечера до 8 утра (9 часов). И целый час лишнего свободного времени для любимых занятий!

Недавно я получил письмо от одной женщины с Дальнего Востока. Она просила не называть ее имени. Вот что она рассказывает.

У нее два сына-старшеклассника, один учился в 9-м классе, другой — в 10-м. В 9—10-м классах очень много уроков, гораздо больше, чем, скажем, в 5—6-м. Ребята сидели над уроками день и ночь, очень уставали, здоровье их пошатнулось, времени на любимые занятия не было. Но тут эта женщина, их мама, узнала про систему Сухомлинского.

«Посоветовались мы с мужем,— пишет мама,— и решили в своей семье претворить рекомендации Василия Александровича в жизнь». Вызвали сыновей в комнату и говорим: «Есть такая школа на Украине, где ребята имеют 7—8 часов свободного от уроков времени. Хотите иметь такой режим?» Ну, разумеется, ребята в восторге.

Режим таков: подъем в 5.30, физзарядка, умывание, 1-й завтрак — обязательный стакан молока — 15 мин.; 5.45—8 ч.— приготовление уроков; в 8 ч. второй завтрак (горячий); в 8.15 уход в школу. После школы до 21 ч. время свободное. Перед сном (в 21 ч.) приготовить все по расписанию на утро. Такой резерв времени дается на занятие любимым делом. У старшего сына — десятиклассника — спорт, у младшего (9-й кл.) — авиамоделирование, которым он увлекается серьезно и давно. Всего этого они были лишены до перехода на режим Сухомлинского. Не описываю, как мы волновались: необычно, не верилось, что все это возможно, что вместо 4—6 часов занятий — 2 часа и лишь изредка (смотря по расписанию) вечером, например, перевод большой или две математики. Но ребята сразу оценили преимущества такого режима и тоже очень удивлялись: «Как же так, я стихотворение Маяковского ровно 10 минут учил? Математика идет утром очень легко, запоминаешь тоже быстро».

Дальше описывается, как ребята занимались по такому режиму целый год, каких успехов добились они в школе и как заметно улучшилось их здоровье.

●

Недавно я рассказал об этом опыте одному пятикласснику. Он отказался принять режим Сухомлинского. «Страшно»,— сказал он. «Почему же страшно?» «Да потому, что, если вечером не успеваешь сделать все, что надо, так еще есть время, а утром? И вообще страшно ложиться спать с невыученными уроками. А вдруг проспишь?»

Страшно...

Но я уже говорил, что этот опыт для храбрых, для тех, кто уверен в своих силах.

Учебный год кончается. Пожалуй, теперь уже поздновато менять режим дня. Но, может быть, все-таки кто-нибудь попробует? Или просто запомните эти советы Сухомлинского и вернитесь к ним в начале будущего учебного года.

Не забудьте главное условие успеха: свободное время надо тратить не попусту, не у экрана телевизора, не в болтовне, а за интересной книгой. Книги разовьют ваш ум, и вы научитесь делать уроки быстрее.

Если же кто-то решится испытать режим Сухомлинского сегодня же, обязательно напишите об этом в «Пионер» и со всеми подробностями расскажите, что у вас получилось и какие были трудности.

Учение с увлечением!

Западня на шахматной дороге

«В «Пионере» я прочитал о шахматных ловушках, объясните, пожалуйста, Пешкин, что это такое?» — спрашивает в своем письме московский школьник Володя Краснов.

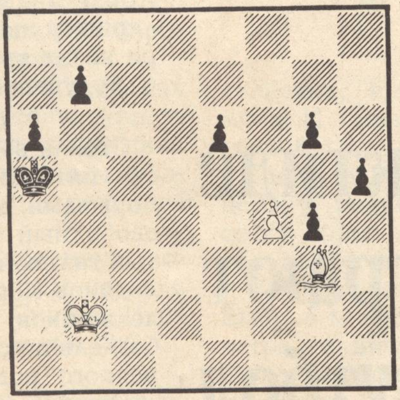
Пешкин решил рассказать об этом всем ребятам.

Ловушка в шахматах — это такой маневр, который на первый взгляд дает преимущества противнику, а на самом деле завлекает его в невыгодную позицию.

На что он рассчитан? На легкомыслие противника. Шахматы не терпят верхоглядства, они учат собранности, внимательности, уважению к противнику.

Ходы противника оценивать надо не с первого взгляда, а серьезно, надо постараться понять их смысл. Часто так бывает: один из играющих добьется преимущества. Ему кажется, что победа близка, он уверен, что опасности уже позади, и... начинает играть небрежно. Вот тут-то он легко может попасть в западню.

Перед вами позиция, возникшая недавно в партии одного из турниров, проходивших в Московском Дворце пионеров.

Дела белых невеселые, за слона у черных пять пешек, и, конечно, черные должны добиться победы. Путь к выигрышу прост. Черный король отправляется на d5, e4, поддерживая свои пешки королевского фланга. Белый король не может принять участия в обороне, ему приходится караулить пешки ферзевого фланга.

Чтобы расставить ловушку, белые сделали ход: 1. Крb2—b3. Теперь черные должны были продолжать 1...Кра5—b5, направляя короля в центр, но вместо этого беспечно ответили 1...b7—b5?

Западня захлопнулась! Неожиданно для черных последовало 2. f4—f5. Этот прорыв решает исход сражения, грозит мат слоном на c7. Черным приходится защищаться, и белые, прорываясь в ферзи, успевают забрать пешку g6.

После хода 2. f4—f5! черные сдались. Суровое наказание за легкомыслие.

А теперь расставьте на доске такую позицию.

Белые: Крe3, Лa3, п.g.2; черные: Крh4, Лc8, п.c3, g4, h5.

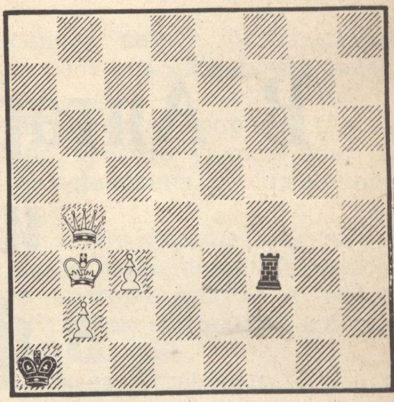
Конечно, и здесь белым не позавидуешь: у черных не только две лишние пешки, но и грозная проходная, поддержанная ладьей.

Белые ставят ловушку: 1 Крe3 f4, теперь легко выигрывало 1... Лc8 — c4 + 2. Крf4 — e3 и c3—c2. Но черные беспечно сыграли 1...c3—c2 и... неожиданно получили мат в два хода. Найдите сами, каким образом.

Пешкин обращается к вам с просьбой, друзья: пришлите ему придуманные вами ловушки из ваших партий. Наиболее интересные мы напечатаем.

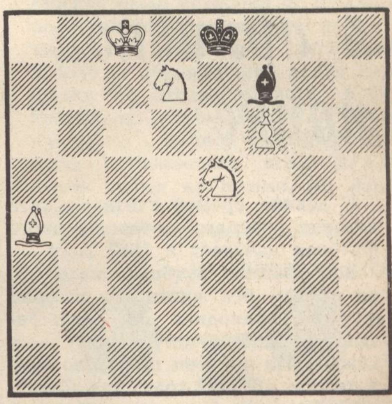
Конкурс продолжается

Пешкин предлагает вам еще две красивые конкурсные задачи.

Найдите, как в этом положении белые, начиная игру, дают мат в три хода.

А в следующей задаче мат достигается в четыре хода.

Черный король зажат атакующими фигурами белых. Надо только спланировать решающий маневр.

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ, ДРУЗЬЯ!

— Пингвины играют? — спросишь ты
Или, может быть, тюлени?

Да, пингвины присутствовали на матче
котором пойдет речь. Но присутствова
лишь в качестве болельщиков. Очень ш
ных, кстати.

А играли люди. На самом южном ф
больном поле планеты встретились две сб
ные.

И даже представители прессы присутст
вали. Об этом удивительном матче расска
вает его очевидец В. САНИН.

На одном из антарктических островов, о
рове Ватерлоо, расположились две научн
станции: советская — Беллинсгаузена и
лийская. Коллективы двух станций оч
дружны и часто ходят друг к другу в го

И вот, когда после трудного ледового по
да к острову Ватерлоо подошел дизель-эле
роход «Обь», начальник чилийской стан
Хорхе Вилья нанес нашему знаменитому
лярному капитану Эдуарду Иосифовичу К
ри визит дружбы. Тут-то они и договорил
о будущем матче.

В Антарктиде играют в футбол

Стояла великолепная летняя погода: гра
сов пятнадцать мороза, ветер умеренны
порывами, до сильного. Для игры был выб
свободный от снега участок берега, пок
тый галькой. Одной боковой линией служ
ледяное море, другой — бушующая толпа
лельщиков, в которую затесалась дюж
бездельников-пингвинов, больших любите
всякого рода зрелищ.

И вот под овации зрителей на поле в тре
ровочных костюмах выбежали футболис

Открытие в архивной папке

С давних времен считалось, что история нашего отечественного футбола началась в 1897 году.

Все знатоки футбола знали это на память. Все книги по истории футбола приводили эту дату. Разыщи-ка любую такую книгу — в каждой ты найдешь примерно одно и то же: «В 1897 году при Санкт-петербургском кружке любителей спорта («Спорт») была создана первая русская футбольная команда. Капитаном ее стал Георгий Александрович Дюперрон».

И вдруг оказалось, что это не так. И не в Петербурге, а в Москве, и не в 1897-м, а годом раньше появилась первая команда футболистов, и, выходит, в нынешнем, 1971 году, у нашего футбола юбилей: семьдесят пять лет со времени образования первого футбольного клуба в нашей стране.

Это неожиданное открытие удалось сделать ленинградцу Константину Константиновичу Барышникову. Но не случайно и не сразу.

Несколько лет назад, расспрашивая замечательного ветерана футбольных турниров Павла Васильевича Батырева, он вдруг услышал:

— А ведь «Спорт» вовсе не первая команда в России...

Павел Васильевич сам играл в «Спорте». Несмотря на годы — ему было уже за семьдесят,— прекрасно помнил былое.

— Помню,— рассказал он К. К. Барышникову,— послал меня председатель «Спорта» за бутсами в магазин Березина на Садовой. Захожу я в магазин, а у Березина в гостях Дюперрон. Оба они возбуждены.

— «Спорт» первый! — кричит Дюперрон.

— Да нет же, Георгий Александрович, «Сокольники» раньше родились! — не сдается Березин.

Не стал я дожидаться тогда
ца спора, взял сверток с бутса
и восвояси...

А спустя лет десять случай
ва свел Дюперрона, Березина
ня, и тогда Дюперрон уже не
рил — признал правоту Ильи А
сандровича Березина.

Но все-таки К. К. Барышни
захотелось найти подтвержд
словам ветерана.

Поиски были долгими.

О них рассказывает сам
стантин Константинович:

«Время шло, а документал
подтверждения «московскому
чину» не находилось. Но
встретился я с Александром
совичем Полежаевым, одно
защищавшим ворота сборной
ны. Получив у него сведен
деятельности сильнейшего
градского клуба «Коломяги»,
удержался от соблазна за
ему вопрос и о «Сокольника

— Как же, как же! — ожи
Полежаев.— Об этом я слыша
председателя «Коломяг» Влад
ра Львовича Гомилиуса, да и
друг Батырев...

Казалось бы, факт подтверж

Главный судья океанолог Дима Шахвердов дал свисток, и игра началась.

Поначалу игрой овладели чилийцы. Они неистово любили мяч и ни за что не желали с ним расставаться. Каждый чилиец, овладев мячом, считал священным долгом обвести всех противников, сделать самому себе пас пяткой, коленкой и головой и в падении ударить по воротам. Особенно отличился левый крайний Алексис Заморано. Его финты заставляли болельщиков стонать от восторга, а удары были столь коварны, что лишь фантастические прыжки нашего вратаря радиста Бориса Жомова спасали команду от верных голов.

Но вот игра выравнялась. Обнаружилось, что в скорости наши форварды превосходят чилийцев, особенно Женя Славнов, бортмеханик полярной авиации. После одного великолепного рывка он оставил позади себя защитников, вышел один на один и ударил по мячу с такой силой, что выползший на берег тюлень ретировался обратно в море.

Спустя минуту повар Ваня Волокитин дал пас Славнову, Славнов — Арнаутову, Арнаутов блестящим финтом ушел от защитника Хорхе Вилья, замахнулся и мощным ударом ноги вырыл из поля не меньше центнера гравия.

Пока Арнаутов растирал ушибленную ногу, игроки обеих команд с гиканьем неслись спасать мяч, улетавший в море. Спасли. Игра возобновилась. Первый тайм — ничья. 0:0.

Второй тайм начался атаками наших футболистов. Чилийский вратарь прыгал, как кузнечик, вытаскивая самые безнадежные мячи. И лишь два раза его мастерство оказалось бессильным.

Сначала Ваня Волокитин, прорвавшись по центру, редким по красоте ударом вбил в сетку ворот зеваку-пингвина. К сожалению, гол не засчитали.

Зато второй гол стал украшением матча. Выбрав момент, когда сильнейшим порывом ветра чилийского вратаря выдуло из ворот, Арнаутов точным ударом вогнал мяч в сетку. Что творилось на стадионе!

Этот гол оказался единственным.

ся, но как мог Дюперрон не оставить об этом никаких следов в печати?! В смутной надежде найти если не ключ, то хотя бы ключик от «московского тайника» в архиве Дюперрона, перелистываю папку за папкой и, конечно, ничего не нахожу. Вот наконец передо мной папка № 9. Быстро листаю страницы и вдруг совершенно неожиданно наталкиваюсь на рукопись погибшего в войну кандидата педагогических наук В. И. Березина, сына И. А. Березина. В ней читаю следующее.

Развитие футбола в Москве связано с именами крупных врачей — Дементьева и Покровского. Еще в 1892 году доктор Дементьев выпустил сборник «Английские спортивные игры», в котором впервые на русском языке было дано правильное и полное описание игры в футбол. Этот сборник в течение пяти лет выдержал три издания, что говорит о его большом успехе среди читателей. По инициативе Дементьева и Покровского в 1896 году при Московском гигиеническом обществе на Ширяевом поле создается правильно организованный русский футбольный кружок, по-видимому, первый в России, так как в Петербурге футбольные команды «Спорт» и другие появились только в 1897 году.

В Москве на этом развитие футбола надолго задержалось, а в Петербурге число команд стало быстро расти, и в 1901 году был впервые проведен розыгрыш первенства столицы.

Таким образом, в 1971 году исполняется 75 лет с момента организации первого русского футбольного кружка и 70 лет с начала календарных соревнований по футболу.

В. И. БЕРЕЗИН.

26 апреля 1941 г.

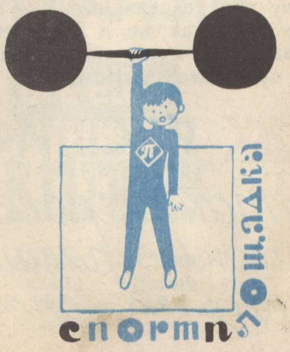
Вот что скрывалось в пыльной архивной папке!

Все встало на свои места, но я пока не спешил сообщать об открытии, пересмотрел все печатные труды Г. А. Дюперрона. В книге-альбоме «Советский спорт», изданной в Ленинграде в 1928 году, я нашел статью Г. А. Дюперрона «Спортивные игры. Футбол». И там...

«В 1895 г. при заводе Гоппера в Москве было устроено футбольное поле, на котором играли преимущественно московские англичане. В 1896 г. образовалась новая площадка на Ширяевом поле в Сокольниках; летом возникла новая площадка в дачной местности Быково. Устраивались игры между этими тремя кружками, но нерегулярно».

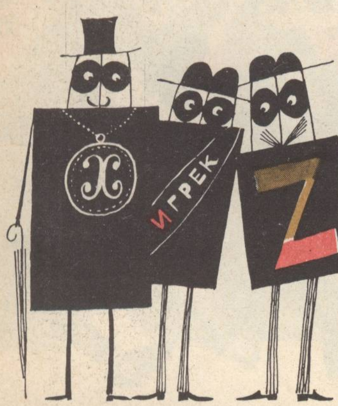
Что и требовалось доказать!»

К. КОНСТАНТИНОВ.

ВТОРАЯ ОЛИМПИАДА ТРЕХ НЕИЗВЕСТНЫХ

ВСТРЕЧИ С ТРЕМЯ НЕИЗВЕСТНЫМИ

ОТВЕТЫ И РЕШЕНИЯ

Тысячи ребят прислали нам письма, и каждое мы внимательно изучим, каждому ответим. Имена победителей напечатаем в июньском номере. А пока сравни свои результаты с нашими ответами и решениями. Не беда, если ты действовал по-другому, — лишь бы правильно!!

ЖЮРИ

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ

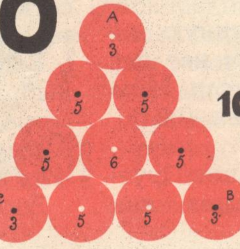
Занумеруем любые восемь ступенек, идущих подряд, числами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8. Икс наступал на ступеньки 1, 3, 5, 7 или 2, 4, 6, 8. Разберем первую возможность (вторая рассматривается точно так же).

Игрек наступал на ступеньки 1, 4, 7, или 2, 5, 8, или 3, 6. В каждом из этих случаев найдутся две ступеньки, идущие через одну, на которые не наступали ни Икс, ни Игрек (в первом случае это ступеньки 6-я и 8-я, во втором — 4-я и 6-я, в третьем — 2-я и 4-я). Зет перепрыгивает через четыре ступеньки, значит, и он не наступал хотя бы на одну из этих двух ступенек.

ЗАМЕЧАНИЕ

Попробуйте решить ту же задачу при условии, что Икс и Игрек бегут так же, а Зет перепрыгивает а) через три ступеньки; б) через две ступеньки.

10 пятаков 10

На рисунке отмечены центры пятаков. Около каждого указано число равносторонних треугольников, для которых этот центр является вершиной. Всего таких треугольников 15 (проверьте!). Уберем четыре пятака с красными центрами. Шесть оставшихся удовлетворяют условию (проверьте и это!).

Докажем теперь, что нельзя удовлетворить условию, убрав менее четырех пятаков. Для того, чтобы «разрушить» треугольник ABC, нужно убрать хотя бы одну из его вершин, например, A. На рисунке останется 15 — 3 = 12 треугольников. Какие бы две вершины мы теперь ни убрали, нам удастся разрушить не более чем 6 + 5 = 11 треугольников. Хотя бы один равносторонний треугольник останется.

весы и монеты

Занумеруем монеты в од… кучке числами 1, 2, 3, в другой… 4, 5, 6. Фальшивые монеты име… номера или 1 и 4; или 1 и 5; и… 1 и 6, или 2 и 4, или 2 и 5... Вс… 9 возможностей. Покажем, … двумя взвешиваниями найти … фальшивые монеты.

Положите на левую чаш… монеты 1, 4, на правую — … 5. Если левая чашка оказал… легче, то на правой чашке мо… ты настоящие, а на левой — о… или две фальшивые. Пара фа… шивых монет — это 1, 4; или 1… или 4, 3. Вторым взвешивани… сравниваем пары 1, 6 или 4… Пара, которая легче, состоит … двух фальшивых монет. Если ча… ки уравновесились, то фаль… вые монеты — 1 и 6.

Предоставляем читателям ра… брать случаи, когда при пер… взвешивании правая чашка о… залась легче или наступило р… новесие.

Одного взвешивания недос… точно, так как на три возможн… результата взвешивания прихо… ся девять возможностей для па… фальшивых монет. Подробно … этом смотри выпуск «Встреч… Тремя Неизвестными» в январск… номере «Пионера».

КАК РАСШИФРОВАТЬ?

Этот кроссворд можно расшифровать двумя способами:

$$\begin{array}{r} 748190 \\ +\ 67447 \\ \hline 815637 \end{array} \qquad \begin{array}{r} 54629… \\ +\ 7544… \\ \hline 62173… \end{array}$$

Маугли в плену

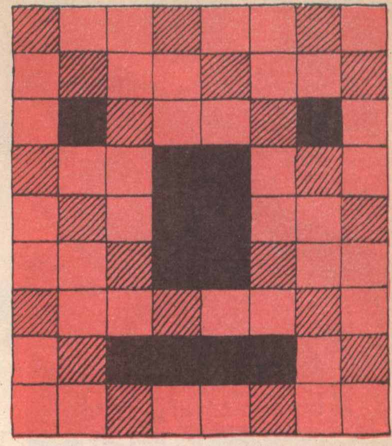
Обозначим число обезьян через X, а число орехов, сорванных каждой из них,— через У. Всего сорвано XУ орехов. Каждая из обезьян бросила в остальных (X — 1) орехов, а всего брошено X (X — 1) орехов. Для Маугли осталось XУ — X (X — 1) = = X (У — X + 1) = 26 орехов. Отсюда видно, что число обезьян X является делителем 26, то есть X может равняться 2, 13 или 26. Если X = 2, то У — X + 1 = 13, и У = 13 + X — 1 = 14, если X = 13, то аналогично находим У = 14, а если X = 26, то У = 26.

Загадка 13 букв

Каждую из этих букв, кроме буквы Р, можно перевернуть на другую сторону так, что она будет выглядеть по-прежнему.

Упрямая фигура

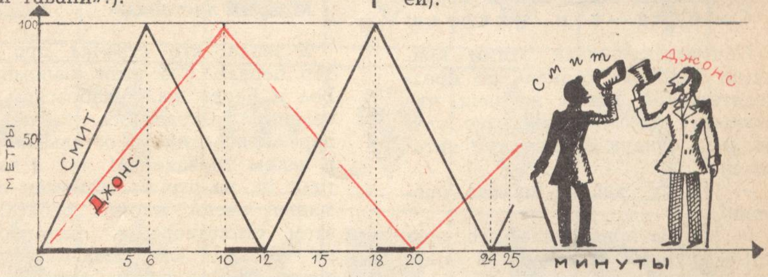
Заштрихуем некоторые клетки, как показано на рисунке. Эти клетки выбраны так, что всякий трехклеточный прямоугольник содержит одну, и только одну, заштрихованную клетку. Если бы удалось разбить нашу фигуру из 60 клеток на трехклеточные прямоугольники, то получилось бы 20 прямоугольников. Но заштрихованных клеток не 20, а 21.

Джентльмены на прогулке

Построим графики движения двух джентльменов (как это делать, подробно рассказывалось в ноябрьском и декабрьском номерах «Пионера» за прошлый год. Помнишь задачу «Из Ливерпульской гавани»?).

Как видишь, джентльмены раскланивались трижды и шли в одном направлении 11 минут (соответствующие промежутки отмечены на оси времени жирной линией).

Сосчитай ребят

Число мальчиков с комсомольскими значками обозначим X. По условию, число пионерок тоже равно X. Мальчиков и комсомолок вместе 24 + 16 — X (в сумме 24 + 16 каждый мальчик-комсомолец учитывается дважды). Прибавив число пионерок X, найдем, что в экскурсии участвовали

Удивительное число

(24 + 16 — x) + x = 40 ребят.

А эти задачи — „лягушатам"

Задача Светланы А.

$$\begin{array}{r|l} 1690 & 65 \\ -130 & 26 \\ \hline 390 & \\ -390 & \\ \hline 0 & \end{array}$$

Задача Веры Саенко

28 = 22 + 2 + 2 + 2,
или 28 = 22 + 2 × 2 + 2,
или $28 = 22 + 2^2 + 2$...

Любимый кроссворд Игрека

Кроссворд Игрека можно расшифровать следующими четырьмя способами:

$$\begin{array}{r} 6923 \\ +\,6943 \\ \hline 13866 \end{array} \quad \begin{array}{r} 6943 \\ +\,6923 \\ \hline 13866 \end{array} \quad \begin{array}{r} 6523 \\ +\,6543 \\ \hline 13066 \end{array} \quad \begin{array}{r} 6543 \\ +\,6523 \\ \hline 13066 \end{array}$$

Маугли все еще в плену

Ответ: 13 орехов. Задача решается так же, как «Маугли в плену».

Клуб сорок сорок

— Зачем, скажи нам, Белобока,
Ты поступаешь, так жестоко?
— Ответь, когда настанет срок
Восстановить порядок строк?
— Полгода ждут Бел и Берда!
Сегодня — или никогда!

Почти оглушенная этими криками, Белобока скакала по председательской ветке, не зная, что открыть раньше: заседание клуба или сундук с письмами читателей.

— Прошу вас не шуметь, сороки!

— Но ты просрочила все сроки! — дружно ответили 39 голосов. После мартовского заседания, когда члены клуба узнали, что такое рифмы, они часто говорили стихами.

Белобока махнула крылом и молча открыла сундук. Шум утих.

— Мне и самой давно хотелось узнать, как выполнили читатели наше задание, которое мы им дали в № 9. Да все не было времени. Сыпь, милая Эврика, свой озвучающий порошок.

— Здравствуйте, дорогие мои друзья сороки-близнецы Бел и Берда. Я хочу вам помочь в беде со стихотворением, которое очень грустное и перепутанное,— заговорило голосом семиклассницы Иры Вишневской письмо из города Новоэкономическое, Донецкой области.

Но тут вдруг раздался голос Вити Мануйлова из села Андреевка, Талды-Курганской области (порошок попал и на его письмо).

— Здравствуйте, сорок сорок! Я прочитал перепутанные вами строки стихотворения:

Ветер, ветер, ветер,
В почерневший сад
Взрослые и дети
По небу летят.
Льется дождь колючий,
Мокрый листопад.
Тучи, тучи, тучи
Грустные сидят.

Это стихотворение я распутал. Не знаю, правильно я написал или нет, но письмо все-таки пошлю (была не была!).

— Вот послушайте это стихотворение: «Ветер, ветер, ветер...» — вступило в разговор письмо Вити Дымова из Новосибирска, но сразу смолкло: Всезнайка смахнула с него озвучивающий порошок и спросила у Председателя:

— Можно мне рассказать, как я восстановила это стихотворение?

— Расскажи, — разрешила бабушка Белобока.

— Сначала я нашла, какие строчки подходят друг другу по смыслу. У меня получилось четыре пары:

Взрослые и дети
Грустные сидят.

Тучи, тучи, тучи
По небу летят.

Льется дождь колючий
В почерневший сад.

Ветер, ветер, ветер.
Мокрый листопад.

Я знала, что строчка про ветер первая. (Об этом напомнили Бел и Берда на декабрьском заседании.) Оставалось к первой паре присоединить остальные, но в каком порядке? И тут я заметила то, на что не обратили внимания очень многие ребята: в этом стихотворении рифмуются не только «листопад — летят — сидят — сад», но и «ветер — дети», «тучи — колючий». Эти рифмы и связывают пары в два четверостишия. Значит...

—...стихотворение нужно читать так,— заговорило письмо Коли Дьячкова из Онеги, Архангельской области.

Ветер, ветер, ветер,
Мокрый листопад.
Взрослые и дети
Грустные сидят.
Льется дождь колючий
В почерневший сад...
Тучи, тучи, тучи
По небу летят.

— Точно, Коля! Ты верно восстановил это стихотворение. Так же расставили строчки Алеша Черный из г. Марганца, Нателла и Ваня Игитяны из г. Актембрян, Женя Ромашков из Ташкента, Оля Сон из г. Ходжейли, Павлик Кочетков из г. Арзамаса, Галя Климова из деревни Черниченка, Владимирской области.

— Большое спасибо этим ребятам и Вале Таций из Ялты, Вере Кузнецовой из села Ново-Георгиевка (Дагестан), Оле Знаевой из Ижевска, Гене Сюртунову из Иркутска, Люде Шутовой из Душанбе **и тем, кто ответил позже, и всем, кто старался нам помочь! — сказали повеселевшие Бел и Берда.— Пишите нам еще.**

— И мне тоже,— всхлипывая, попросила сорока Несмеяна.— Вчера я сочинила такое веселое четверостишие, что просто разрыдалась от радости и слезы совершенно размыли стихи. Остались только рифмы — те слова, которые стояли в конце строк. ПОМОГИТЕ! НАПИШИТЕ НА МЕСТЕ СМЫТЫХ СЛОВ СВОИ СЛОВА, ЧТОБЫ ВЫШЛО СМЕШНОЕ ЧЕТВЕРОСТИШИЕ! ТОЛЬКО, ПОЖАЛУЙСТА, В РИФМАХ НЕ МЕНЯЙТЕ НИ ОДНОЙ БУКВЫ — ОЧЕНЬ УЖ МНЕ НРАВЯТСЯ МОИ РИФМЫ:

...столба
...со лба
...кот
...пот

— А если у кого-нибудь стихотворение с ТВОИМИ РИФМАМИ получится веселее, чем у тебя, ты не будешь реветь? — спросила сорока Эврика.

— Ну что ты! — всхлипнула Несмеяна.— Только спасибо скажу.

— Сороки, за работу! — скомандовали себе 38 сорок и принялись сочинять стихи для Несмеяны.

Бабушка Председатель хотела объявить заседание закрытым, но вспомнила, что она ведь сегодня так и не открыла его. Тогда она окончательно махнула на все крылом, наморщив лоб, забормотала:

Трам-па́м, трам-па́мпам у столба́.
Тири́ри па́мпам па́м со лба.

Сороки рисуют

Ответственный дежурный Никита **РАЗГОВОРОВ.**

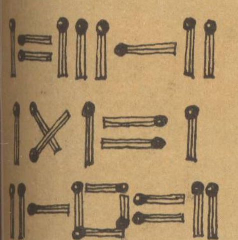
Ответы на задачи из № 3

СТРЕЛА РОБИН ГУДА

На стреле пленного Робин Гуд прочитал: «с востока», а написал: «с запада».

ОСТОРОЖНО! ИГРАЕМ СО СПИЧКАМИ!

Вот как нужно переложить спички:

ГНЕЗДО САРЫЧЕЙ

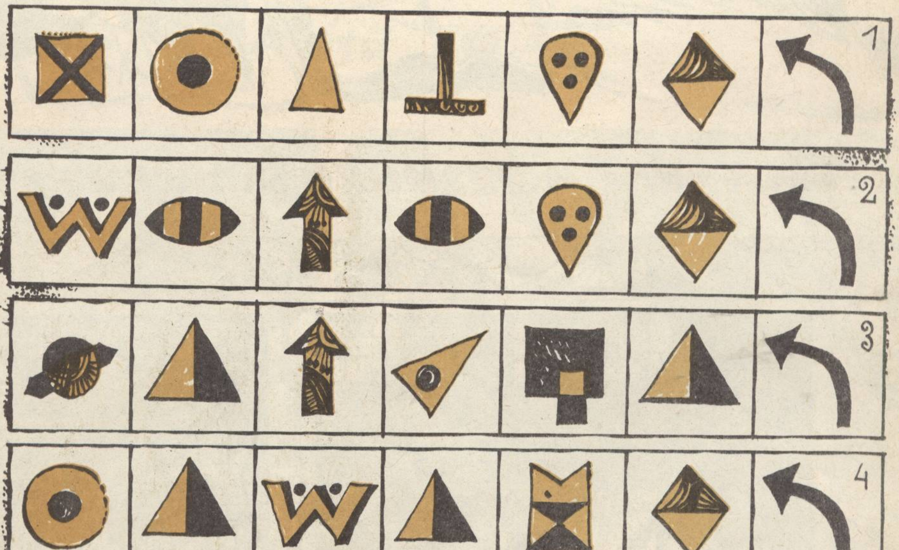
В словах спрятались: лев, лиса, заяц, волк, совы, выдра, лось, ласка, олень, тигр, рысь.

ЧЕТЫРЕ ЯЩИКА

Перед вами надписи, сделанные на четырех ящиках с цветными порошками. Буквы заменены знаками, одна и та же буква обозначается одним и тем же знаком.

Отгадайте, какого цвета порошок в каждом из четырех ящиков.

Не выходит? Что ж такого?
Значит, надо взяться снова,
Вы одержите победу,
Верьте деду Буквоеду.

ГДЕ МЫ И КАК НАС ЗОВУТ?

Внук и внучка деда Буквоеда спрятались в этой загадке. Отыщите их.

Мой дом стоит под косогором.
И, чтоб найти меня, друзья,
Шагая вниз, кричите хором:
«Ау!» Навстречу выйду я.

Ко мне ведет тропинка та же.
А если сбились вы с пути,
То буква «я» пускай подскажет:
«Я здесь!» И надо к ней идти.

ХВОСТ БАРБОСА

Собаки с рыжими хвостами
Себе овсянку варят сами.
Тем, чьи хвосты стального цвета,
Не разрешают делать это.
Кто варит сам себе овсянку,
Гулять выходит спозаранку.
Все, кто гулять выходит рано,
Не терпят фальши и обмана.
Вид добродушный у Барбоса,
Но на сорок он смотрит косо.
Он видит: норовят сороки
У воробьев списать уроки!
Скажите — проще нет вопроса! —
Какого цвета хвост Барбоса?

КАРАНДАШИ И РЕЗИНКИ | Записки капитана Перо-

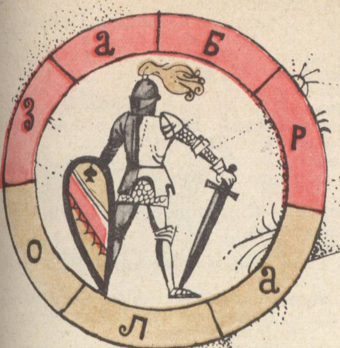
«Капитан! Мы очень
просим,
На гравюрах (вы же
гений!)
Обнаружьте ровно
восемь
Незаметных отступлений.

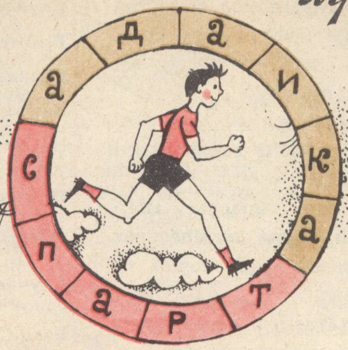
Мы найти не можем
сами.
Нас грозят карандаши
Пригвоздить за это к
раме
(Той, что справа!)
Поспеши!»

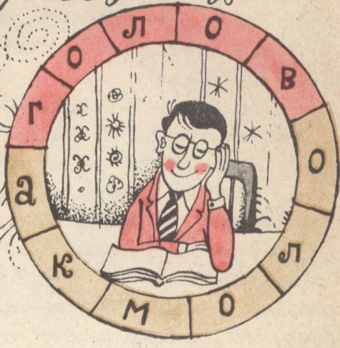
Такое письмо я получи[л] однажды от встревожен[ных] резинок. Конечно, я сумел им помочь. А вы смогли бы найти восемь отличий в оригинале и копии?

МОЙ УЛОВ — ПЯТНАДЦАТЬ СЛОВ! А ТВОЙ?

Игры деда Буквоеда

В этих трех кругах я поймал пятнадцать слов! Как я их ловил? Очень просто: слово может начинаться с любой буквы в кругу. Остальные буквы подбирайте в любом направлении: справа налево, слева направо, сверху вниз, снизу вверх, только следите, чтобы все входящие в слово буквы шли друг за другом. В каждом кругу есть слово, состоящее из всех букв! Поймать его нелегко, но я уверен, что оно от вас не уйдет!

ЕНОТ, ДА НЕ ТОТ!

Сообщение Живживки, нашего лесного корреспондента

Высылаю вам фотографии енотов. Оба енота так похожи, что можно подумать, будто бы это один и тот же енот. Ничего подобного! Они даже не родственники и живут в разных концах леса, разделенного еле заметной тропинкой на две части — Ойвуд и Айвуд. Еноты, живущие в Ойвуде, всегда говорят правду, а енотам из Айвуда нельзя верить. И те и другие, разумеется, иногда бывают на чужой территории.

Однажды я заблудился и не знал, в какой части леса я нахожусь. Мне повстречался енот, и я задумался: какой задать еноту вопрос, чтобы узнать, в Ойвуде я или в Айвуде. Наконец я спросил:

— Ты здесь живешь?

— Нет,— последовал ответ.

И я сразу определил, где я нахожусь. Как вы думаете, куда я попал? Правдивый енот мне встретился или лжец?

Академия домашних волшебников

— Динь-дон-динь,— пропел колокольчик, и красный карандаш, которым Марина только что рисовала, сам собою двинулся и поправил ее рисунок.

Девочки в первую секунду испуганно следили за самостоятельно передвигающимся карандашом, а потом засмеялись.

— Эй, динь-дон-динь,— сказала Лёка,— почему это ты, Калинка, не снимаешь свою шапочку-невидимочку?

— Угадайте! — И Калинка сняла шапочку.

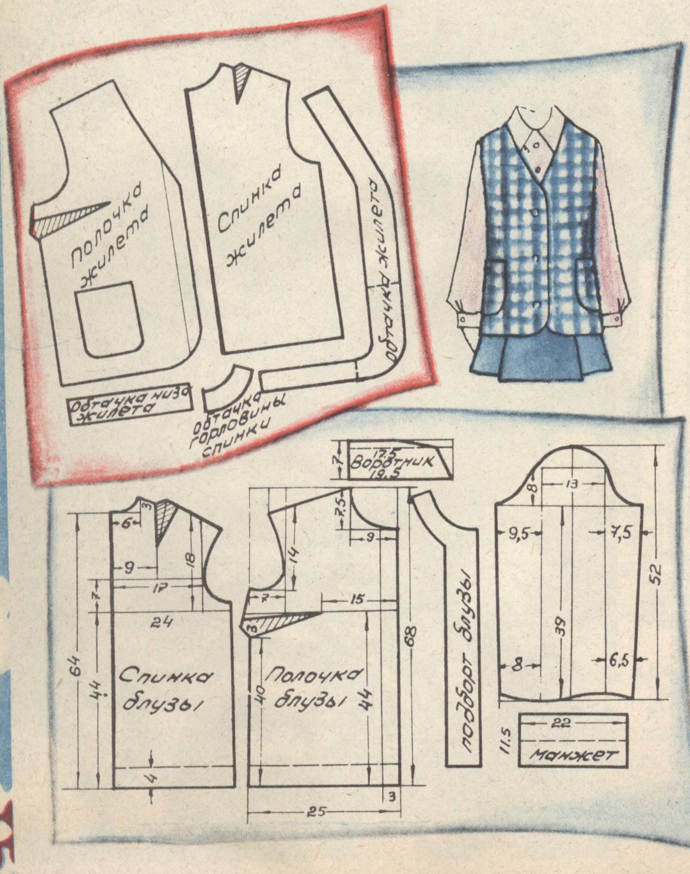
Девочки охнули. На Калинке были блузка и жилет, которые Марина никак не могла нарисовать.

— Красиво? — спросила Калинка.— Это модель ИНД, таинственного участника конкурса «Чей наряд интереснее».

— Красиво! — сказала Лёка.— И у меня будет точно такой костюм, только у тебя блуза красная, юбка клетчатая, красная с черным, а жилет черный бархатный с перламутровыми пуговицами. А я хочу, чтобы все было сине-белое. Блузу сошью из папиной рубашки: воротник у нее уже износился, и папа разрешил мне ее взять.

— Будет очень хороша и полотняная блуза,— сказала Калинка.— Быстренько сделаем выкройку, рубашку распорем, постираем, отбелим, выгладим и будем кроить. У тебя ведь 36-й размер? На выкройке блузы мы поставим все размеры, кроме подборта, который точно повторяет размеры и форму горловины и застежки полочки. А жилет будем кроить по выкройке блузы, причем на 1,5 см углубим пройму и на 1 см сократим плечевой шов.

— Я тоже хочу такой костюм,— сказала Марина.— У меня есть коричневая юбка, а блузу я сошью из своего пестренького желтого шелкового платья. Платье мне мало́, а Лёка его носить не хочет. Рукав я сделаю пошире, манжет — на 3 см длиннее. Жилет сошью из коричневого вельвета и сделаю его покороче...

СОДЕРЖАНИЕ

На обложке:
Курская магнитная аномалия сегодня. Рисунок Б. Кыштымова.

●

Главный редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор
С. Ю. Сахарова.

Редакционная коллегия:
О. И. Грекова, В. К. Железников, Е. Л. Коваленко (ответственный секретарь), **Ф. В. Лемкуль, В. Ф. Матвеев** (заместитель главного редактора), **С. В. Михалков, А. С. Некрасов, В. И. Орлов, В. А. Поддубная, М. П. Прилежаева, Э. С. Соколова.**

Оформление **К. М. Высоцкой.**

●

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова**

Сдано в набор 29/I 1971 г. А 00141.
Подписано к печати 4/III 1971 г.
Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 350 000 экз.
Изд. № 646. Заказ № 625.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

КАКАЯ САМАЯ КРУПНАЯ ЗМЕЯ?

Ю. Медынский, с. Дзыновка, Винницкой области.

Самая крупная змея, утверждают все энциклопедии,— водяной удав анаконда. Этот великан из Южной Америки достигает поистине гигантских размеров — девяти метров.

СКОЛЬКО ВРЕМЕНИ ДЛИТСЯ САМЫЙ ДЛИННЫЙ СОН? Я СЛЫШАЛА, ЧТО ОН ДЛИТСЯ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО СЕКУНД. ПРАВДА ЛИ ЭТО?

Лариса Ласт, г. Казань.

Когда как. Все зависит от глубины сна. Если сон у тебя глубокий, тебе вообще

ничего не приснится. А если вся ночь пройдет в состоянии не очень глубокого сна, то ты можешь видеть сны до самого утра. Но обычно глубина сна меняется. С вечера ты, к примеру, заснул «как убитый», без сновидений. Немного спустя сон становится менее глубоким. Впечатления дня причудливо переплетаются: ты видишь сны. И так все время. Из-за постоянных колебаний глубины сна сновидения и бывают обычно короткими — всего несколько минут и даже секунд. А нам они кажутся долгими-долгими. Это зависит от того, насколько ярким было сновидение. Иногда человек уснет на короткое время и во сне увидит столько событий, что рассказ о них займет больше времени, чем сам сон. Ведь и в жизни бывает так: день, переполненный событиями, кажется нам особенно длинным.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ! Я ЖИВУ В ПОСЕЛКЕ СУХОДОЛ, КУЙБЫШЕВСКОЙ ОБЛАСТИ, И ХОЧУ ПРИОБРЕСТИ СОБАКУ. ПОСОВЕТУЙТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, МНЕ, КАКУЮ СОБАКУ ЛУЧШЕ ВСЕГО ПРИОБРЕСТИ И ГДЕ. И ГДЕ ДОСТАТЬ ЛИТЕРАТУРУ О ТРЕНИРОВКЕ СОБАКИ.

Валерий Мельников.

Купить книги по собаководству нелегко, желающих приобрести их пока больше, чем тиражи книг. На всякий случай даем адреса магазинов и названия некоторых книг:

Москва, Г-2, Арбат, 21, «Военная книга — почтой».

Москва, И-223, ВДНХ, магазин № 39, отдел «Книга — почтой».

А вот список книг, которые можно спросить в библиотеке:

Демидов Н. В., Ривчун М. Б. — Собака и кошка в быту. Медгиз, 1959 г.

Михайловский А. В.— Воспитание щенка. Советы начинающему собаководу. Изд-во ДОСААФ, 1965 г.

Сахаров Н. А.— Техника дрессировки служебных собак. Россельхозиздат, 1966 г.

Спасоломский В. В.— Как воспитать служебную собаку в домашних условиях. Казсельхозгиз, 1964 г.

«Твой друг», сборник по служебному собаководству. Изд-во ДОСААФ, 1970 г.

Содержание и дрессировка служебных собак. Изд-во ДОСААФ, 1963 г.

Справочная книга по собаководству. Сельхозгиз, 1960 г.

А вот как можно приобрести щенка. Во всех областных, краевых и республиканских центрах и крупных городах есть клубы служебного собаководства ДОСААФ. В таком клубе можно получить совет специалиста по всем вопросам воспитания и дрессировки, там тебя познакомят с разными породами собак и помогут выбрать щенка. Обычно все владельцы собак в городе связаны с таким клубом, и, если у собаки появляются щенки, в клубе об этом тут же становится известно. Вот почему только в клубе ты наверняка получишь нужный тебе адрес.

Я ОЧЕНЬ ХОЧУ УВИДЕТЬ В «ПИОНЕРЕ» ПОГОНЫ РЯДОВОГО И НАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОСТАВА ВМФ И НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ВМФ.

Женя Мыльников, г. Ишимбай.

Рисунок на обложке поможет нам ответить на твой вопрос.

Два верхних ряда — **значки различия матросов и старшин.** Буква на погонах означает название флота: СФ — Северный флот, БФ — Балтийский флот, ЧФ — Черноморский флот, ТФ — Тихоокеанский флот. Ф — знак воинской части, не принадлежащей к указанным флотам.

Погоны разных цветов в зависимости от места службы матроса или старшины: корабельная служба — погоны черного цвета, береговая служба — черного с красным кантом, морской авиации — голубого.

Один узкий золотой галун на погоне — знак повышения по службе, их носит старший матрос.

Два узких галуна — старшина второй статьи. Три узких галуна — старшина первой статьи.

Один широкий галун поперек погона — главный старшина, широкий галун вдоль погона — мичман. У курсантов военно-морских училищ погоны с белой окантовкой и эмблемой в виде якоря. На рукавах — золотые шевроны — нашивки со звездой.

Следующие два ряда — **знаки различия офицеров и эмблема на головном уборе.**

Офицеры ВМФ носят черные погоны: с одним просветом — младшие офицеры, с двумя — старшие.

Эмблемы и значки (молоток и ключ, два перекрещивающихся ствола орудий, щит и меч и т. д.) носят офицеры разных специальностей, инженеры, медики, юристы. Различие специальностей подчеркивается и цветными просветами: у морских летчиков — голубые, в береговых частях — красные, у медиков — зеленые, в интендантской службе — малиновые.

На рисунке вы видите последовательно погоны и нарукавные знаки младшего лейтенанта, лейтенанта, старшего лейтенанта, капитан-лейтенанта, капитана 3-го ранга (это первое звание старшего офицера, здесь погоны с двумя просветами), капитана 2-го ранга и капитана 1-го ранга.

Два нижних ряда на рисунке—погоны адмиралов и генералов ВМФ. Погоны черные, галун сплошной, без просветов. Первоначальное адмиральское звание — контр-адмирал, затем вице-адмирал, адмирал. Самые высокие звания в ВМФ — адмирал флота и Адмирал флота Советского Союза. Последнее приравнивается к званию Маршал Советского Союза. На погонах, кроме звезды, изображение герба Советского Союза. Адмиралу, которому присвоено это звание, вручается и маршальская звезда. Звание Адмирал флота Советского Союза имеет Главнокомандующий Военно-Морским Флотом СССР С. Г. Горшков.

Рисунок А. БОРИСОВА.

Цена 25 коп. Индекс 70694